А45 15

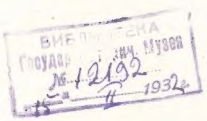
Волга

ХРОМО-ЛИТ. С. В. КУЛЬЖЕНКО. КІЕВЪ

А45
15

Фотолитохромія С. В. Кульженко.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 4 мая 1896 года.



Кіевъ.
Типографія С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская улица, домъ № 4-й.
1896.

ВОЛГА

отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани.

Предисловіе къ изданію.

Предлагаемая нынѣ читателю книга «Волга отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани» представляетъ собою объемистый литературный этюдъ, основная идея котораго—доставить въ одномъ цѣльномъ очеркѣ послѣдовательное знакомство съ побережьями Волги на огромномъ и наиболѣе важномъ протяженіи великой русской рѣки, и притомъ знакомство въ возможно широкомъ смыслѣ этого слова. Изданіе наше не есть простой путеводитель по Волгѣ—цѣль его обширнѣе: въ немъ читатель найдетъ и историческія описанія, касающіяся цѣльныхъ районовъ Поволожья и отдѣльныхъ его мѣстностей, и этнографическіе очерки, и мѣстныя легенды и преданія, и исторію торговаго и промышленнаго развитія края, и очерки развитія волжскаго пароходства, Нижегородской ярмарки и проч. За первою главою, дающей общее знакомство съ Волгой и ея исторіей, слѣдуетъ рядъ главъ, въ которыхъ читатель найдетъ достаточно данныхъ для подробнаго и всесторонняго ознакомленія не только съ такими важными центрами Поволожья какъ Нижній, Казань, Самара, Саратовъ и Астрахань, но и вообще со всѣми тѣми мѣстами поселеній, которыя имѣютъ хоть какое-нибудь значеніе въ исторіи края, въ его прошломъ и теперешнемъ существованіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ имѣть возможность прослѣдить въ послѣдовательномъ порядкѣ, считая по теченію Волги, всѣ наиболѣе красивые пункты ея береговъ. Параллельно литературной сторонѣ дѣла идетъ рядъ рисунковъ, иллюстрирующихъ очеркъ. Такимъ образомъ читатель имѣетъ возможность вдвойнѣ ознакомиться съ обширнымъ и богатымъ краемъ, давно уже успѣвшимъ заинтересовать собою не только нашихъ соотечественниковъ, но и иностранцевъ, которыхъ весьма часто можно встрѣтить путешествующими по Волгѣ и усердно изучающими исторію ея побережій и теперешнее значеніе ея береговыхъ поселеній. Наша книга можетъ служить прекраснымъ подспорьемъ для туриста, направляющагося по Волгѣ, такъ какъ она не только отмѣтитъ ему всѣ болѣе или менѣе выдающіяся мѣстности волжскаго побережья, но и дастъ ему возможность подробнаго и всесторонняго съ ними знакомства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она можетъ служить для кабинетнаго чтенія человѣку, не бывавшему на Волгѣ и желающему съ нею ознакомиться, для справокъ и провѣрки своихъ воспоминаній въ томъ случаѣ, если человѣку случилось провести нѣсколько дней на какомъ нибудь волжскомъ пароходѣ; наконецъ, въ качествѣ книги, красиво изданной и обильно снабженной хорошими иллюстраціями, наше изданіе вполнѣ достойно того, чтобы на ряду съ другими подобными сдѣлаться настольною книгою любителя хорошихъ

*иллюстрированныхъ изданій. Что касается иллюстрацій нашей «Волги», то въ качествѣ матеріала мы пользовались для нихъ прекрасно исполненными фотографіями гг. А. О. Карелина и М. Дмитріева въ Нижнемъ, г. Федорова въ Казани, г. А. П. Васильева въ Самарѣ, г. С. Вишневскаго и г-жи С. И. Климашевской въ Астрахани; сверхъ того спеціально посланный нами фотографъ снималъ виды нѣкоторыхъ мѣстностей; рисунки перомъ, помѣщенные въ нашемъ изданіи, такъ же какъ и всѣ виньетки заглавныя и заключительныя переданы нами съ оригиналовъ, исполненныхъ по нашему заказу *).*

Отдавая нашу книгу на судъ читающей публики, мы надѣемся на справедливую оцѣнку настоящаго изданія и въ оцѣнкѣ этой будемъ видѣть лучшую себѣ награду. Если книга наша поможетъ хорошему знакомству читающаго люда съ великою русскою рѣкою, съ исторіей ея прошлаго и настоящаго, съ ея значеніемъ для нашего отечества,—то цѣль наша достигнута.

Издатель.

**) Печать, фотогравюры, автотипіи и переплеты исполнены въ мастерскихъ издателя, бумага для текста и рисунковъ фабр. Х. К. Небе.*

Глава I.

ВОЛГА.

Волга—„русская красавица“! Волга—„матушка-кормилица“! Волга—„широкое раздолье“! Волга—„великая рѣка земли русской“! Какими только эпитетами не награждалъ русскій человѣкъ свою могучую рѣку, искони вѣковъ служившую его интересамъ на громадномъ протяженіи, болѣе 3000 верстъ, захватывая притомъ съ обширной сѣтью своихъ притоковъ необъятный районъ одной трети всей Европейской Россіи. Ничтожнымъ кажется рядомъ съ этимъ праздный, чисто платоническаго свойства вопросъ, не разъ зарождавшійся въ умахъ пишущей братіи, относительно того, Волга или Ока течетъ ниже Нижняго-Новгорода, иначе говоря: Ока ли впадаетъ въ Волгу, или Волга въ Оку. Правда, что Ока на разстояніи отъ истока ея до Нижняго-Новгорода протекаетъ около 1400 верстъ, а Волга отъ истока у деревни Волговерховье—лишь 1183 версты; правда и то, что въ Оку впадаетъ до 50 рѣкъ, составляющихъ въ общей сложности водную линію болѣе 7000 верстъ длины, Волга же до соединенія съ Окою принимаетъ въ себя 37 притоковъ, общая длина которыхъ составляетъ 6000 верстъ; правда и то, что бассейнъ Оки захватываетъ собою болѣе 4 съ половиною тысячъ кв. миль, бассейнъ же Волги до Нижняго—лишь только 4200 кв. миль; горныя возвышенности праваго берега Оки, начинаясь отъ Коломны и Рязани, у Нижняго-Новгорода не оканчиваются, а составляютъ далѣе правый берегъ Волги, сопровождая ее на протяженіи безъ малаго 2000 верстъ, причемъ до Нижняго Волга отъ самаго истока не имѣетъ такихъ гористыхъ береговъ.

Казалось бы, всѣ эти доводы невольно склоняютъ въ вопросѣ—„Ока или Волга“—отвѣтъ въ пользу первой рѣки; но за всѣмъ тѣмъ Волга на своемъ протяженіи 1200 верстъ до Нижняго несетъ гораздо большую массу воды, чѣмъ Ока

на ея 1400-верстномъ протяженіи съ массою ея притоковъ. За доказательствами ходить не далеко; стоитъ лишь сравнить безпрестанно попадающіяся отмели Оки съ сравнительно широкимъ и глубокимъ русломъ Волги, хотя бы отъ Рыбинска и до Нижняго; стоитъ сличить любой изъ окскихъ пароходовъ съ пассажирскими пароходами, идущими вверхъ по Волгѣ.

Причины явленія понятны. Волга протекаетъ по мѣстностямъ лѣсистымъ и прохладнымъ, она сравнительно немного расходуетъ воды на испаренія и сильно питается; ровно противуположное явленіе представляетъ собою Ока. Къ тому же, какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Рагозинъ *), человѣкъ собираетъ для Волги огромное количество запасной весенней воды (до 100 куб. саж.) для поддержанія въ ней судоходнаго горизонта; для Оки же такого богатаго продовольствія не полагается.

Начало свое Волга беретъ въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губ., верстахъ въ 4-хъ отъ границы Новгородской губ., у деревушки Волговерховье. Озера, болота и топи раскинулись тамъ на необозримое пространство. Порою они представляютъ

Часовня.

собою зыбкія трясины, подъ заманчивымъ зеленымъ ковромъ которыхъ кроются глубочайшія озера; мѣстами трясины эти покрыты до-нынѣ остатками знаменитаго въ старину „Волконскаго Бора“; такія болота тянутся тамъ иногда на 30, иногда на 40 верстъ. Въ числѣ этихъ-то болотъ и есть одно, отличающееся отъ своихъ собратій лишь тѣмъ, что на поверхности его стоитъ маленькая деревянная часовенка, въ которой ежегодно 6-го августа служится молебенъ. У этой-то часовни—начало величайшей въ Европѣ рѣки, могучей красавицы Волги. Поначалу ручеекъ, затѣмъ—рѣченка, въ перемежку съ болотцами, далѣе—рѣка средней величины и наконецъ—рѣка—громада, въ разливѣ своемъ представляющая цѣлое безбрежное море воды.

*) „Волга“, соч. В. Рагозина т. II.

Восемь верстъ ниже истока Волга встрѣчаетъ маленькое озеро, называемое Большой Верхидъ; далѣе, на пути ея, идетъ рядъ довольно значительныхъ озеръ: Стержъ, Овселукъ, Пено и Волго; тамъ же впадаютъ въ нее первые притоки—ручьи, изъ которыхъ крупнѣйшій называется Руна. На 4 верстѣ ниже озера Волго устроено довольно замѣчательное гидротехническое сооруженіе—шлюзъ весьма сложной системы, называемый Верхневолжскій бейшлотъ. При посредствѣ щитовъ бейшлота, задерживающихъ воду, всѣ четыре озера (Стержъ, Овселукъ, Пено и Волго) весною соединяются въ одно и на всемъ 80-ти-верстномъ протяженіи Волги, отъ ея истока до бейшлота, образуется такимъ путемъ, какъ-бы запасное водохранилище, называемое верхневолжскимъ бассейномъ; площадь этого бассейна до 150 квадр. верстъ, а назначеніе шлюза—повышать уровень воды въ верховьяхъ Волги во время лѣтняго мелководья. Вода, подпертая бейшлотомъ, поднимается выше нормальнаго уровня на $2^1/_2$ сажени и, смотря по надобности, спускается въ дальнѣйшую Волгу черезъ посредство открываемыхъ щитовъ. Если всѣ щиты открыты, то вліяніе шлюза простирается болѣе чѣмъ на 450 верстъ, конечно, слабѣя по мѣрѣ удаленія отъ источника снабженія водой; такъ, напримѣръ, у Релева вліяніе это выразится поднятіемъ уровня воды на 12—16 вершковъ, у Твери—на 6—8 вершковъ, у Калязина—вершка на 3, а у Мологи и Рыбинска—едва только на 1 вершокъ.

Все протяженіе Волги, считая отъ Верхневолжскаго бейшлота до Сайгачнаго прорана на Каспійскомъ морѣ, составляетъ 3384 версты. Величина поверхности волжскаго бассейна превышаетъ 30,000 кв. миль. Сравните эти цифры съ тѣмъ, что являютъ собою величайшія рѣки западной Европы и вы увидите, какъ ничтожны онѣ въ сравненіи съ великой русской рѣкой. Пресловутый Рейнъ простирается всего на 1,225 верстъ длины, а про ширину его нечего и говорить—она ничтожна въ сравненіи съ шириной Волги близъ устья Камы, не говоря уже про то, что́ представляетъ собою могучая русская рѣка въ устьѣ своемъ, гдѣ пространство, захватываемое ея безчисленными рукавами, составляетъ доброе нѣмецкое княжество, если не великое герцогство.

Сколько русскихъ людей прокатилось по Рейну, на его красивѣйшемъ протяженіи между Майнцемъ и Кельномъ! Сколько восхищенныхъ „аховъ“ и „оховъ“ раздавалось надъ его голубовато-зеленоватыми волнами! Какъ любовались эти туристы миловидною, слегка подстриженною, красотою Бибериха, мрачной прелестью скалы Лурлеи и декоративными руинами старинныхъ замковъ, украшающихъ кое-гдѣ берега нѣмецкаго красавца, тщательно поддерживаемыхъ въ ихъ полуразрушенномъ состояніи и, по существу дѣла, напоминающихъ собою цементныя скалы и сооруженія, устраиваемыя для акваріумовъ. Но многіе ли изъ этихъ людей проѣхались по Волгѣ въ красивѣйшей части ея теченія, отъ Нижняго до Саратова? Многіе ли изъ нихъ знакомы съ естественными красотами праваго берега могучей рѣки? Между тѣмъ видъ Жегулей, увѣнчанныхъ грандіозными дѣвственными лѣсами, видъ Столбичей, бугра Стеньки Разина, да даже просто видъ береговъ у Тетюшей, Симбирска, Нижняго и множества другихъ мѣстъ,—несомнѣнно превосходитъ своей красотою то, что можетъ человѣкъ видѣть на Рейнѣ и Дунаѣ. Прибавьте къ этому еще то, что путешествіе на игрушечномъ рейнскомъ пароходѣ, въ чисто нѣмецкой тѣснотѣ, съ слабыми намеками на удобства, никоимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе съ путешествіемъ на роскошномъ волжскомъ пароходѣ, путешествіемъ, исполненнымъ такого широкаго комфорта, какого даже очень богатые люди не могутъ имѣть у себя дома.

Вы взяли себѣ каюту на пароходѣ „Александръ II“ общества „Кавказъ и Меркурій“; за билетъ 1-го класса, чуть не на 1000-верстное разстояніе, вы платите всего какихъ-нибудь 10 рублей. Вы имѣете за это все, что нужно человѣку для полнаго комфорта: роскошный диванъ въ каютѣ, обширный общій залъ, безподобную прогулку по широкой палубѣ на протяженіи до 300 шаговъ, считая ее въ оба конца; вы имѣете къ вашимъ услугамъ рояль, библіотеку, ванну, роскошный и дешевый буфетъ, безподобный табль-д'отъ съ лучшими русскими и заграничными винами, вѣжливую, услужливую прислугу, электрическое освѣщеніе—если вамъ темно, паровое отопленіе—если вамъ недостаточно тепло ночью, и ко всему этому—безпримѣрную чистоту. Прибавьте къ этому, что и въ окно каюты, и въ окна общаго зала, и съ палубы, сидя подъ натянутымъ надъ вами бѣлымъ тентомъ,—вы любуетесь видами, которые одинъ красивѣе другого пробѣгаютъ мимо васъ.

Пароходъ „Александръ II“ общ. „Кавказъ и Меркурій“.

Хороша Волга днемъ! Прекрасна она вечеромъ! Послѣдній отблескъ потухающей зари; на краю небосклона, словно бронзовый кованный шаръ, медленно выплываетъ луна; дневная суета мало-по-малу смѣняется тишью; кругомъ все словно засыпаетъ—и зеркально-гладкая Волга невидимо для глазъ несетъ свои громады воды, какъ будто недвижимая, на самомъ же дѣлѣ стремящаяся съ ужасной силой и быстротой; уснувшіе берега серебрятся подъ лучами царицы ночи; не то полусвѣтъ, не то полутьма. Воздухъ чистъ и прозраченъ до такой степени, что вы становитесь невольно дальнозорки. Передъ вами пробѣгаютъ то темныя впадины—ущелья горъ, залитыхъ по выступамъ серебрянымъ свѣтомъ луны, то рѣзкія очертанія лѣсовъ, осѣняющихъ берегъ, то пріютившаяся къ крутому, слоистому обрыву деревенька, то вьющаяся лентой по высокой зеленой покатости сѣроватая дорога, ведущая отъ воды къ поселку, домики котораго чуть виднѣются на вершинѣ. Вы вдыхаете теплый и вмѣстѣ съ тѣмъ легкій воздухъ, полный аромата луговъ. Вы отдыхаете и тѣломъ и душею, вы въ нѣсколько дней дѣлаете огромный запасъ того

Фотохимиграфія С. В. Кулешова въ Кіевѣ

РАННЕЕ УТРО НА ВОЛГѢ.

топлива, которое вы съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, сжигаете за зиму въ вашей городской жизни.

Людямъ нервнымъ, утомленнымъ, нельзя рекомендовать лучшаго лѣкарства, чѣмъ пробыть на хорошемъ волжскомъ пароходѣ въ теченіе мѣсяца или хотя-бы двухъ недѣль. Иностранцы давно это поняли; нѣмцевъ, еще того болѣе французовъ и англичанъ вы встрѣтите на Волгѣ, путешествующими въ качествѣ простыхъ туристовъ, и встрѣтите ихъ и въ маѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ разлива, и въ іюнѣ, когда путешествіе по Волгѣ представляетъ собою наибольшую прелесть, благодаря свѣтлымъ луннымъ ночамъ и безподобной погодѣ, и въ іюлѣ, и въ августѣ. Надо правду сказать, что за послѣдніе годы и между русскими Волга начинаетъ входить въ моду; количество путешественниковъ „не по дѣлу“, а просто для удовольствія проѣхаться по Волгѣ, ежегодно растетъ.

У праваго берега Волги ниже Саратова.

Исторія выяснятъ намъ, что рѣки всегда играли большую роль въ жизни того или другого народа. „По берегамъ рѣкъ“, говоритъ Бабстъ, „явились первыя человѣческія поселенія, здѣсь зачатки богатыхъ городовъ. Не даромъ же боготворили древніе народы свои рѣки, не даромъ съ ними связаны всѣ главныя миѳологическія вѣрованія. Племена, населяющія одну рѣчную обласъ, соединяются ея отраслями невольно въ одно политическое тѣло, раздѣляютъ однѣ общія выгоды, терпятъ тѣже невзгоды. Рѣки—это главные этнографическіе рубежи; по нимъ, почти единственно, можно прослѣдить за древнѣйшими угасающими племенами и первыми колонизаціями новыхъ обитателей. Какъ бы общество ни было развито, какіе бы новые пути оно ни проложило,—пути естественные, по рѣкамъ, сохранятъ всегда свое значеніе, и на ихъ берегахъ, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ самой природой, останутся всегда главныя пристани и торговые рынки. Измѣняются странники, пути остаются тѣ же. Такимъ великимъ двигателемъ въ исторіи восточныхъ равнинъ Европы была Волга“.

Въ тѣ стародавнія времена, когда восточная половина Европы, по характеру своего населенія, относилась гораздо болѣе къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ, и когда славянскія племена по всему теченію Волги были не болѣе какъ временными гостями,

историческая роль Волги была громадна. По берегамъ ея было не мало коренныхъ поселеній Тюркскаго и Финскаго племенъ; одни изъ нихъ, трудолюбивые какъ Буртасы, другіе предпріимчивые какъ Болгары, третьи воинственные какъ Хозары и Печенѣги,—покрывали своими поселеніями берега Волги и ея болѣе выдающихся притоковъ. Впослѣдствіи они исчезли, или лучше сказать слились съ русскими, пришедшими сюда и изъ прежнихъ гостей обратившимися въ коренныхъ жителей. Съ этого времени значеніе Волги, неумаляясь, пріобрѣло нѣсколько иной характеръ: великая рѣка и ея притоки сдѣлались жизненными артеріями, посредствомъ коихъ русская духовная мысль и духовная сила проникли и въ горныя лѣсныя чащи праваго побережья, и въ широкія луговыя равнины лѣваго берега, и въ раздольныя степи низовыя, и, по водамъ замкнутаго Каспійскаго моря, въ дикія, невѣдомыя захолустья Средней Азіи.

У праваго берега Волги близъ Самары.

Борьба, въ которой русскіе завоевывали Волгу съ ея притоками, продолжалась болѣе трехъ столѣтій. Особенно упорною была она тамъ, гдѣ дѣло касалось завоеванія трехъ важнѣйшихъ пунктовъ: устья Оки, устья Камы и устья Волги. Въ XIII столѣтіи возникъ Нижній-Новгородъ, въ первомъ изъ названныхъ пунктовъ; здѣсь русская духовная сила, стремленіе къ промышленности и труду создали то, что поначалу служило оплотомъ противъ Азіи, откуда русскій человѣкъ упорно и усердно колонизовалъ дальнѣйшее поволожье и что впослѣдствіи стало однимъ изъ

важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи. Почти черезъ VII вѣковъ съ того времени, когда впервые возникла мысль твердо обосноваться при устьѣ Оки, русскій умъ, промышленность, искусство и торговля празднуютъ нынѣ тотъ праздникъ мирнаго труда, который являетъ собою Всероссійская Нижегородская выставка.

Второй важный пунктъ -устье Камы, лежащее нѣсколько ниже Казани, было завоевано позднѣе, послѣ долгой и упорной борьбы. Наконецъ Великій преобразователь Россіи Петръ, соединивъ верховья Волги съ морями Бѣлымъ и Балтійскимъ, окончательно обезпечилъ Россіи ея устья завоеваніемъ Каспійскихъ береговъ. Только съ тѣхъ поръ Волга сдѣлалась „великою русскою рѣкою земли русской“, важнѣйшей артеріей торговаго движенія, значеніе котораго не только не умаляется съ возникновеніемъ и развитіемъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, но напротивъ того увеличивается съ каждымъ новымъ желѣзнымъ путемъ, примыкающимъ къ тому, или другому берегу Волги.

Не лишнимъ находимъ сказать, что, какъ торговый путь, Волгу можно раздѣлить на 4 части, называемыя плессами: отъ Твери до Рыбинска, гдѣ Волга принимаетъ въ себя Шексну, отъ Рыбинска до Нижняго, гдѣ въ Волгу впадаетъ Ока, отъ Нижняго до устья Камы, гдѣ отъ Волги отдѣляется громадный водный путь вверхъ по Камѣ въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи и отъ устья Камы до Астрахани, гдѣ Волга, впадая въ нынѣ русское Каспійское море, открываетъ путь на Кавказъ и въ Среднюю Азію.

Изъ всего торговаго навигаціоннаго времени май мѣсяцъ ежегодно представляется наиболѣе благопріятнымъ на Волгѣ; въ это время рѣка являетъ собою небывалое величіе; поднявшись своими водами у Астрахани почти до двухъ сажень, у Саратова—сажень на пять, а въ верховьяхъ и болѣе того, Волга во многихъ мѣстахъ представляется цѣлымъ моремъ; многочисленные рукава ея, протоки, или такъ называемые „Воложки“, сливаясь съ кореннымъ русломъ, совершенно исчезаютъ въ общемъ гигантскомъ протокѣ; широкія поймы и низины лѣваго берега сплошь покрываются водою; ни объ какихъ меляхъ и перекатахъ въ это время не можетъ быть и рѣчи; свободный фарватеръ—повсюду. Куда ни кинешь взглядъ въ это время—повсюду видишь усиленное, почти лихорадочное движеніе. По широкому раздолью снуютъ пароходы, барки, баржи и плоты; тамъ, гдѣ въ іюлѣ видишь роскошныя зеленыя луговины, въ этотъ періодъ глазъ встрѣчаетъ на обширной водной поверхности несущіяся по всѣмъ направленіямъ суда разныхъ видовъ и величинъ.

Какъ на всѣхъ торговыхъ путяхъ, конечно и на Волгѣ торговое движеніе представляетъ собою главную суть дѣла, по сравненію съ движеніемъ пассажирскимъ, являющимся второстепеннымъ. Масса товаровъ, какъ хлѣбъ, нефтяные продукты, соль, рыба, кожи, сало въ баснословномъ количествѣ направляются вверхъ по Волгѣ. Астрахань шлетъ рыбу и нефтяные продукты; Царицынъ отправляетъ соль; съ пристаней Саратовской и Самарской губерній идетъ хлѣбъ и сало. Часть этихъ грузовъ, будучи болѣе срочной, передается на желѣзныя дороги, примыкающія къ Волгѣ ниже устья Камы; другая же, большая часть, идетъ далѣе по Волгѣ, до устья Камы; здѣсь на встрѣчу приходятъ по Камѣ, сверху внизъ, громадные грузы съ пристаней Камы, Вятки и Бѣлой. Затѣмъ все это направляется вверхъ по Волгѣ до Нижняго, по пути возрастая постепенно тѣмъ количествомъ товаровъ, которымъ снабжаютъ Волгу пристани, расположенныя между устьями Камы и Нижнимъ-Новгородомъ. Изъ Нижняго часть грузовъ идетъ по желѣзной дорогѣ на Москву, часть по Окѣ на Окскія пристани, часть по Волгѣ въ ея верховья, по направ-

ленію къ Рыбинску, громаднѣйшая же часть остается въ Нижнемъ до ярмарки. Внизъ по Волгѣ направляется также не мало товара, главнымъ образомъ принимая въ расчетъ количество груза: лѣсъ, рогожа, лыко, мочало и щепной товаръ. Что касается лѣса, будь то бревна, доски или дрова, то его въ плотахъ и на бѣлянахъ (громадныя барки) идетъ столько, что опредѣлить вѣсъ этого груза было-бы почти немыслимымъ; по всей вѣроятности, вѣсъ этотъ превышаетъ сумму вѣса всѣхъ остальныхъ грузовъ, идущихъ по Волгѣ, и потому, мы едва-ли преувеличимъ, сказавъ, что общій вѣсъ грузовъ этого характера значительно превышаетъ 300,000,000 пудовъ. Лѣсные грузы въ разныхъ видахъ направляются изъ рѣкъ Унжи и Ветлуги; уменьшаясь постепенно въ своемъ количествѣ на разныхъ пристаняхъ Волги, особенно въ Козьмодемьянскѣ (іюньская лѣсная ярмарка), въ концѣ концовъ они достигаютъ Астрахани. Вмѣстѣ съ ними другой лѣсной караванъ, еще большихъ размѣ-

Буксирный пароходъ съ баржами.

ровъ, направляется туда же отъ устья Камы, куда онъ сбирается съ Камскихъ пристаней и въ особенности съ рѣки Бѣлой, отличающейся въ весеннее время многоводностью и хорошей глубиной. Все это, вмѣстѣ взятое, направляясь къ Астрахани, по пути питаетъ собою множество пристаней тѣхъ безлѣсныхъ мѣстностей, которыя характеризуютъ низовья Волги. Что касается двухъ главныхъ притоковъ Волги, Камы и Оки, то, благодаря постоянной многоводности первой и постепенно прогрессирующему обмеленію второй, торговое грузовое движеніе первой постоянно возрастаетъ, второй же, если не падаетъ, то растетъ сравнительно очень медленно. Причины обмеленія конечно тѣ же, что и причины обмеленія, напримѣръ, рѣки Уфы, которая еще не такъ давно была судоходною рѣкою, нынѣ же изъ числа таковыхъ можетъ быть вычеркнута: истребленіе лѣсовъ; чѣмъ меньше лѣсовъ имѣлось по берегамъ Оки, тѣмъ бережнѣе слѣдовало охранять ихъ отъ истребленія; лучшее доказательство Кама: постоянно многоводная она и понынѣ располагаетъ не малымъ количествомъ лѣсовъ какъ на своихъ берегахъ, такъ и на берегахъ ея значительныхъ притоковъ.

Перейдемъ теперь къ краткому очерку судоходства по Волгѣ.

Первое большое судно, уже съ названіемъ корабля и съ именемъ „Фредерикъ“, появилось на Волгѣ въ 1636 году; оно было построено въ Нижнемъ-Новгородѣ М. Кордесомъ, съ разрѣшенія царя Михаила Ѳеодоровича, по порученію герцога Фридриха Шлезвигъ-Голштинскаго. 15 сентября означеннаго года корабль „Фредерикъ“ вышелъ изъ Нижняго внизъ по Волгѣ съ цѣлью завести торговыя сношенія съ Персіею и, вообще, съ странами Каспійскаго побережья. Экспедиція окончилась неудачей: корабль потерпѣлъ крушеніе у западныхъ береговъ Каспія. На „Фредерикѣ“, между прочими пассажирами, находился и знаменитый Адамъ Олеарій, предпринявшій это путешествіе съ ученою цѣлью. Одинъ изъ памятниковъ этого путешествія—рисунокъ Олеарія, изображающій городъ Самару въ 1636 году, мы можемъ предложить вниманію читателя въ точной копіи.

Самара.

Немного позднѣе, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, послѣдовалъ въ 1667 году царскій указъ о построеніи кораблей въ селѣ Дѣдновѣ (Коломенскаго уѣзда, Московской губ.); цѣль предпріятія—опять-таки развитіе торговыхъ сношеній съ Персіей и, сверхъ того, усиленіе средствъ для борьбы правительственной власти съ „понизовой вольницей“, имѣвшей во главѣ своей, трудно побѣдимаго въ то время, Стеньку Разина. На сей разъ строителями кораблей были: голландецъ, полковникъ русской службы, Корнеліусъ фонъ-Буковенъ, голландскій купецъ фонъ-Сведенъ и привезенные послѣднимъ голландцы-мастера; оснастка, инструменты и главное ядро экипажа—все было голландское. 1-го мая 1669 года корабль „Орелъ“, яхта, двѣ шняки и ботъ были сплавлены изъ села Дѣднова въ Нижній-Новгородъ, а въ іюнѣ „Орелъ“ поплылъ къ Астрахани. Но и эту экспедицію постигла печальная участь; годъ спустя, когда Астрахань была окружена вольницей Разина, „Орелъ“, стоявшій у города, былъ сожженъ разбойниками, а экипажъ его частію перебитъ, частію разбѣжался.

Въ 1818 году въ Петербургѣ, на заводѣ Берда, былъ заказанъ богатымъ и предпріимчивымъ астраханскимъ жителемъ Д. П. Евреиновымъ паровикъ; изъ-за границы были выписаны другія части пароходной машины, и сложенный, такимъ образомъ, довольно малосильный, хотя въ то же время громоздкій, пароходъ отправился по Волгѣ въ Астрахань. Но къ новой машинѣ, двигавшейся какъ бы то ни было вверхъ и внизъ по рѣкѣ безъ парусовъ и веселъ, обладавшей какою-то трубой съ вѣчно топимой печкой, испускавшей массу чернаго дыма, тогдашнее поволжское населеніе долго относилось съ недовѣріемъ. Снискать себѣ симпатіи „чертовой разшивѣ“ было не легко. Да и сверхъ того, самое несовершенство устройства пароходовъ, какъ этого, такъ и трехъ послѣдующихъ, сооруженныхъ тѣмъ же Евреиновымъ, дало себя знать. Машины безпрестанно портились; въ случаяхъ серьезныхъ поврежденій мастера приходилось выписывать изъ Петербурга; путь совершали пароходы медленно, груза поднимали мало; заводить пристани и склады дровъ было не изъ-за чего. А тутъ еще нѣкій французъ, безцеремонно воспользовавшись изобрѣтеніемъ русскаго самоучки Кулибина, понадѣлалъ коноводокъ, по сравненіи съ которыми Евреиновскіе пароходы оказались практически несостоятельными, и Евреиновъ разорился. Кстати припомнили и трубу, и черный дымъ, и „чертову разшиву“; сообразили, что на отопленіе посудины идетъ много дровъ, что она пугаетъ рыбу, отнимаетъ хлѣбъ у рабочаго люда... Словомъ, карьера пароходства была, казалось, надолго погубленною. Однако, все это не помѣшало, 15 лѣтъ позднѣе, помѣщику Сомову пуститься по слѣдамъ Евреинова въ пароходныя предпріятія; въ 1834 году былъ выстроенъ первый, всецѣло русскій, пароходъ „Выкса“ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Два года позднѣе явился еще пароходъ, принадлежавшій нѣкоему астраханцу-армянину. Оба эти парохода совершенствомъ своимъ не превосходили Евреиновскихъ. Кстати сказать, еще во времена Евреинова, а именно въ 1823 году было основано пароходное общество по Волгѣ, Камѣ и Каспійскому морю; но о немъ можно развѣ только упомянуть точности ради, такъ какъ оно успѣло исчезнуть съ лица земли прежде, чѣмъ заявило о своемъ существованіи дѣйствительнымъ пароходнымъ предпріятіемъ. Что касается небольшого путешествія по Волгѣ Императора Александра I-го, совершившаго этотъ путь на протяженіи отъ Симбирска до Самары, то для путешествія этого послужилъ казенный „гардкотъ“, посредствомъ котораго тогдашняя администрація содержала караулы по Волгѣ. Что такое представлялъ собою этотъ гардкотъ съ своимъ экипажемъ въ обычное время, внѣ указанной выше Императорской поѣздки, о томъ даютъ ясное понятіе слѣдующія слова, посвященныя ему однимъ изъ авторовъ, писавшихъ о Волгѣ и волжскомъ судоходствѣ *): „гардкоутный экипажъ отличался отъ волжскихъ разбойниковъ тѣмъ только, что онъ грабилъ *идеальные*, на законномъ основаніи, при чемъ еще соблюдалъ и необходимыя формальности“.

Въ 1842 году на Волгѣ появился пароходъ „Соколъ“, принадлежавшій полковнику Соколовскому. Пароходъ этотъ уже существенно отличался отъ своихъ прежнихъ собратій Евреиновско-Сомовскаго типа; очень хорошо отдѣланный, представлявшій сравнительно значительныя удобства,—онъ совершалъ безпрепятственные рейсы отъ Нижняго до Астрахани и обратно, расходуя на весь путь сверху внизъ не болѣе 10 дней, вмѣсто прежнихъ 3—4 недѣль, которыя нужны были каждому Евреиновскому пароходу.

*) Г. П. Демьяновъ, путеводитель по Волгѣ.

Въ 1843 году иностранецъ Кайли основалъ „пароходное общество по Волгѣ“. Первый пароходъ общества „Волга“ началъ совершать рейсы по Волгѣ въ 1846 году и, благодаря своему прекрасному для того времени устройству, сталъ имѣть столь быстро развивающійся успѣхъ, что, два года позднѣе, общество спустило на Волгу еще два подобныхъ парохода, „Геркулесъ“ и „Самсонъ“. Нечего и говорить о томъ, что съ тѣхъ поръ предпріятіе стало на твердую ногу и въ своемъ развитіи довольно быстро пошло впередъ; новѣйшіе пароходы общества, какъ „Бояринъ“ и „Боярыня“, какъ устроенные по американскому типу „Императрица“ и „Государыня“ не оставляютъ желать ничего лучшаго—ни по своему устройству, ни по тѣмъ удобствамъ и заботамъ о себѣ, которыми пользуются на нихъ пассажиры.

Въ 1849 году образовалось пароходное общество „Меркурій“, которое нынѣ называется „Кавказъ и Меркурій“. Общество это въ 1876 году спустило на Волгу первый гигантскій пароходъ американскаго типа „Александръ II“, роскошью своей отдѣлки и полнѣйшимъ комфортомъ окружающимъ пассажира, превосходящій собою все то, что можетъ представить человѣкъ, ни разу не сдѣлавшій продолжительнаго путешествія по Волгѣ. За „Александромъ II“ на Волгѣ появился, подобный ему, того же типа, пароходъ „Суворовъ“ и затѣмъ—остальные пароходы общества „Кавказъ и Меркурій“. Одни изъ нихъ называются легкими (лучшіе—„Александръ II“, „Суворовъ“, „Цесаревичъ Николай“),—другіе, какъ, „Владиміръ Мономахъ“, „Святославъ“, „Олегъ“ и проч., называются товаро-пассажирскими; первые проходятъ весь путь отъ Нижняго до Астрахани менѣе чѣмъ въ пять полныхъ сутокъ, вторые употребляютъ на это полутора сутокъ болѣе.

Въ 1853 году капитанъ Глазеналъ основалъ пароходное общество „Самолетъ“, блестящая эра процвѣтанія котораго начинается съ конца 80-хъ годовъ появленіемъ прекрасныхъ новыхъ легкихъ пароходовъ общества, какъ „Лермонтовъ“, „Пушкинъ“, „Тургеневъ“ и др.

Въ 1872 году покойный Зевеке спустилъ на Волгу первый огромный пароходъ американскаго типа „Переворотъ“ (впослѣдствіи названный „Колорадо“). Послѣ того имъ было построено еще нѣсколько пароходовъ того же типа, большихъ, для нижнихъ плессовъ (для рейсовъ между Нижнимъ и Астраханью) и малыхъ для верхняго плесса (рейсы между Нижнимъ и Рыбинскомъ). Нынѣ пароходство это носитъ названіе „Общество пароходства и торговли подъ фирмою А. А. Зевеке“. Изъ низовыхъ пароходовъ общества не можемъ не отмѣтить такіе прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ пароходы какъ „Миссисипи“, „Ніагара“, „Миссури“ и „Ориноко“.

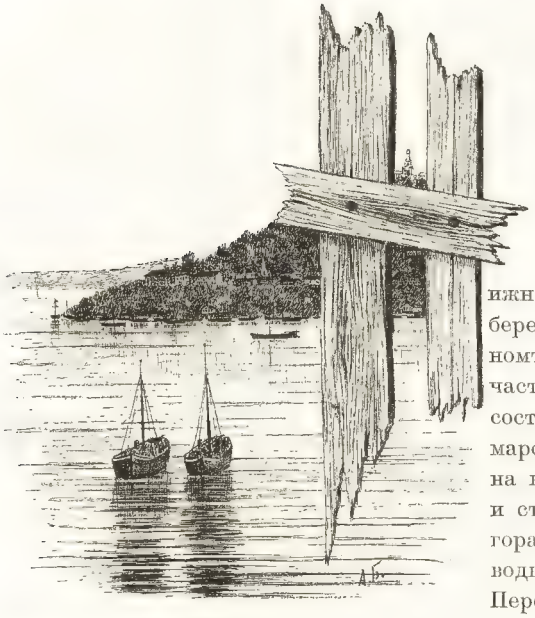
Кромѣ названныхъ пароходныхъ обществъ, совершающихъ рейсы по Волгѣ и Каспійскому морю, необходимо назвать еще другія пароходства, главное назначеніе которыхъ рейсы по Камѣ и Волгѣ между устьемъ Камы и Нижнимъ. Тутъ слѣдуетъ упомянуть пароходство Курбатова (наслѣдницы О. П. Карповой), Любимова и бр. Каменскихъ. Затѣмъ существуетъ не мало пароходовъ, принадлежащихъ разнымъ, менѣе крупнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ; изъ такихъ назовемъ, пожалуй, пароходъ „Кашинъ“ пароходовладѣльца Кашина, содержащій рейсы между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью. Отъ Нижняго до Вятки совершаютъ рейсы пароходы Булычева; отъ Нижняго до Уфы—пароходы Якимова.

На Окѣ имѣется также нѣсколько пароходныхъ обществъ и пароходовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ; изъ этихъ отмѣтимъ „Т-во по рѣкѣ Окѣ“, съ его лучшимъ пароходомъ „Алексѣй“. Что касается пароходства по Сурѣ, то оно начинало свое существованіе неоднократно, особенно за послѣднія 10 лѣтъ; разные

пароходовладѣльцы стремились установить хотя сколько нибудь правильные рейсы въ нижнемъ участкѣ этого неподатливаго притока Волги, между Васильсурскомъ и Алатыремъ (Симбирской губ.), но предпріятіе всякій разъ кончалось неудачей. По Ахтубѣ (значительныхъ размѣровъ рукавъ Волги, отдѣляющійся отъ нея у Царицына) съ 1886 года начало существовать пароходство, принадлежащее товариществу лицъ, служащихъ у бр. Нобель; рейсы его весьма незначительны и составляютъ протяженіе въ 55 верстъ отъ Царицына до села Пришиба, Царевскаго уѣзда, Астраханской губ.

Обращаясь къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ по части цифровыхъ данныхъ, касающихся Волжскаго пароходства, мы можемъ сообщить слѣдующее: паровой флотъ всего бассейна Волги составляютъ около 870 пароходовъ, изъ которыхъ по количеству первое мѣсто занимаютъ, конечно, буксирные пароходы (до 600), за ними—товаро-пассажирскіе (болѣе 100), буксирно-пассажирскіе (болѣе 50), служебные (болѣе 40), товарные и съ разнымъ инымъ назначеніемъ (до 15). Изъ всѣхъ этихъ пароходовъ—винтовыхъ насчитывается до сотни, остальные же приводятся въ движеніе колесами. Всѣхъ вообще паровыхъ судовъ на Волгѣ и притокахъ ея въ навигацію прошлаго года, по свѣдѣніямъ М. П. С., состояло болѣе 1940.

Таковъ результатъ развитія пароходнаго дѣла на Волжскомъ бассейнѣ, достигнутый этимъ дѣломъ въ теченіе полустолѣтія, считая съ того времени, когда первый, удачно сооруженный, пароходъ „Соколъ“ вспѣнилъ волны великой русской рѣки.



Глава II.

Нижній-Новгородъ.

ижній-Новгородъ раскинутъ по нагорному берегу Волги, при устьѣ Оки; на низменномъ (лѣвомъ берегу Оки) расположена часть города, называемая „Макарьевской“, состоящая изъ слободы „Кунавино“ и ярмарочныхъ строеній. Волнистыя высоты, на которыхъ живописно раскинутъ кремль и старый городъ, называются „Дятловыми горами“; возвышаются онѣ надъ уровнемъ воды въ Волгѣ и Окѣ почти на 60 саж. Пересѣкаясь глубокими, живописными оврагами, спускаются онѣ къ Волгѣ и Окѣ то террасами, то крутыми срывами, оставляя при томъ между подошвою своею и водой узкую полосу низкаго побережья, на которомъ и устроена набережная съ пароходными пристанями. Общую величину города можно опредѣлить такъ: по длинѣ онъ тянется верстъ на 5, по ширинѣ же, если считать отъ моста или набережной до городской черты, версты на $2^1/_2$. Мысъ, образуемый сліяніемъ Оки съ Волгой, называется „стрѣлкой“. Макарьевская часть города, расположенная по низменности, едва-едва повышается отъ стрѣлки къ Кунавину. Въ весеннее время значительный раіонъ этой части покрывается водою, при чемъ бываетъ залита во многихъ мѣстахъ и ярмарка; песчаный же островъ на Окѣ, при всей значительности его размѣровъ, совершенно исчезаетъ подъ водой. Окрестныя низменности, ближайшіе острова затопляются иногда не на одинъ десятокъ верстъ и тогда Волга, омывающая крутые берега Дятловыхъ горъ, является во всей своей величавой красотѣ.

Преданіе объ основаніи Нижняго гласитъ слѣдующее.

Въ стародавнія времена жилъ-былъ при устьѣ Оки мордвинъ, другъ и помощникъ „Соловья разбойника“, по прозвищу „Скворецъ“. Имѣлъ Скворецъ 18 женъ и 70 сыновей. Вся семья его жила вмѣстѣ, усердно занимаясь скотоводствомъ. Огромныя стада Скворца паслись по зеленымъ склонамъ и по террасамъ береговыхъ горъ, а къ вечеру спускались на водопой къ могучей рѣкѣ. По сосѣдству съ Скворцомъ проживалъ другой пріятель Соловья разбойника—чародѣй „Дятелъ“. И была между Скворцомъ и Дятломъ великая взаимная дружба.

Однажды спросилъ Скворецъ Дятла,—какая судьба ждетъ его дѣтей и всю его многочисленную семью въ будущемъ.—„Будутъ жить въ мирѣ и согласіи“—отвѣчалъ Дятелъ,—„и будутъ сильны, и вѣчно владѣть имъ этими мѣстами, а какъ поссорятся межъ собою,—придетъ врагъ, покоритъ ихъ, а на устьѣ Оки поставитъ *градъ камень и крѣпокъ зѣло*“. Запомнилъ тѣ слова Скворецъ и въ благодарность за

Волга съ Окой въ разливѣ.

предсказаніе впослѣдствіи съ честію похоронилъ умершаго Дятла на горахъ, и горы тѣ прозвались „Дятловыми“. Умирая самъ, Скворецъ завѣщалъ дѣтямъ жить въ мирѣ и согласіи и вѣчно помнить о Дятловомъ предсказаніи. Но не послушались старика сыновья, пошли между нихъ распри да раздоры, и пришелъ врагъ, и погибла мордовская сила.

Врагъ этотъ, конечно, были русскіе. О томъ, какъ покорилась имъ мордовская земля Скворца и какъ возникли на побережьѣ Волги русскія поселенія, отвѣтъ даетъ мордовская пѣсня, гласящая слѣдующее.

Ѣхалъ по Волгѣ русскій князь Мурза и видитъ онъ на горѣ—мордва въ бѣлыхъ балахонахъ Богу молится; спрашиваетъ князь своихъ воиновъ:—„что это за березнякъ мотается-шатается, къ землѣ-матушкѣ на востокъ преклоняется?“ Отвѣчаютъ воины:—„то не березнякъ мотается-шатается, а мордва своему Богу поклоняется; въ бадьяхъ у нихъ пиво сладкое, на рычагахъ виситъ яичница, а въ котлахъ жрецы

говядину варятъ". Мордовскіе старцы, узнавъ о русскомъ князѣ, съ миромъ послали ему привѣтъ съ молодежью своей, пива и говядины; а молодежь ту говядину съѣла, пиво выпила, а князю Мурзѣ принесла вмѣсто того земли да воды. Обрадовался князь Мурза такому дару, принялъ онъ его за знакъ покорности мордовскаго народа. Поплылъ князь Мурза далѣе по Волгѣ рѣкѣ и началъ, не жалѣючи, мордовскую землю на берегъ побрасывать; гдѣ кинетъ горсточку -тамъ быть городу, гдѣ кинетъ щепоточку –тамъ быть селенію.

По всей вѣроятности подъ именемъ князя Мурзы подразумѣвается или великій князь Андрей Боголюбскій, прогнавшій мордву отъ устья Оки, или его племянникъ, основатель Нижняго-Новгорода, Юрій II. Какъ бы то ни было, но предсказаніе чародѣя Дятла исполнилось въ точности, да и князь Мурза, очевидно, разбрасывалъ по берегу мордовскую землю щедрою рукой, судя по количеству поселеній, выросшихъ по берегамъ Волги.

Обращаясь къ историческимъ даннымъ, надо принять за непреложный фактъ, что первыми хозяевами мѣстности Нижегородской области были преимущественно Мордва, а затѣмъ Мещеряки и Черемисы, принадлежавшіе къ Финскому племени. Поселились они тамъ въ IX столѣтіи. Къ востоку отъ устья Оки жили Болгары и Буртасы, имѣвшіе неподалеку отъ устья Оки даже городъ. Въ лѣтописи между прочимъ сказано подъ 1171 годомъ: *„Бывшю же князю Мстиславлю на Городци, съ братома своима съ муромскымъ и рязанскымъ на усть Оки, и ждаша дружины двѣ недѣли и недождавше пхавше съ переднею дружиною въ поганые* (въ болгарскую землю), *и взявши селъ шесть и семое городъ"*.

Стремленіе русскаго племени къ обладанію поволжскимъ востокомъ начинаетъ замѣчаться съ XII столѣтія. Слагаясь, поначалу, изъ чисто частныхъ побужденій къ небольшимъ захватамъ, къ разграбленію болгарскихъ и мордовскихъ поселеній, къ ограбленію болгарскихъ купцовъ, стремленіе это мало-по-малу, но съ постояннымъ упорствомъ, перешло въ настойчивую идею необходимости покоренія и колонизированія волжскаго побережья. Каждый новый захватъ влекъ за собою желаніе сохранить пріобрѣтенное, оградить себя отъ возможности нападенія, только что обложенныхъ, но могущихъ собраться съ силами, сосѣдей; а это, въ свою очередь, создавало необходимость дальнѣйшихъ захватовъ. Такъ оно и шло дальше и дальше, сквозь нѣсколько вѣковъ, пока вся могучая Волга не сдѣлалась русской собственностью.

Нижній-Новгородъ основанъ въ 1222 году *) княземъ Юріемъ II Всеволодовичемъ, который, по выраженію Нижегородскаго лѣтописца, *„заложилъ градъ на устьѣ Оки рѣки, и нарече имя ему Новъ градъ Нижній, и церковь постави въ немъ соборную Архистратига Михаила древянную, а владѣли тою землею погани мордва"*.

Выбирая мѣсто для основанія новаго города, Юрій II, конечно, руководствовался, важнымъ для того времени, политическимъ соображеніемъ, касавшимся дальнѣйшихъ видовъ на мордовскія и болгарскія земли, а также и охраненія своихъ владѣній отъ вторженій той же Мордвы. Для подобныхъ цѣлей „Дятловы горы" представляли не мало удобствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма возможно, что князь былъ въ то же время не чуждъ и нѣкоторыхъ поэтическихъ соображеній создать нѣчто подобное святому русскому городу Кіеву, съ его Печерской Лаврой. Сходство обѣихъ мѣстностей поразительно: и тамъ, и тутъ красивыя высоты, прорѣзанныя овра-

*) По нѣкоторымъ указаніямъ въ 1221 году.

гами, спускаются къ берегу рѣки; и тамъ, и тутъ берега эти омываются роскошной рѣкой, несущей свои воды въ далекое, желанное море; и тамъ, и тутъ съ высокихъ горъ открываются безконечные виды на далекія луговыя низины, зеленѣющія за рѣкой. Что предположеніе наше относительно вышепомянутой идеи, могшей соблазнять Юрія II, не есть натяжка, —отчасти служитъ подтвержденіемъ то обстоятельство, что, основавъ Нижній-Новгородъ, Юрій II построилъ въ немъ монастырь, который назвалъ Печерскимъ, а рѣчкѣ, протекавшей по одному изъ Нижегородскихъ овраговъ, присвоилъ названіе „Почайны".

До начала XIV вѣка Нижній-Новгородъ не имѣлъ самостоятельнаго значенія и игралъ роль не болѣе, какъ сторожевого оплота низовской земли, какъ тогда назывались всѣ русскія владѣнія по рѣкѣ Волгѣ, начиная отъ устьевъ рѣки Мологи. Юрій II всячески старался оградить вновь основанный городъ отъ непріятельскаго нашествія; съ этой цѣлью городъ былъ обнесенъ рвомъ и валами, въ немъ помѣщались сильные отряды, которые нѣтъ-нѣтъ да и навѣдывались въ мордовскія земли. Но съ 1350 года значеніе Нижняго-Новгорода возросло; великій князь Суздальскій, Константинъ Васильевичъ, стремясь основать въ противовѣсъ Москвѣ сильное княжество, перенесъ свой престолъ изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ. Сыновья Константина Васильевича старались по мѣрѣ силъ отстоять независимость Нижегородскаго княжества; Борисъ даже состоялъ въ открытой борьбѣ съ стремленіями Москвы къ захвату подъ свою руку владѣній сосѣднихъ князей и за это поплатился престоломъ; къ нему былъ присланъ отъ Московскаго митрополита Алексѣя игуменъ Радонежскій Сергій, которому было поручено убѣдить князя Бориса уступить свой престолъ брату своему Дмитрію Константиновичу, который, какъ,

Фотохимитипія С. В. Кульженка въ Кіевѣ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

извѣстно, былъ болѣе покоренъ Москвѣ. Борисъ отказался на-отрѣзъ, несмотря на то, что Сергѣй за неповиновеніе распорядился именемъ митрополита запереть всѣ Нижегородскія церкви. Но на помощь духовнымъ увѣщаніямъ явилась Московская рать съ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ, который завладѣлъ Нижнимъ и, захвативъ брата Бориса, отвезъ его въ Москву.

Въ княженіе Дмитрія Константиновича (1368—1383 гг.) неоднократно нападали на Нижній татары и это вынудило великаго князя приступить къ постройкѣ каменнаго кремля, но выстроилъ онъ одну только башню, которая и донынѣ извѣстна подъ названіемъ „Дмитровской“.

Между преемниками Дмитрія возникли междуусобицы, которыми и воспользовалась Москва. Василій Темный овладѣлъ городомъ въ 1392 году и присоединилъ все Нижегородское княжество къ Москвѣ.

Іоаннъ III, съ котораго начался рядъ войнъ съ Казанью, сдѣлалъ изъ Нижняго сборный пунктъ для войскъ, посылаемыхъ противъ Казани, и потому усердно продолжалъ заботы объ укрѣпленіи города; при немъ была выстроена Тверская башня, оконченъ же кремль постройкой при Василіи IV.

Пока, въ теченіе столѣтія, Москва ожесточенно воевала съ Казанью, на долю Нижняго выпадала вся тягота неудачъ для русскихъ; какъ самый важный пунктъ и какъ богатый уже тогда городъ, онъ привлекалъ постоянно жадные взоры татаръ и только съ покореніемъ Казани судьба стала баловать его покойнымъ существованіемъ. Но и то, слишкомъ 20 лѣтъ спустя послѣ покоренія Казани, татары въ послѣдній разъ подступили къ городу въ 1574 году, но Нижегородскаго Кремля одолѣть не могли.

Гробница Минина.

Въ смутное время Нижній-Новгородъ сыгралъ великую роль вѣрнаго стража земли русской; 1612 годъ отразился для него великою славою двухъ знаменитыхъ его гражданъ: Минина и Пожарскаго.

О Мининѣ извѣстно, что онъ, по роду занятій будучи мяснымъ торговцемъ, служилъ въ то же время выборнымъ посадскимъ старостой. За оказанные имъ великіе подвиги на пользу Россіи онъ былъ награжденъ званіемъ думнаго дворянина и сверхъ того ему было пожаловано помѣстье (село Богородское, въ Березополѣ). Не оставивъ послѣ себя потомства, Мининъ скончался въ 1616 году.

Гробница Минина сдѣлана была въ 1797 году; на ней написано стихотвореніе (неизвѣстнаго автора) слѣдующаго содержанія:

„Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчна слава, честь;
Се Миновичъ Кузьма здѣсь тѣломъ почиваетъ:
Всякъ, истинный кто Россъ, да прахъ его лобзаетъ!“

На трехъ металлическихъ доскахъ сохранилась надпись, гласящая: „Господь силъ съ нами“, „заступникъ нашъ“, и „Богъ Іаковль“ а далѣе идетъ разсказъ о событіяхъ 1612 года и о томъ, какую роль игралъ въ нихъ Мининъ. Прахъ Минина покоится подъ высокимъ саркофагомъ, осѣненнымъ вызолоченнымъ балдахиномъ, и гробница его помѣщается въ главной святынѣ Кремля, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

Памятникъ Минину и Пожарскому, имѣющій форму остроконечнаго гранитнаго обелиска, помѣщается на краю горы, противъ Архангельскаго собора и церкви Успенія.

На одной сторонѣ памятника исполненъ барельефъ, изображающій Козьму Минина съ открытой головой въ рубахѣ; надъ головой—два генія, держащіе вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ; внизу—надпись: „Гражданину Минину благодарное потомство. 1826 г.“. На противоположной сторонѣ—бюстъ князя Пожарскаго въ латахъ и шлемѣ, а внизу надпись: „Князю Пожарскому благодарное потомство. 1826 г.“.

Послѣ подвига Минина Нижнему-Новгороду не довелось принимать выдающагося участія въ историческихъ событіяхъ. Во время Разинскаго бунта сообщники Стеньки, послѣ захвата Арзамаса и Лыскова, подступили было къ Нижнему, но, будучи встрѣчены весьма энергическимъ воеводой, умѣло распорядившимся въ этомъ случаѣ, бунтовщики были разсѣяны.

Когда, по окончаніи Разинскаго бунта, было замѣчено быстрое усиленіе раскола въ низовскихъ земляхъ Поволожья, въ Нижнемъ была учреждена митрополичья каѳедра съ цѣлью борьбы съ расколомъ; первымъ митрополитомъ назначенъ былъ Нижегородскій уроженецъ архимандритъ Филаретъ; каѳедра существовала до 1719 года. Петръ Великій посѣтилъ Нижній дважды. Первое посѣщеніе его оставило послѣдствіемъ учрежденіе верфи для изготовленія парусовъ, мачтъ и, вообще, всякаго такелажа. Второе посѣщеніе (въ 1722 г. на пути въ Персію) ознаменовалось празднованіемъ, весьма интересно сочетавшихся, событій: 30 мая (день рожденія Петра Великаго) были отпразднованы 50-й годъ жизни Петра Великаго и 500-лѣтняя годовщина основанія Нижняго-Новгорода.

Наканунѣ Государь отслушалъ всенощную въ церкви собора Богородицы (близъ дома Строгановыхъ), а 30 мая былъ у обѣдни въ Преображенскомъ соборѣ и самъ читалъ тамъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. По окончаніи обѣдни великій Государь показалъ лично своимъ потомкамъ и всему русскому народу примѣръ того, какъ надлежитъ относиться къ памяти Минина; склонившись до земли предъ гробницею, онъ сказалъ: „вотъ истинный спаситель отечества“. И съ тѣхъ поръ всѣ державныя лица, посѣщая Нижній, отдавали праху Минина ту же честь.

Въ 1719 году Нижній-Новгородъ, при учрежденіи новыхъ губерній, былъ сдѣланъ губернскимъ городомъ.

Въ 1767 году Нижній посѣтила Императрица Екатерина II, которой между прочимъ былъ представленъ извѣстный Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ этого человѣка. Родился онъ въ 1735 году и былъ сыномъ небогатаго мучного торговца. Вполнѣ самоучкою достигъ онъ многихъ интересныхъ результатовъ по части механики; но, къ сожалѣнію, жить довелось ему въ то глухое, непросвѣщенное время, когда не только трудно, но прямо-таки невозможно было даже такому даровитому человѣку, какъ Кулибинъ, справиться съ непосильной задачей—провести свое изобрѣтеніе въ жизнь. Въ чрезвычайной бѣдности, не оставивъ ничего даже на свои похороны, всѣми забытый, умеръ Кулибинъ въ 1818 году въ Нижнемъ, завѣщавъ своему родному городу изобрѣтенное имъ для нѣжно любимой имъ Волги самоходное судно. По тогдашнему времени простота и практичность замысла были просто чудомъ. Но, увы! сограждане Кулибина, даже не попробовавъ спустить судно на воду, употребили его какъ дрова для отопленія думы... Только въ 1868 году нижегородцы припомнили, что когда-то среди нихъ жилъ Кулибинъ, несмотря на свою даровитость, такъ плачевно окончившій свою жизненную карьеру, и рѣшили основать Кулибинское ремесленное училище въ память механика-самоучки, которое и было открыто 19 марта 1872 года.

Важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ Нижній-Новгородъ сдѣлался съ 1817 года, когда въ него была переведена Макарьевская ярмарка.

Въ 1834 году Нижній посѣтилъ Императоръ Николай I и это посѣщеніе оставило громадный слѣдъ въ видѣ серьезныхъ преобразованій и переустройствъ въ самомъ городѣ. По приказанію Императора всѣ частныя зданія и старый архіерейскій домъ въ Кремлѣ—были срыты до основанія, а вмѣсто нихъ возведены губернаторскій домъ, арсеналъ, зданіе присутственныхъ мѣстъ, гауптвахта и кадетскій корпусъ имени графа Аракчеева. По откосу горы былъ разведенъ садъ. Всѣ лавки, цѣлымъ роемъ лѣпившіяся за рвомъ, между стѣною и Благовѣщенской площадью,

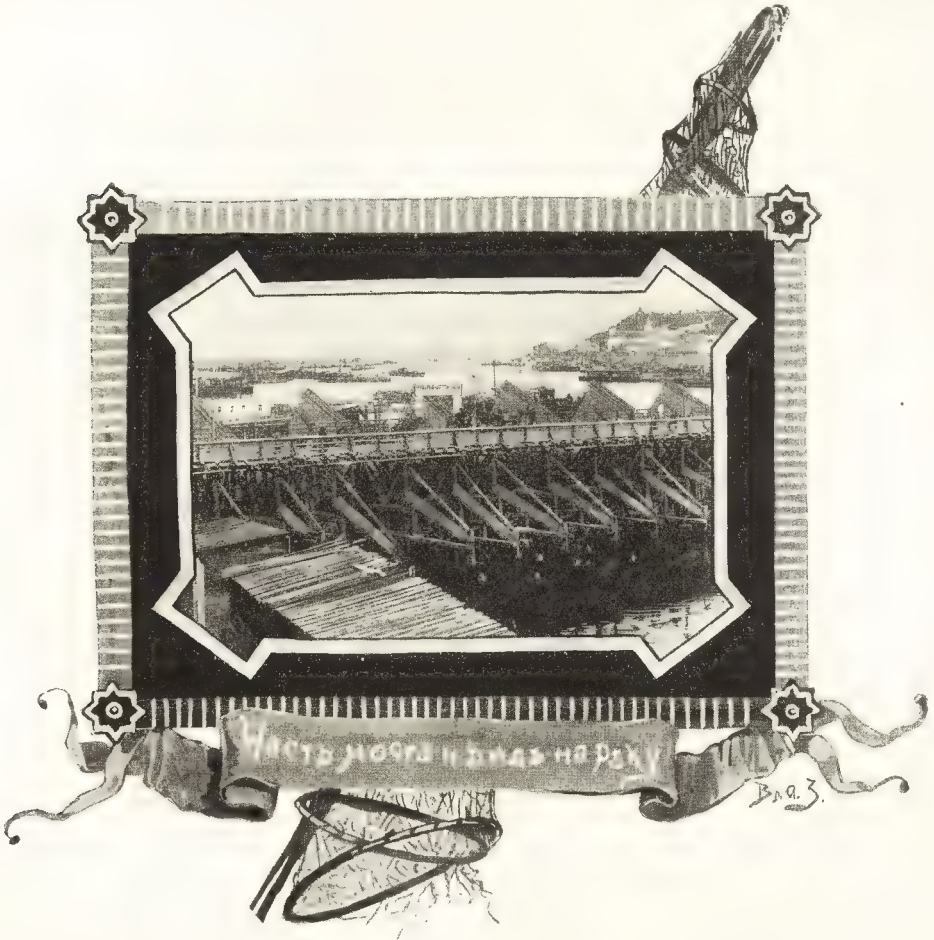
были срыты, ровъ у Кремлевскихъ стѣнъ засыпанъ, а на мѣстѣ этомъ разведенъ бульваръ, служащій нынѣ украшеніемъ города и мѣстомъ самой пріятной прогулки, такъ какъ съ бульвара этого открывается видъ поистинѣ замѣчательный. Панскія улицы, тянувшіяся по самому берегу Волги, и разные домишки, торчавшіе тамъ и сямъ по скатамъ откоса, всѣ сплошь уничтожены. Откосъ украшенъ паркомъ; въ оврагахъ устроены съѣзды: Похвалинскій, Зеленскій, Георгіевскій и Печерскій; черезъ овраги перекинуты дамбы: Лыкова, Варварская и Острожная; на нижней набережной возведены двѣ большія казармы. Частныя лица того времени тѣмъ болѣе усердно помогали правительству во всѣхъ этихъ переустройствахъ и преобразованіяхъ, что это отвѣчало ихъ выгодамъ, не говоря уже о быстро возраставшемъ значеніи Нижняго, лица эти пользовались субсидіями правительства, выдаваемыми имъ прямо и косвенно; такъ, напримѣръ, купцы, строившіе дома по извѣстнымъ мѣст-

ностямъ и въ извѣстномъ порядкѣ, освобождались отъ гильдейскихъ пошлинъ на 10 лѣтъ; тѣ, кто сверхъ того нуждался въ денежныхъ вспомоществованіяхъ, получалъ ихъ изъ особо образованнаго ссуднаго капитала; одно городское управленіе сдѣлало у казны заемъ на переустройство Нижняго, простиравшійся до 3,230,000 рублей.

Въ 1881 году Нижній-Новгородъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ покойнаго незабвеннаго Государя Императора Александра III и Его Августѣйшей Семьи.

Теперешній Нижній-Новгородъ—и по мѣстоположенію своему, и по внѣшнему виду зданій, и по характеру внутренней жизни, являетъ собою двѣ рѣзкія противуположности въ двухъ своихъ частяхъ: верхней—нагорной (самый городъ) и въ нижней—зарѣчной (слобода Кунавино и ярмарка). Верхняя часть, красиво расположенная на Дятловыхъ горахъ, представляетъ собою хорошій губернскій городъ, благодаря своей древности и историческому значенію, щеголяющій историческими памятниками, святынями и другими достопримѣчательностями. Зарѣчная часть, оффиціально называемая „Макарьевскою“, но сохранившая до настоящаго времени свое прежнее названіе „Кунавино“, раскинута на широкое пространство по низменности и изображаетъ собою огромный торговый центръ, главную сущность котораго составляетъ ярмарка, съ ея множествомъ лавокъ, съ ея „главнымъ домомъ“, новымъ соборомъ, народными столовыми, а затѣмъ существующими ради ярмарки въ изо-

биліи гостиницами, трактирами, ресторанами и проч. Верхняя часть города живетъ обычною губернско-городскою жизнью изо дня въ день круглый годъ, жизнью, исполненной тѣхъ интересовъ, которые составляютъ неотъемлемое достояніе другихъ, выдающихся губернскихъ городовъ Россіи. Нижняя часть живетъ лихорадочною торговою жизнью въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; жизнь эта—горячая, бѣшено несущаяся впередъ, преисполнена ежеминутно въ этотъ періодъ времени такого множества сталкивающихся интересовъ, что про нее можно смѣло сказать:



„она кипитъ ключемъ“; но зато начиная съ октября и до наступленія весенняго времени, примѣрно до мая, вся эта нижняя часть города погружается въ такую спячку, что кипучій за лѣтнее время центръ выглядитъ тогда мертвымъ царствомъ. Нижняя часть связывается съ верхнею плашкотнымъ мостомъ длина, котораго безъ малаго верста, и который приводитъ на той сторонѣ рѣки прежде всего къ узкой сравнительно низменности, составляющей подножіе Дятловыхъ горъ и являющей собою, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ бы переходъ отъ зарѣчной части („Кунавино“) къ самому городу („Верхній базаръ“ или „посадъ“). Эта переходная часть, такъ называемая „Рождественская“, иначе „Нижній базаръ“, живетъ до извѣстной

степени жизнью верхняго города, оживляясь въ то же время, совершенно исключительно, на весь періодъ ярмарки, отъ которой она заимствуетъ и ея лѣтнюю горячку. Что касается вокзала Нижегородской желѣзной дороги, то онъ помѣщается въ низкой части города, на большомъ протяженіи отъ моста, и человѣкъ, ѣдущій съ вокзала въ самый городъ, продѣлываетъ весьма изрядный конецъ черезъ Кунавино, мостъ, нижній базаръ, длинный въѣздъ на гору, прежде чѣмъ попадетъ хотя къ Нижегородскому Кремлю.

Нижегородскій Кремль представляетъ собою одну изъ историческихъ достопримѣчательностей города. Для постройки его былъ выписанъ изъ Италіи великимъ княземъ Василіемъ IV архитекторъ Франческо, довольно скоро переименованный русскими въ Фрязина. Постройка была начата 1-го сентября 1508 года и окончена къ зимѣ 1511 г. Франческо-Фрязинъ обложилъ старый ровъ кирпичемъ и, къ двумъ, прежде существовавшимъ, башнямъ—Дмитровской и Тверской, прибавилъ еще одиннадцать башень, соединивъ ихъ каменными стѣнами, снабженными для большей устойчивости громадными контрфорсами. Названіе этихъ новыхъ башень: Часовая (нынѣ Александровская), Георгіевская, Пороховая, Кладовая, Тайницкая, Духовская, Бѣлая, Борисоглѣбская, Сѣверная (нынѣ Николаевская), Никольская и Коромысловая. Странность послѣдняго названія объясняется преданіемъ, касающимся постройки башни, гласящимъ слѣдующее: когда приступили къ закладкѣ первой кремлевской башни (имѣнно Коромысловой), рабочіе, согласно тогдашнему повѣрью, ради благополучнаго окончанія стройки, порѣшили зарыть живое существо, которое покажется первымъ во премя приступа къ кладкѣ башни; первою подошла къ несчастію для нея молодая женщина, несшая на коромыслѣ ведра, съ которыми шла за водой на Почайну; любопытства ради она подошла посмотрѣть на работу. Ее-то именно рабочіе и зарыли живьемъ въ землю съ ведрами и коромысломъ. Отсюда и названіе башни.

Франческо-Фрязинъ былъ очевидно техникъ предусмотрительный; подъ стѣнами и башнями Кремля вывелъ онъ огромныя каменныя трубы для стока родниковыхъ водъ; такая предусмотрительность въ значительной степени объясняетъ необычайную прочность и устойчивость сооруженія. Ровъ устроенъ былъ у Кремля лишь въ восточной части его, отъ Георгіевской башни до Коромысловой; остальная часть Кремля, построенная на кручахъ, не нуждалась во рвѣ. Остатки рва сохранились до нынѣшняго столѣтія только близъ Дмитровскихъ воротъ; въ 1838 году на ихъ мѣстѣ устроенъ нынѣшній Кремлевскій бульваръ.

Въ позднѣйшій періодъ времени были произведены нѣкоторыя, такъ называемыя, „исправленія“ Кремлевскихъ стѣнъ и башень; особеннымъ вредомъ отразились работы, произведенныя въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія: стѣны были понижены, высота башень, бывшая прежде до 15 саж., уменьшена, зубцы укорочены; все это вмѣстѣ взятое значительно повліяло въ ущербъ прежней грандіозности Нижегородскаго Кремля, особенно принимая въ расчетъ, что и самая длина стѣнъ была сокращена болѣе чѣмъ на 55 саж. При позднѣйшихъ перестройкахъ въ 30-хъ годахъ, архитекторы умудрились засыпать устроенныя Фрязинымъ трубы, результатъ чего обнаружился довольно скоро: вода подмыла скаты горы, часть стѣны обрушилась, а бывшая здѣсь церковь Св. Духа порастрескалась и поползла внизъ; такъ мудрствовали позднѣйшіе техники надъ сооруженіемъ даровитаго Франческо.

Изъ зданій Кремля отмѣтимъ соборы Преображенскій и Архангельскій, памятникъ Минину и Пожарскому, губернаторскій домъ съ Духовской часовнѣй и Аракчеевскій кадетскій корпусъ.

Архангельскій соборъ—древнѣйшій изъ храмовъ Нижняго-Новгорода—построенъ Юріемъ II при основаніи города въ 1222 году, по началу деревяннымъ, а черезъ пять лѣтъ каменнымъ. Въ 1620 году, пришедшій къ этому времени въ нѣкоторый упадокъ храмъ былъ въ значительной степени реставрированъ. Въ Архангельскомъ соборѣ хранятся, какъ святыни, нѣкоторыя церковныя вещи, древность которыхъ восходитъ до временъ Юрія II, и священническое облаченіе, сшитое, по преданію, изъ одеждъ великихъ князей Нижегородскихъ и потому называемое „Княжескимъ“. Въ соборѣ же находятся и саркофаги, подъ которыми покоятся потомки великихъ князей Нижегородскихъ, находившіеся уже на службѣ Московскихъ царей.

Главная святыня Кремля —Спасо-Преображенскій каѳедральный соборъ. Первоначально построенный въ 1350 году великимъ княземъ Константиномъ Васильевичемъ, храмъ этотъ въ XVII вѣкѣ пришелъ въ такое разрушеніе, что вмѣсто него былъ возведенъ новый, въ свою очередь сильно обветшавшій къ 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Въ настоящемъ своемъ видѣ храмъ воздвигнутъ въ 1834 году. Въ подвальномъ этажѣ его, совершенно лишенномъ свѣта, существуетъ церковь съ тремя алтарями: средній—во имя Казанской Божіей Матери (въ память избавленія Россіи отъ Литвы въ 1612 году); правый —во имя Св. Дмитрія Солунскаго (въ память князя Пожарскаго) и лѣвый—во имя Св. Козьмы и Даміана (въ память Минина); у праваго придѣла помѣщены гробницы независимыхъ великихъ князей Нижегородскихъ, у лѣваго—гробницы Минина и семи святителей Нижегородскихъ.

Относительно памятника Минину и Пожарскому мы говорили выше, что же касается губернаторскаго дома и Аракчеевскаго корпуса, то полагаемъ достаточнымъ одного, сдѣланнаго о нихъ нами, упоминанія.

Противъ Кремля, на красивой Благовѣщенской площади, помѣщается Благовѣщенскій соборъ, основанный въ XIV вѣкѣ великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ во имя своего патрона, почему храмъ назывался по-началу церковью во имя Дмитрія Солунскаго. Въ настоящемъ своемъ видѣ соборъ выстроенъ въ 1696 году Воиновымъ.

Изъ остальныхъ храмовъ упомянемъ, выстроенную недавно, Воскресенскую церковь, древнюю Георгіевскую церковь, Рождественскую, существовавшую уже въ XVI вѣкѣ и вновь сооруженную въ 1719 году Строгановымъ, и церкви женъ Мироносицъ и Ильинскую, также весьма древнія. Изъ нихъ особенно отмѣтимъ Рождественскую церковь, болѣе извѣстную подъ именемъ Строгановской, напоминающую своеобразной красотой архитектуры церковь Св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Знатоки живописи обыкновенно восторгаются иконами Спасителя и Богоматери, писанными художникомъ Каравакомъ по заказу Петра Великаго для Петропавловскаго

собора и, какъ гласитъ преданіе, подмѣненными за громадную сумму самимъ художникомъ по подговору Григорія Строганова. Подмѣнъ былъ произведенъ во время отъѣзда царя за-границу; когда же, три года спустя, Петръ I, посѣтивъ Нижній, остановился въ домѣ Строганова и, зайдя въ его церковь ко всенощной, узналъ иконы, видѣнныя имъ еще въ недоконченномъ видѣ въ мастерской художника,— гнѣвъ царя былъ такъ великъ, что онъ приказалъ не только произвести слѣдствіе, но и запечатать самую церковь. Достовѣрно неизвѣстно, чѣмъ кончилось дѣло, но церковь была отпечатана лишь въ царствованіе Екатерины II, знаменитыя же иконы находятся въ ней и понынѣ.

Монастырей въ Нижнемъ три. Печерскій монастырь расположенъ на юговосточной окраинѣ города, въ чрезвычайно живописной мѣстности, на берегу, спускающемся уступами къ Волгѣ. Благовѣщенскій монастырь красиво раскинулся по Дятловымъ горамъ надъ Окой. Въ соборной церкви этого монастыря находится, замѣчательная по своей древности, икона Корсунской Божіей Матери, писанная въ 993 году, какъ видно изъ греческой на ней надписи; икона эта есть единственная копія съ образа Богоматери, писаннаго Евангелистомъ Лукою. Женскій Крестовоздвиженскій монастырь находится на западной окраинѣ города, близъ берега Оки, спускающагося къ рѣкѣ крутыми уступами.

Всякому, попавшему въ Нижній-Новгородъ и пожелавшему ознакомиться съ его историческими достопримѣчательностями, можно рекомендовать, послѣ осмотра соборовъ съ ихъ гробницами и вообще Кремля, выйти на Кремлевскій бульваръ и, сѣвъ на скамейку, полюбоваться раскинувшимися передъ нимъ видомъ. Только любуясь тѣмъ, что представится тогда человѣку, можно до извѣстной степени понять идею, руководившую Юріемъ II при основаніи Нижняго-Новгорода. Дѣйствительно въ цѣлой Россіи нельзя было подыскать мѣстности, которая ближе напоминала бы прелесть Кіевской природы.

Мы не ошибемся, сказавъ, что всякому, знакомому съ красотами различныхъ мѣстоположеній Россіи и Европы, положительно слѣдуетъ ознакомиться подробно съ двумя такими видами, какъ видъ, открывающійся отъ памятника Св. Владиміра въ Кіевѣ, и какъ другой, подобный ему, открывающійся съ Кремлевскаго бульвара въ Нижнемъ.

На шестидесятисаженной глубинѣ подъ вами широкой лентой стелется громадная рѣка, только что соединившаяся съ столь же громаднымъ своимъ притокомъ. Водная поверхность этой рѣки оживлена словно людная улица бойкаго столичнаго города; по ней снуютъ во всѣхъ направленіяхъ пароходы и пароходики, барки, баржи и лодки всѣхъ величинъ. Вотъ движется громадный пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“—„Суворовъ“, распространяя на широкое пространство волны лопастями своихъ гигантскихъ колесъ, и вотъ почти наперерѣзъ ему быстро несется пароходъ „Ласточка“, перевозящій пассажировъ съ одного берега рѣки на другой. Далѣе, ближе къ пескамъ громоздятся одна возлѣ другой огромныя баржи, а въ сторонѣ отъ нихъ пыхтитъ некрупный, но многосильный буксиръ, тянущій за собой столько нагруженныхъ барокъ, что невольно удивляешься, какъ онъ справляется съ ними. А вотъ и мостъ; на немъ кипитъ движеніе; бездна экипажей и пѣшеходовъ, кажущихся сверху игрушечными, покрываетъ его поверхность. Съ каждой стороны его рѣка до того наполнена причаленными здѣсь барками, рыбными садками и прочимъ, что мостъ выглядитъ обрамленнымъ съ обѣихъ сторонъ какими-то своеобразными постройками. Далѣе за мостомъ виднѣется Сибирская пристань

съ ея невѣроятными складами товаровъ, сплошь нагроможденными тюками разныхъ формъ и величинъ въ высоту не одной сажени. Тамъ товарныя пристани пароходствъ, тамъ кишитъ цѣлый муравейникъ грузовщиковъ, между которыми съ особеннымъ усердіемъ снуютъ здоровенные татары, предпочитаемые здѣсь и пароходовладѣльцами, и отправителями за свою выносливость, силу и способность работать безъ перерыва множество часовъ. А вотъ раскинулись передъ вами на широкомъ просторѣ дальнѣйшей низины цѣлыя улицы ярмарочныхъ зданій, трактировъ, ресторановъ, гостиницъ, лавокъ и магазиновъ. Среди нихъ высится ярмарочный соборъ и красивое зданіе Главнаго дома.

Главный домъ.

Движеніе, царящее въ этомъ обширномъ районѣ, просто изумительно; оно превышаетъ собой всякое понятіе о бойкой торговой суетѣ; всѣ куда-то торопятся, всѣ бѣгутъ, изображая собой громадный муравейникъ въ самую страдную его пору. Правда, что надъ всѣмъ этимъ вьется изрядное количество пыли, которое слегка задергиваетъ вамъ видъ сѣроватой дымкой, но вѣдь нельзя же безъ того: Кунавино— мѣстность русская, и хозяйничаютъ въ ней все таки русскіе люди, хотя заѣзжихъ гостей въ періодъ ярмарки бываетъ превеликое множество; какъ же тутъ не быть пыли?

Кстати о Кунавинѣ. Старое Кунавино, о которомъ упоминается въ описаніяхъ 1611 года, было на мѣстѣ нынѣшней ярмарки и только позднѣе мало по малу отодвинулось вверхъ по Окѣ. Въ прежнее время Кунавинцы занимались водолазнымъ промысломъ, расковкой гвоздя и подъемомъ плотовъ вверхъ по Окѣ; теперь главный промыселъ ихъ—существовать отъ ярмарки, зарабатывая отъ нея всякими способами, начиная съ отдачи домовъ на время ярмарки подъ трактиры, харчевни и прочее. Названіе „Кунавино“ производятъ разно. Одни говорятъ, что во время оно въ мѣстности было прорыто много канавъ, отчего она и названа „Канавино“, перешедшее впослѣдствіи въ „Кунавино“; другіе утверждаютъ что „Кунавино“ есть собственно „Кума-вина“, разсказывая при этомъ цѣлую легенду о какой-то всесвѣтной „кумѣ“, привлекавшей прелестью своего обращенія и продаваемыхъ ею на-

питковъ не только слобожанъ, но и самыхъ солидныхъ обывателей нагорной части города; наконецъ, третьи—и это объясненіе чуть ли не самое резонное—производятъ названіе „Кунавино“ отъ слова „Куна“—древній денежный знакъ, посредствомъ котораго уплачивались пошлины.

Обратимся теперь къ Нижегородской ярмаркѣ.

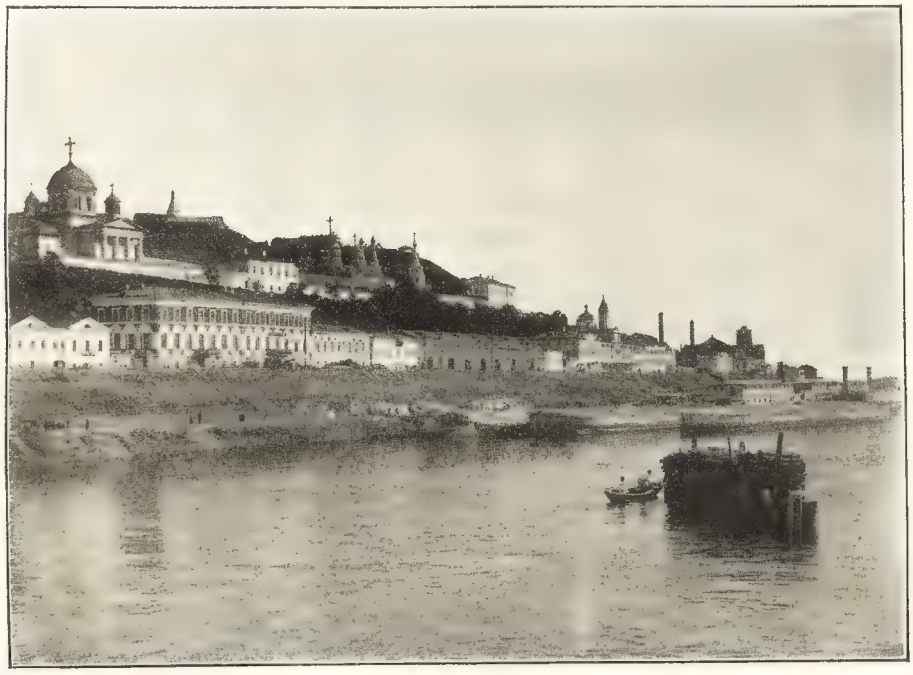
Волга искони вѣковъ была самоважнѣйшимъ торговымъ путемъ, и уже въ XIV столѣтіи существовала Волжская ярмарка въ Болгарахъ. По разореніи этого города и самаго царства Болгарскаго татарами, на Волгѣ образовалось нѣсколько ярмарокъ и одна изъ нихъ была въ Нижнемъ; но постоянные набѣги не очень-то благопріятствовали торговлѣ, и ярмарка въ Нижнемъ сама собой прекратилась. Новымъ торговымъ центромъ сдѣлалась Казань—столица тогдашняго татарскаго царства. На Казанскую ярмарку собирались къ 24-му іюня купцы со всей русской земли и востока. Ярмарка эта устроена была на Арскомъ полѣ и происходила всегда въ присутствіи самыхъ царей Казанскихъ, помѣщавшихся въ нарочно устроенныхъ палаткахъ, не въ мѣру пировавшихъ по случаю торжища, и не въ мѣру безчинствовавшихъ. Въ 1523 году Магметъ-Аминъ распорядился во время ярмарки перерѣзать русскихъ купцовъ и забрать ихъ товары. Василій IV въ виду подобнаго злодѣйства воспретилъ русскимъ ѣздить на Казанскую ярмарку и взамѣнъ того приказалъ собираться въ Васильсурскѣ. Но ярмарка здѣсь прививалась плохо и еле влачила свое существованіе.

Съ покореніемъ Казани и водвореніемъ мира на всемъ среднемъ Поволожьѣ потребность въ ярмаркѣ стала ощущаться еще сильнѣй. Быть можетъ отчасти религіозное чувство указало мѣсто для торга близъ Макарьевскаго монастыря на Волгѣ, недалеко отъ озера „Желтыя воды“, куда и безъ ярмарки стекалось множество богомольцевъ къ 25-му іюня. Поначалу то былъ однодневный торгъ, но, постепенно развиваясь, онъ перешелъ мало-по-малу въ ярмарку, которая и названа была „Макарьевской“. Впервые упоминается о ней какъ о совершенно оффиціальномъ учрежденіи въ 1641 году въ царской грамотѣ, данной монастырю на право брать пошлину съ торгующихъ за одинъ день торга (25 іюня), причемъ остальные дни торговать могли безпошлинно. Монастырь настроилъ амбаровъ и лавокъ, и ярмарка быстро развилась. Въ 1667 году указомъ царя Алексѣя Михайловича разрѣшено было торговать первые пять дней безпошлинно, а послѣ пяти дней приказано взимать въ казну 5% съ цѣнности привозимаго товара; монастырь при этомъ получалъ лишь плату за помѣщенія и еще особую ругу. Но въ 1681 году положеніе измѣнилось: монастырь отхлопоталъ въ свою пользу всю пошлину, а казна стала не получать ничего. Казалось бы, монастырскія дѣла шли на поправку, но на повѣрку вышло не то: мѣстныя власти, не ублажаемыя монастыремъ, стали до того прижимать торговцевъ, пріѣзжавшихъ къ Макарью, что ярмарка стала быстро падать; уже въ 1697 году цѣнность всѣхъ привезенныхъ на ярмарку товаровъ не превышала 80 тысячъ руб.

Петръ Великій указомъ въ 1700 году повелѣлъ всѣ пошлины безъ исключенія брать съ ярмарки въ казну, а самую ярмарку передать въ вѣдѣніе гражданскихъ учрежденій. Ярмарка стала вновь быстро развиваться и въ 1741 году мы уже встрѣчаемся съ огромною для того времени цыфрою цѣнности всѣхъ привезенныхъ товаровъ въ 489 т. р., при чемъ доходъ казны составилъ въ этотъ годъ 36.517 руб.

Царствованіе Екатерины II отразилось неблагопріятно на развитіи ярмарки, такъ какъ она два раза (въ 1761 и 1790 гг.) была отдаваема на откупъ. Александръ I уничтожилъ откупъ и всѣ ярмарочныя зданія приказалъ купить въ казну; прежнія полуразрушенныя постройки были исправлены, возведены были новыя и, хотя на это предпріятіе казна затратила до 600 т. р., но издержки окупились очень скоро, такъ какъ доходъ съ помѣщеній простирался ежегодно до 125 т. р.

Но за всѣмъ тѣмъ постоянно ощущалось то обстоятельство, что мѣстность у Макарія была выбрана не вполнѣ удачно: весною она затоплялась водой, а въ остальное время была окружена глубокими сыпучими песками, чрезвычайно затруднявшими подвозъ товаровъ съ берега. Къ этому прибавилось и то, что порою капризная Волга, еще въ концѣ прошлаго столѣтія измѣнивъ свое русло, стала напирать на лѣвый берегъ и всячески разрушать его. И власти, и мѣстное населеніе, словомъ, всѣ, къ началу нынѣшняго столѣтія, начали ясно сознавать, что настоящимъ мѣстомъ для ярмарки долженъ бы быть Нижній-Новгородъ. Затруднялись только въ одномъ отношеніи: на устройство ярмарки у Макарія было затрачено много денегъ.



Нижній-Новгородъ—пристань.

Какъ водится, на помощь пришли естественныя силы: въ 1816 году въ августѣ мѣсяцѣ пожаръ истребилъ до тла всю Макарьевскую ярмарку; тогда колебаніямъ наступилъ конецъ и рѣшено было перенести торжище въ Нижній-Новгородъ на мысъ, образуемый сліяніемъ Оки съ Волгой. Поначалу торговали во временныхъ деревянныхъ балаганахъ; убѣдившись же въ томъ, что на сей разъ мѣстность выбрана удачно, приступили въ 1817 году къ постройкѣ зданій на счетъ казны.

Новое мѣсто для ярмарки было выбрано весьма удачно; не менѣе удачно былъ выбранъ и строитель ея, инженеръ Бетанкуръ, одинъ изъ трехъ французскихъ инженеровъ, *подаренныхъ* Наполеономъ I Александру I. Человѣкъ безспорно талантливый и въ высшей степени сообразительный, практикъ, какихъ было мало въ то время, Бетанкуръ мастерски составилъ проектъ построекъ и блистательно выполнилъ его (бывъ, къ сожалѣнію, столь же даровитымъ, сколь и обладавшимъ широкими аппетитами, предъ самымъ окончаніемъ построекъ онъ попалъ подъ судъ за хищеніе). Ярмарка, построенная Бетанкуромъ, состояла изъ 60 корпусовъ, занявшихъ площадь прямоугольника, который упирается одной стороной въ набережную Оки, а съ остальныхъ сторонъ ограниченъ каналомъ, имѣющимъ видъ подковы. Кромѣ того были построены: ярмарочный соборъ во имя Св. Макарія, армянская церковь, татарская мечеть, Главный домъ для губернатора съ флигелями для администраціи и домъ ярмарочнаго духовенства. Такъ какъ площадь, предназначенная подъ ярмарку, въ весеннее время заливалась водой, то Бетанкуръ ее поднялъ. Для стока нечистотъ онъ устроилъ съ восточной и западной сторонъ подземныя трубы, которыя очищаются водою изъ окружающаго ярмарку канала. Вода въ него проведена изъ Мещерскаго озера, конечный же стокъ ея изъ трубъ—рѣка Ока. Такимъ образомъ вода канала имѣетъ два назначенія: очищать подземныя галлереи и доставлять обильныя средства для тушенія пожаровъ. Вся постройка ярмарки обошлась тогда въ $12^1/_2$ мил. руб. ассиг.

Впослѣдствіи помѣщенія ярмарки оказались недостаточны и ярмарочные ряды начали распространяться за обводной каналъ по двумъ направленіямъ: къ вокзалу и къ Волгѣ. Въ настоящее время площадь, занятая ярмаркой, болѣе чѣмъ втрое превышаетъ пространство, застроенное Бетанкуромъ. Помимо различныхъ ярмарочныхъ зданій, выстроенныхъ вновь, теперь имѣются еще: новый ярмарочный соборъ, чрезвычайно красивый новый (вмѣсто стараго) Главный домъ, исполняющій кромѣ главнаго своего назначенія—служить для нуждъ администраціи, еще и другое: служить непосредственно для торговли; первый этажъ его представляетъ собой какъ бы обширный залъ—пассажъ со множествомъ выходящихъ въ него магазиновъ, дающихъ весьма значительный арендный доходъ за время ярмарки.

Говорить подробно о Нижегородской ярмаркѣ, о родѣ и характерѣ производимой во время ея торговли, о родѣ и характерѣ привозимыхъ для нея товаровъ не входитъ въ нашу программу. Скажемъ только одно: значеніе этой ярмарки для нашей торговли и промышленности громадно. Торгуетъ въ ней не только вся Россія, но и необъятный районъ Востока. Прогуливаясь по ярмаркѣ, вы встрѣтите не только русскихъ, нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, но и персовъ, хивинцевъ, бухарцевъ, армянъ и китайцевъ. Не побывавъ на Нижегородской ярмаркѣ, не окунувшись въ этотъ кипучій омутъ, нельзя себѣ представить, до какихъ предѣловъ можетъ достигнуть пестрота типовъ, костюмовъ и говора, ее наполняющихъ. Конечно, нечего и говорить о томъ, что торговая Москва переселяется на Нижегородскую ярмарку чуть не полностію: вывѣски всѣхъ тѣхъ фирмъ, которыя торгуютъ не только въ Китай-городѣ, но и по всей Москвѣ, мелькаютъ вамъ въ глаза на Нижегородской ярмаркѣ. Чтобъ имѣть понятіе о томъ, до какой степени удачно было избрано на сей разъ мѣсто для всероссійской Волжской ярмарки, достаточно привести нѣсколько цыфръ, показывающихъ ростъ ея по десятилѣтіямъ. Въ 1843 году привозъ товаровъ на ярмарку выражался въ цыфрѣ $47{,}_9$ мил. руб. (въ переводѣ на рубль серебр.), въ

Видъ съ Кремля.

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

Сліяніе Волги и Оки въ розливъ.

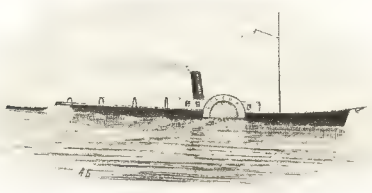
НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

1853 году онъ уже достигалъ 63,5 мил. руб., въ 1863 году мы имѣемъ цыфру 102,7 мил. руб., въ 1873 году онъ достигъ 158,1 мил. руб.; къ слѣдующему году онъ поднялся до 180,2 мил. руб., къ 1880 году онъ достигъ 200,4 мил. руб., а въ 1881 году онъ представлялъ собой 246,2 мил. р. Въ дальнѣйшемъ, если ростъ оборотовъ и не продолжалъ такъ-же прогрессировать, то значеніе ярмарки для русской торговли отъ этого конечно не уменьшилось. Едва-ли нужны какіе либо дальнѣйшіе выводы изъ этихъ цыфръ; онѣ сами говорятъ за себя. Прибавимъ лишь одно: населеніе Нижняго-Новгорода, составляющее въ обычное время 80 т. жителей, значительно превышаетъ во время ярмарки 300 т. человѣкъ; и не весь этотъ огромный излишекъ есть постоянно остающееся количество пріѣхавшихъ людей: частію онъ состоитъ изъ тѣхъ пріѣзжающихъ, которые сегодня пріѣзжаютъ, завтра уѣзжаютъ, при чемъ на замѣну ихъ являются новые, въ дополненіе къ торговцамъ, постоянно остающимся въ теченіе всей ярмарки.

Говоря о ярмаркѣ, нельзя умолчать о чрезвычайно симпатичномъ учрежденіи послѣдняго времени, доказывающемъ то, что ярмарочное купечество блюдетъ не только свои интересы, но и весьма не прочь отъ добрыхъ начинаній на пользу меньшей братіи, того рабочаго люда, который съ утра до ночи копошится при нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ и гнетъ свои спины на тяжелой ярмарочной работѣ; мы говоримъ о народныхъ столовыхъ и чайныхъ, устроенныхъ въ послѣднее время по почину ярмарочнаго комитета, и въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ состоящихъ въ мастерскомъ завѣдываніи члена комитета, московскаго купца и потомственнаго почетнаго гражданина П. М. Калашникова. Столовыхъ этихъ (онѣ же и чайныя) имѣется нѣсколько, причемъ онѣ расположены въ районахъ наиболѣе удобныхъ для рабочаго люда. Общее хозяйство ихъ ведется прекрасно; обходясь весьма не дорого обществу, онѣ приносятъ своимъ существованіемъ несомнѣнную и огромную пользу; изъ нихъ и въ нихъ отпускается для рабочихъ за 5 копѣекъ объемистая порція гречневой каши съ масломъ и чашка отличныхъ щей, а за 3 коп. отсыпается хорошая порція чаю, къ которой дается въ волю кипятокъ и нѣсколько кусковъ сахару. Если мы прибавимъ къ этому, что такихъ порцій отпускается за время ярмарки нѣсколько сотъ тысячъ, то будетъ понятно, какъ долженъ относиться къ этому учрежденію рабочій людъ, который въ прежнія времена окармливали всякой дрянью за невѣроятно дорогую цѣну разные маклаки кулинарнаго дѣла. Въ бытность нашу въ Нижнемъ мы не разъ посѣтили народныя столовыя и всякій разъ любовались тѣмъ прекраснымъ стройнымъ порядкомъ, съ которымъ ведется это дѣло, а также чистотой, отличающей самую, такъ сказать, кухню столовыхъ, и достоинствами отпускаемой ими снѣди.

Но довольно о Нижнемъ и его ярмаркѣ. Читателю пора отправиться „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ на одномъ изъ тѣхъ красавцевъ пароходовъ, которые ждутъ у пристаней, отъ поры до времени подавая свои характерные свистки. Если читатель остановился въ одной изъ гостиницъ нижняго базара, напримѣръ въ Биржевой, то до пристаней обществъ „Кавказъ и Меркурій“ и „Самолетъ“ ему рукой подать, но если онъ остановился на верхнемъ базарѣ, гдѣ нибудь недалеко отъ Кремля, или если, онъ желая быть поближе къ ярмаркѣ, остановился въ одной изъ ярмарочныхъ гостиницъ, то ему предстоитъ довольно изрядный путь,—въ первомъ случаѣ внизъ по съѣзду, во второмъ же по пыльнымъ стогнамъ ярмарки и черезъ длин-

ный плашкотный мостъ. Итакъ на пароходъ, читатель! Рекомендуемъ только озаботиться тѣмъ, чтобы занять каюту съ правой стороны парохода, такъ какъ тогда, даже при условіи непогоды, вы будете имѣть передъ собою въ окно каюты безподобные виды праваго берега въ тѣхъ случаяхъ, когда пребываніе на палубѣ окажется неподходящимъ.



Глава III.

Отъ Нижняго до Казани.

уть между Нижнимъ и Казанью представляетъ собою двойной интересъ: не говоря о красотѣ мѣстности всего праваго берега, послѣдній унизанъ торговыми и богатыми селами, могущими во всѣхъ отношеніяхъ поспорить съ такими уѣздными городами, какъ Васильсурскъ, Козьмодемьянскъ и Чебоксары. Таковы напримѣръ: раскинувшееся близъ Нижняго—Подполье, на всю Россію извѣстное своими огурцами; промышляющее судостроеніемъ село Кадницы; село Безводное, извѣстное изготовленіемъ рыболовныхъ снастей и якорныхъ цѣпей; затѣмъ далѣе Работки—село, знаменитое на всю Волгу, какъ столица рѣчныхъ лоцмановъ, матросовъ, кочегаровъ и т. п. Въ стародавнія времена все это были какъ бы становища понизовой вольницы, все это промышляло разбоемъ и грабежомъ. Особенно тѣсную дружбу вели съ разбойниками села Лысково и Мурашкино; мало отставали отъ нихъ сосѣднія: Слопинецъ, Юркино, Татинецъ и Работки; почти до нашего времени сохранилась извѣстная на Волгѣ поговорка: *Татинецъ да Слопинецъ—всѣмъ ворамъ кормилецъ.* Въ этихъ же мѣстахъ разбойничалъ и пресловутый Ванька-Каинъ, имя котораго въ народной памяти сохранилось почти наравнѣ съ именемъ Стеньки Разина. Въ этомъ же районѣ, на лѣвомъ берегу Волги тянулись знаменитые Керженскіе лѣса—постоянное пристанище для всѣхъ, стремившихся укрыться получше отъ бдительнаго надзора властей. Не доѣзжая немного до Исадъ (второй пристани отъ Нижняго), на правой сторонѣ,

раскинулось село Лысково, построенное не на самой Волгѣ, а на такъ называемомъ Воложкѣ (протокѣ Волги); село это построено на мѣстѣ древняго Сундовита и во время Разинскаго бунта выставило изрядное количество бунтовщиковъ. Особенно оригинальною сдѣлалась исторія села съ XVII столѣтія, когда оно стало вотчиной князя Е. А. Грузинскаго, называвшагося „грузинскимъ царевичемъ“. Помѣщикъ этотъ при его огромныхъ денежныхъ средствахъ обладалъ очевидно и широкой фантазіей; вообразивъ себя по призванію филантропомъ и покровителемъ всѣхъ угнетенныхъ, „грузинскій царевичъ“ съ особеннымъ радушіемъ принималъ подъ свою защиту всевозможныхъ бѣглыхъ и бродягъ, а также крѣпостныхъ, бѣжавшихъ отъ его сосѣдей. Всему этому люду—а постоянный контингентъ его былъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ—у „царевича“ отводились въ волю и помѣщенія и харчи. Образовавшійся такимъ образомъ нѣкій „пріютъ для странниковъ“ славился на сотни верстъ вокругъ, и къ чести „царевича грузинскаго“ былъ извѣстенъ между прочимъ тѣмъ, что въ него принимались бродяги съ разборомъ: такъ напримѣръ требовалось непремѣнное удостовѣреніе въ томъ, что пришедшій былъ просто бѣглый, или бродяга, но отнюдь не воръ и не убійца. Покровительствуя такимъ образомъ захудалому люду, „царевичъ“ въ тоже время былъ грозой для уѣздныхъ властей и предметомъ ужаса для земской полиціи. Расправляясь по своему и съ мужиками, и съ бродягами, и съ земской полиціей, „царевичъ“ не давалъ потачки и купцамъ, во время ярмарки торговавшимъ въ Макарьевѣ, расположенномъ напротивъ Лыскова. Современники разсказывали, какъ бывало „станетъ князь по ярмарочнымъ рядамъ ходить, и всѣ купцы ему въ поясъ; на одного покричитъ, другого обругаетъ, а бываетъ что и въ лицо плюнетъ или плюхой угоститъ, коли что нибудь очень ужъ купецъ поперечитъ“. Семевскій разсказываетъ о такомъ случаѣ: одинъ купецъ, должно быть изъ новенькихъ, что то сильно поперечилъ князю, торговавшему какую то вещь; князь моментально вспылилъ, закричалъ и кинулся на купца; тотъ бросился бѣжать изъ лавки, а князь за нимъ; купецъ въ переулокъ—князь за нимъ; добѣжали такъ до озера, купецъ бросился въ воду и залѣзъ по горло—князь тоже бросился въ воду, но достать купца не можетъ; стоитъ въ водѣ и кричитъ: „выйди ты ко мнѣ, сдѣлай милость! Разъ только ударю, сорву сердце и прощу“; но купецъ не пожелалъ выйти и получить прощеніе предложеннымъ способомъ, а продолжалъ стоять въ водѣ. Такъ постоялъ князь, постоялъ, гнѣвъ его простылъ, вышелъ онъ на берегъ и объявилъ что купца онъ прощаетъ. Такимъ оставался пресловутый „грузинскій царевичъ“ до глубокой старости. Умеръ онъ 90 лѣтъ отъ роду. Въ настоящее время Лысково есть имѣніе наслѣдниковъ графини Толстой (урожденной Грузинской) и играетъ весьма важную роль въ области хлѣбной торговли и въ качествѣ одной изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней. Жителей въ Лысковѣ считается до 8,000, и кромѣ торговли занимаются они выдѣлываніемъ желѣзныхъ сундуковъ, несгораемыхъ ящиковъ и перемоломъ ржи; для послѣдней цѣли существуетъ здѣсь болѣе 200 вѣтряныхъ мельницъ. Въ половодье буксирные пароходы подходятъ къ самому Лыскову, а въ трехъ верстахъ ниже Лыскова, въ Исадахъ, помѣщаются конторки легкихъ пароходовъ; до спада водъ сообщеніе между обоими селами бываетъ на лодкахъ, а по спадѣ водъ пристани переводятся на правый берегъ противъ Макарьева и тогда сообщеніе съ Лысковымъ дѣлается сухопутнымъ на протяженіи двухъ верстъ. Общій видъ Лыскова гораздо болѣе напоминаетъ хорошій уѣздный городъ чѣмъ село; въ немъ имѣются и конторы, и магазины, и гостинницы, и нѣсколько заводовъ и т. п.

Напротивъ Лыскова, на лѣвомъ берегу Волги расположенъ когда-то богатый городъ Макарьевъ; самого города съ Волги не видать: его заслоняетъ Макарьевскій монастырь, пріютившійся на самомъ берегу рѣки.

И въ своемъ прошломъ, и въ своемъ настоящемъ Макарьевъ и Лысково являютъ собою такую же совершенную противоположность, какъ противоположны ихъ мѣстонахожденія правый и лѣвый берега Волги. Въ прежнія времена Лысково держало сторону Стеньки Разина, было не прочь примкнуть къ Пугачеву, охотно сочувствовало Ванькѣ Каину; въ то-же время Макарьевъ всегда былъ оплотомъ законности и порядка, за что и понесъ не мало разореній отъ понизовой вольницы. Въ настоящее время Лысково—практичный маклакъ, разжирѣвшій торговецъ, живущій настоящимъ, мало заглядывающій въ будущее и исправно забывающій прошлое; Макарьевъ же—обѣднѣвшій представитель принциповъ чести и вѣрности, жи-

Село Лысково.

вущій только прошлымъ, имѣющій самое сѣренькое настоящее и, по всей вѣрятности, никакого будущаго. Въ Лысковѣ повседневная суета и вѣчное движеніе; вездѣ наталкиваешься на кули, мѣшки, всюду торопливо снующихъ людей, только и думающихъ о томъ, какъ бы зашибить копѣйку; въ Макарьевѣ—невозмутимая тишина и полное отсутствіе торговой жизни, словно весь городъ уснулъ. С. Монастырскій справедливо замѣчаетъ: „такъ и кажется, что тамъ обитаютъ старцы, которымъ нѣтъ дѣла до настоящаго; они спокойно доживаютъ послѣдніе дни, вспоминая лишь былое“.

Тамъ, гдѣ стоитъ монастырь, Волга дѣлаетъ крутой поворотъ и въ этомъ мѣстѣ всякую весну отрывается часть берега; чего добраго, когда нибудь и самыя монастырскія стѣны рухнутъ съ подмытаго берега въ воду.

Названіе свое Макарьевскій монастырь получилъ отъ имени основателя его преподобнаго Макарія, Желтоводскаго и Унжинскаго чудотворца. Съ именемъ этого святителя, особенно почитаемаго въ Нижегородской губерніи, связано не мало легендъ".

Родился св. Макарій въ 1349 году и 13 лѣтъ отъ роду вступилъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ и принялъ монашескій санъ. Затѣмъ, желая предаться пустынножительству, онъ покинулъ монастырь и отправился вдоль Волги искать удобнаго мѣста. Дойдя до озера „Желтыя воды", онъ основалъ тамъ обитель во имя св. Троицы. Въ 1439 году обитель была разорена татарами, а самъ Макарій, въ то время девяностолѣтній старецъ, былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ Казань, откуда былъ однако вскорѣ выпущенъ по приказанію хана Улу-Махмета съ условіемъ не возобновлять Троицкаго монастыря. Въ 15 верстахъ отъ Унжи святитель основалъ новую обитель, извѣстную подъ именемъ „Стараго Макарія", гдѣ и опочиваютъ его мощи. Желтоводскій монастырь, послѣ запустѣнія въ теченіе ста девяноста лѣтъ, былъ возобновленъ инокомъ Авраміемъ и при немъ то учреждена была ярмарка, перенесенная впослѣдствіи въ Нижній-Новгородъ.

Очень живописна мѣстность, гдѣ на уступахъ Ѳаддѣевыхъ горъ раскинуто на правомъ берегу Волги село Исады. Какъ въ немъ, такъ и далѣе по правому берегу горные скаты въ значительной степени покрыты яблочными садами, составляющими главную статью дохода здѣшнихъ селъ: Просѣка, Кременка, Бармино, Сомовка, Фокино и другія.

Въ 70 верстахъ отъ Исадъ, при устьѣ рѣки Суры, живописно расположился уѣздный городъ Васильсурскъ, столица стерлядей, которыя, какъ не безъ основанія принято полагать, вкуснѣе всего въ Сурѣ. Сама рѣка Сура, лѣтомъ довольно мелкая и тихая, весною, когда уровень ея водъ поднимается въ ней на 8 аршинъ, становится судоходною почти на всемъ своемъ протяженіи, иначе говоря—отъ Пензы до Васильсурска на разстояніи 600 верстъ. Мѣсяца черезъ $1^1/_2$ по вскрытіи рѣки, когда вода спадетъ до нормальнаго уровня, въ Сурѣ наступаетъ такое мелководье, что на перекатахъ воды бываетъ не болѣе 10 вершковъ; по этому судоходство возможно на рѣкѣ лишь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году. Но, несмотря на это, Сура для весьма значительнаго района имѣетъ серьезное значеніе въ качествѣ водяного пути: присурскія пристани Симбирской губерніи, какъ Промзино, Алатырь, Порѣцкое и Курмышъ, служатъ важными хлѣбными рынками и сверхъ того по Сурѣ ежегодно весною прогоняютъ громадное количество лѣса.

На сколько село Лысково похоже на хорошій уѣздный городъ, на столько же уѣздный городъ Васильсурскъ скорѣе походитъ на село средней руки; даже и количество жителей въ немъ почти втрое меньше чѣмъ въ Лысковѣ. Основанъ Васильсурскъ въ 1523 году при Великомъ князѣ Московскомъ Василіи Іоанновичѣ; основатель его—князь Андрей Горбатый, бывшій начальникомъ конницы, посланной Великимъ княземъ противъ Казани. Устье Суры отстоитъ отъ города не болѣе версты, причемъ Сура впадаетъ собственно не въ Волгу, а въ Воложекъ, начинающійся три версты выше Васильсурска и соединяющійся съ Волгой у самаго города. Сурская вода, оттѣняющая голубоватымъ отливомъ, рѣзко бросается въ тихую по году въ глаза, отдѣляясь лентой отъ мутно-желтоватой волжской воды; конечно, это курьезное явленіе можно наблюдать только близъ устья Суры. Вправо отъ Васильсурска, по горѣ, начинается лѣсъ, который и тянется на большое пространство вдоль праваго берега Суры. У самаго города и до нынѣ сохранилась корабельная роща,

насаженная, по преданію, по приказанію Петра Великаго. Вообще въ Васильсурскомъ, Козьмодемьянскомъ, Ядринскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ уцѣлѣли обширные казенные лѣса, забота о которыхъ именно началась съ Петра Великаго, поручившаго иностранцамъ Зангеру и Валентину расчищать здѣшнія дубовыя рощи и насаждать новыя. Теперь роль этихъ иностранцевъ выполняетъ Казанское управленіе Государственными имуществами; что роль исполняется весьма недурно, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣса Казанской губерніи, площадью въ $1^1/_2$ мил. десятинъ, даютъ казнѣ чистаго ежегоднаго дохода до $1^1/_2$ мил. рублей—цыфра, которой не достигаетъ ни одна губернія, даже болѣе богатая лѣсами, чѣмъ Казанская.

Что касается самого города Васильсурска, то его нельзя рекомендовать туристу хотя бы для кратковременной остановки; развѣ только одно, какъ довольно остроумно замѣчаетъ Г. П. Демьяновъ: тому, кто желаетъ убѣдиться въ существованіи „пятой стихіи“—попросту говоря, непролазной грязи—можно рекомендовать посмотрѣть въ дождливую погоду на дорогу, ведущую отъ пароходныхъ конторокъ въ городъ, да и на палестины, окружающія самыя конторки, за исключеніемъ Меркуріевской.

Верстахъ въ четырехъ отъ Васильсурска въ чрезвычайно красивой мѣстности, на правомъ берегу Суры, расположенъ мужской Черемисскій монастырь; туда стоитъ проѣхать, нанявъ лошадей въ городѣ, хотя бы съ цѣлью—полюбоваться очаровательной мѣстностью, среди которой лежитъ путь къ монастырю.

За Васильсурскомъ начинается страна черемисъ и чувашъ; послѣдніе группируются преимущественно на правомъ берегу Волги, а черемисы на лѣвомъ луговомъ; въ перемежку съ тѣми и другими живутъ русскіе, татары и мордва.

Общее число чувашъ въ Россіи считаютъ до 600 тысячъ, а черемисъ до 260 тысячъ. Вопросъ о племенномъ происхожденіи чувашъ до сего времени остается спорнымъ. Одни полагаютъ, что чуваши принадлежатъ къ финскому племени и что чувашскій языкъ есть финское нарѣчіе, воспріявшее въ себя подъ давленіемъ историческихъ событій вліяніе тюркскаго и славянскаго языковъ. Другіе же полагаютъ, что чувашскій языкъ есть чисто тюрское нарѣчіе съ примѣсью словъ славянскихъ и даже арабскихъ и персидскихъ. Новѣйшія изысканія по этому вопросу отчасти подтверждаютъ послѣднее мнѣніе, не отвергая того, что въ языкѣ чувашъ замѣтно присутствіе вліяній разныхъ народовъ, что объясняется географическимъ положеніемъ чувашскихъ поселеній, сосѣдствомъ съ мордвой, черемисами и прочими. Самое названіе чувашъ попадается впервые въ половинѣ XVI вѣка, но населяли они тѣ же мѣстности гораздо ранѣе того, будучи извѣстными, какъ надо полагать, именно подъ названіемъ буртасовъ, жившихъ между хазарами и булгарами на правомъ берегу Волги, въ районѣ теперешнихъ губерній Симбирской и Саратовской. Сами чуваши о своемъ происхожденіи не имѣютъ никакого понятія и преданія ихъ не только бѣдны, но и довольно безтолковы. Внѣшній видъ чувашъ—покатый нѣсколько назадъ лобъ, выдающіяся скулы и узкій разрѣзъ глазъ намекаютъ какъ бы на то, что монгольская кровь дала себя знать, хотя и не такъ ясно какъ у татаръ.

Черемисы—одни изъ древнѣйшихъ обитателей своихъ мѣстъ. О нихъ упоминаетъ еще Несторъ, и они несомнѣнно принадлежатъ къ финскому племени меря. По мѣсту ихъ жительства ихъ дѣлятъ на луговыхъ и горныхъ. Горные черемисы—самый красивый народъ изъ всѣхъ поволжскихъ инородцевъ; они ловки, смышлены, проворны и болѣе развиты, чѣмъ ихъ сошлеменники—луговые черемисы; занимаются они исключительно земледѣліемъ. Луговые черемисы, или, какъ ихъ называ-

ютъ иначе, лѣсные, живя среди лѣсовъ и на тощей землѣ, распаханной изъ подъ хвойнаго лѣса, не особенно охотно занимаются земледѣліемъ, плохо вознаграждающимъ ихъ трудъ; ихъ главнѣйшія занятія: пчеловодство, охота и, вообще, лѣсные промыслы.

Верстахъ въ 25 отъ Васильсурска, на лѣвомъ берегу Волги, расположено село Юрино, принадлежащее В. П. Шереметеву и извѣстное своимъ грандіознымъ дворцомъ съ башнями, балконами и всевозможными затѣями, а пять верстъ ниже Юрина впадаетъ въ Волгу Ветлуга—рѣка лѣсного царства, имѣющая громадное значеніе по части сплава лѣса.

Ниже Ветлуги, на правомъ берегу Волги, расположенъ городъ Козьмодемьянскъ, построенный въ 1583 году съ цѣлью служить оплотомъ и для охраненія спокойствія въ странѣ черемисъ. Во времена Стеньки Разина козьмодемьянцы передались мятежнымъ шайкамъ, но впослѣдствіи, во время Пугачевскаго бунта, остались вѣрны правительству и вели себя столь энергично, что Пугачевъ не напалъ на Козьмодемьянскъ, а, обойдя его, направился съ лугового берега къ Ядрину. Относительно Козьмодемьянска существуетъ преданіе, что нѣкій черемисъ, по имени Акпарсъ, былъ такъ преданъ русскому царю Іоанну Грозному, что провелъ русское войско, когда оно шло къ Казани; побывавъ въ гостяхъ у Акпарса, царь подарилъ ему серебряный кубокъ, который и теперь хранится въ церкви, какъ святыня.

Жителей въ Козьмодемьянскѣ до 8,500. Особенно оживляется городъ на два лѣтніе мѣсяца—май и іюнь, когда здѣсь бываетъ лѣсная ярмарка съ оборотомъ до 2-хъ мил. рублей. Множество плотовъ, идущихъ съ Унжи и Ветлуги, останавливаются у Козьмодемьянска, въ который съѣзжаются торговцы изъ разныхъ городовъ. Проданные (почти полностію на наличныя) плоты направляются отсюда въ Казань, а частію въ низовые города.

Слѣдующій за Козьмодемьянскомъ городъ Чебоксары, такъ сказать, столица чувашъ и главный центръ ихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Названіе города производятъ отъ именъ жившихъ здѣсь въ стародавнія времена двухъ чувашскихъ *іомзъ* *)—Чебака и Сара.

Черезъ годъ послѣ взятія Казани деревня Чебоксарова была превращена въ городъ, а въ слѣдующемъ году архіепископъ Гурій перенесъ въ Чебоксары изъ села Владимірскаго чудотворную икону Богоматери, каковая икона находится и до настоящаго времени въ соборной церкви города.

Во время оно надо полагать Чебоксары щеголяли своей наружной обстановкой, по крайней мѣрѣ императрица Екатерина II въ письмѣ своемъ къ графу М. И. Панину, говоря о Нижнемъ-Новгородѣ, выражается такъ: „сей городъ ситуаціей прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ; все либо на боку лежитъ, либо близко того; Чебаксаръ во всемъ для меня лучше Нижняго-Новгорода“. Разумѣется, въ настоящее время не можетъ притти въ голову сравнивать Чебоксары съ Нижнимъ-Новгородомъ. Мѣстоположеніе города очень красиво, но отъ порядочнаго села отличается онъ развѣ только изобиліемъ церквей. Издали даже кажется, что Чебоксары есть группа церквей, къ которымъ натыканы тамъ и сямъ деревенскія избы. С. Монастырскій приводитъ интересныя цыфровыя данныя, изъ коихъ видно, что въ Чебоксарахъ на каждаго жителя приходится по пуду мѣди въ церковныхъ колоколахъ.

---

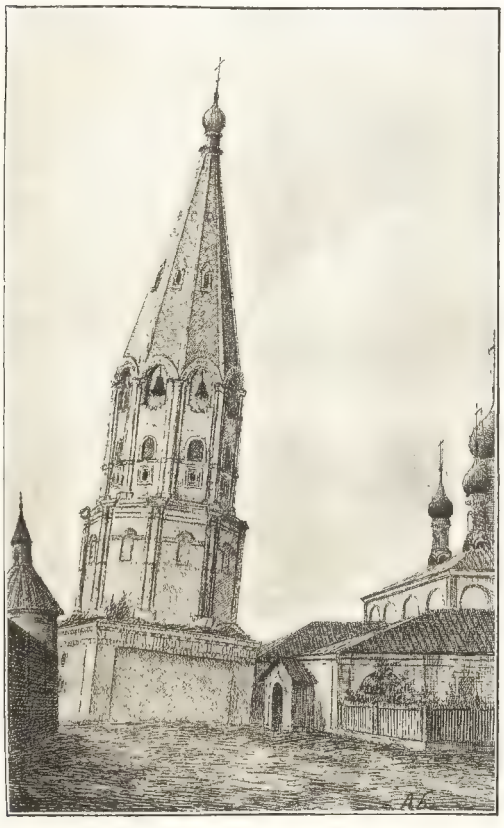
*) Іомзами назывались у язычниковъ чувашъ старцы, наблюдавшіе за выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ; они же назначали дни жертвъ и моленій, предсказывали будущее, лѣчили больныхъ и проч.

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

ЧЕБАКЧАРЬ.

И оно дѣйствительно выходитъ такъ: при 6,000 жителей въ 122-хъ колоколахъ, звонъ которыхъ раздается надъ Чебоксарами, имѣется вѣсу до 6,000 пудовъ. „И выходитъ—говоритъ Монастырскій—что малолюдный и бѣдный Чебоксаръ—городъ, или Шибаксара, выражаясь по чувашски, въ отношеніи колоколовъ несравненно славнѣе Лондона и Парижа“. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что такое колокольное изобиліе въ значительной степени объясняется почти 150 лѣтнимъ существованіемъ въ Чебоксарахъ колокольнаго завода, дѣятельность котораго только съ 1830 года перешла въ область литія дужныхъ колокольчиковъ, бубенчиковъ и глухарей, привязываемыхъ подъ шеей обознымъ лошадямъ.

Въ числѣ церквей обращаетъ на себя вниманіе своей сильно наклоненной колокольней, являющей какъ бы падающую башню, миніатюрная церковь Михаила Архангела, прислоненная къ стѣнѣ стоящаго рядомъ Никольскаго собора.



Чебоксары. Падающая колокольня.

Изъ мѣстныхъ иконъ особеннымъ уваженіемъ населенія пользуются иконы Владимірской Богоматери и Св. Николая Чудотворца (въ Троицкомъ монастырѣ). Въ прежнія времена, въ виду отмѣннаго корыстолюбія мѣстнаго чиновничества, чуваши, черемисы и даже татары особенно боялись обращаться въ судъ съ какими-бы то ни было жалобами; предполагалось, что Чебоксарскій судья того времени, не то присудитъ, не то не присудитъ, но обдеретъ во всякомъ случаѣ и праваго, и виноватаго. По этому судиться ходили къ образу Св. Николая; здѣсь каждый—будь то чувашъ или черемисъ, или даже мусульманинъ татаринъ,—опасаясь знаменія чудотворной иконы, излагалъ передъ ней правду даже въ ущербъ своимъ интересамъ; при участіи избранныхъ посредниковъ тутъ же, передъ иконой, кончались ссоры и тяжбы всегда къ обоюдному удовольствію сторонъ и всегда безъ малѣйшей попытки апелировать въ другую инстанцію. Очень жаль, что подобный патріархальный обычай отошелъ теперь въ область преданія.

Въ 35 верст. ниже Козьмодемьянска красиво раскинулось на склонахъ праваго берега село Ильинская пустынь. На нагорной сторонѣ Волги этого района до нашего времени сохранились прекрасныя казенныя дубовыя рощи, составляющія отдѣльныя лѣсничества. По милости этихъ рощъ, для окрестныхъ жителей, особенно для чувашъ, создался довольно выгодный промыселъ—выдѣлка клепокъ (досокъ) для керосиновыхъ бочекъ, отправляемыхъ въ Астрахань и Баку. Правда, что въ настоящее время потребность въ такихъ бочкахъ значительно сократилась благо-

даря системѣ всевозможныхъ цистернъ, но все же онѣ и теперь идутъ въ дѣло, причемъ работа, уменьшившаяся въ количественномъ отношеніи, сдѣлалась болѣе выгодною для крестьянства благодаря тому, что правительство всякими способами предоставило крестьянству возможность покупать лѣсной матеріалъ непосредственно у казны, минуя кулаковъ-скупщиковъ.

Ниже Чебоксаръ на Волгѣ расположенъ Маріинскій посадъ или Сундырь, основанный въ 1620 году и торгующій хлѣбомъ, а еще ниже—Козловка, извѣстная подъ названіемъ Яичной пристани. Сюда свозится изъ окрестныхъ селъ и деревень огромный запасъ яицъ, примѣрно свыше 2-хъ мил. и вся эта яичная масса направляется въ Казань на мыловаренные заводы. Помимо этого значенія, Козловка еще замѣчательна и какъ хлѣбная пристань.

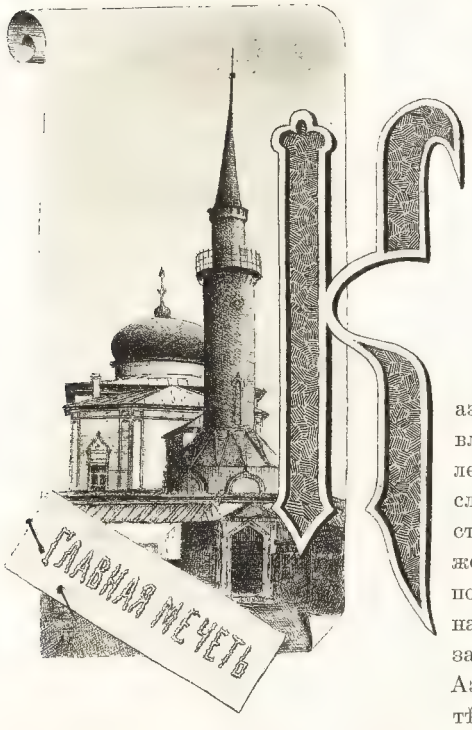
Еще ближе къ Казани, всего въ верстахъ 35 выше этого города, расположенъ уѣздный городъ Свіяжскъ. Выборъ мѣста для построенія этого города можно объяснить развѣ только стратегическими цѣлями, какія имѣлъ въ виду основатель его Іоаннъ Грозный. Очевидно, нужно было имѣть въ этомъ раіонѣ такой пунктъ, съ котораго представлялось бы возможнымъ обороняться съ малыми силами противъ многочисленнаго непріятеля. Обширная низина расположена на лѣвомъ берегу Свіяги, при впаденіи ея въ Волгу. Надъ низиной высится на подобіе редута плоская гора съ крутыми обрывами во всѣ стороны. На горѣ и расположенъ Свіяжскъ. Рости городу рѣшительно некуда—такъ круты обрывы горы, такъ неудобно расположена вокругъ нея низина, ежегодно затопляемая водой, оставляющей по спадѣ цѣлый рядъ небольшихъ болотцевъ. Весною Свіяжскъ съ его старинными стѣнами, башнями и церквами являетъ собой видъ городка, плавающаго на поверхности воды,—такъ огромны залитыя половодьемъ вокругъ него пространства. Съ наступленіемъ жаркой лѣтней погоды застоявшаяся въ низинѣ вода начинаетъ испаряться и эти болотныя испаренія невыгодно дѣйствуютъ на здоровье жителей города. Неудобство это испытывали русскія войска, сосредоточенныя въ Свіяжскѣ въ 1551 году во время похода на Казань; ряды ихъ быстро рѣдѣли отъ цынги и лихорадокъ, такъ что даже въ концѣ концовъ, если бы не увѣщанія духовныхъ лицъ и не разныя мѣропріятія религіознаго характера, то въ войскахъ оказалась бы возможною полная деморализація.

Достопримѣчательностей города отмѣтимъ двѣ: Богородицкій мужской монастырь и Троицкій женскій монастырь. Первый основанъ св. Германомъ, мощи котораго здѣсь почиваютъ; святитель вмѣстѣ съ рабочими самолично трудился надъ сооруженіемъ каменнаго храма и келій. Изъ хранящихся въ монастырѣ старинныхъ грамотъ и бумагъ видно, что во время оно въ монастырь ссылались государственные преступники.

Жителей въ городѣ тысячъ до трехъ или около того, причемъ замѣтно, что населеніе его не возрастаетъ, а напротивъ того уменьшается. Торговли, кромѣ мелочной лавочной—никакой, лихорадки свирѣпствуютъ отъ весны и до зимы. Ясное дѣло, что городу, живущему въ столь злополучныхъ условіяхъ, придетъ въ свое время пора упразднится.

Обыкновенно, волжскіе пароходы у Свіяжска не останавливаются, но существуетъ сообщеніе между нимъ и Казанью, поддерживаемое лѣтомъ однимъ пароходомъ, совершающимъ рейсы по три раза въ день туда и обратно.

Но вотъ мы миновали Свіяжскъ и любуемся съ палубы парохода широкой водной гладью красавицы Волги и ея красивымъ правымъ берегомъ. Чѣмъ ближе подвигаемся мы къ Казани—этому крупному центру умственной и торговой жизни средняго поволжья –тѣмъ оживленнѣе дѣлается могучая рѣка: снуютъ пароходы, поскрипываютъ тяжелыя барки, тащимыя буксирами, пыхтящими изо всѣхъ силъ; мелькаютъ лодки, быстро скользящія по гладкой водной поверхности. Наконецъ, пароходъ нашъ забираетъ въ сторону, дѣлаетъ поворотъ, и мы подъѣзжаемъ къ пристани, вокругъ которой кипитъ самая оживленная суета.



Глава IV.

КАЗАНЬ.

Казань, древняя татарская столица, представляется съ Волги въ видѣ длинной узенькой ленты, одинъ конецъ которой, ближайшій, словно унизанъ башнями, церквами, крѣпостными стѣнами и высокими зданіями, другой же теряется вдали, задернутый туманомъ. И по своему мѣстонахожденію, и по характеру населенія, и, главное, по своему прошлому Казань есть какъ-бы порогъ изъ Европы въ Азію. Въ стародавнія времена Казань была тѣмъ страшнымъ мѣстомъ, тѣмъ „гнѣздомъ зміевымъ“, изъ котораго налетали на Русь дикія и многочисленныя орды, напоившія землю русской кровью. Теперь это есть умственный центръ Поволжья, прекрасный университетскій городъ, съумѣвшій сохранить при современной европейской наружности черты своего азіатскаго прошлаго.

При взглядѣ на Казань невольно припоминается та вѣковая борьба, которая для каждой изъ сторонъ возникла изъ самой насущной необходимости—изъ-за вопроса о жизни и смерти; съ одной стороны Азія ставила оплотъ противъ расширяв-

шейся Руси и увеличивавшагося ея могущества, съ другой—Русь стремилась закрѣпить за собой болѣе раннія завоеванія и обезпечить себѣ будущее мирное развитіе. И вотъ въ результатѣ борьба не на животъ, а на смерть двухъ богатырей—Москвы и Казани. Неудивительно поэтому, что при взглядѣ на теперешній мирный умственный центръ Поволжья невольно припоминаются великія усилія прошлаго и кровавыя жертвы, понесенныя русскимъ народомъ за обладаніе Казанью; возстаютъ въ памяти имена великихъ князей: Василія Темнаго, Іоанна III, Василія IV, „чинившихъ тѣсноту Казанской землѣ“, и имена дорого обошедшихся Руси казанскихъ царей Улу-Махмета, Махметъ-Аминя, Шигъ-Алея, Саигъ-Гирея и другихъ; надъ всѣми ними возстаетъ величавый образъ Грознаго Царя, подъ могучими ударами котораго пало царство Казанское.

Названіе *Казань* есть татарское слово *казанъ*, что значитъ *котелъ*, и нынѣшняя Казань унаслѣдовала это названіе отъ прежняго города, который находился почти на 50 в. разстояніи вверхъ по рѣкѣ Казанкѣ, тамъ гдѣ теперь находится заштатный городъ Арскъ. Очень возможно, что древняя Казань получила свое названіе отъ мѣстоположенія,—она находилась въ круглой замкнутой долинѣ, имѣющей дѣйствительно видъ котла; если это такъ, то, разумѣется, рѣка въ свою очередь получила свое названіе отъ древняго города и, конечно, называлась прежде не „Казанка“, а „Казанъ“, который уже при обрусеніи края получилъ болѣе русскій характеръ при посредствѣ приставленной частицы „ка“.

Теперешняя Казань въ планѣ имѣетъ видъ треугольника, одинъ уголъ котораго ограниченъ сливающимися рѣками Казанкою и Булакомъ; уголъ этотъ довольно эффектенъ и по существу представляетъ собой какъ-бы природную крѣпость.

Волга при устьѣ Казанки; караванъ, затертый льдомъ.

Многочисленыя предмѣстья Казани, такъ называемыя слободы—Суконная, Подлужная, Ямская и Татарская, давно уже совершенно слились съ городомъ. Нагорная, или верхняя часть города, болѣе красивая по своимъ постройкамъ и извѣстная въ качествѣ болѣе здоровой мѣстности, лежитъ между крутымъ берегомъ рѣки Казанки и Проломной улицей. Остальная болѣе обширная и болѣе населенная часть раскинута по низменности, заливаемой до извѣстной степени весенними водами.

Вокругъ города видятся или низменные луга, затопляемые въ половодье водою, или возвышенное ровное пространство, покрытое пашнями. Луга эти тянутся по лѣвымъ берегамъ Волги и Казанки и какъ-бы охватываютъ городъ съ юга, запада и сѣвера. Такъ какъ весною всѣ они затопляются, то городъ бываетъ окруженъ водою съ трехъ сторонъ; даже нѣкоторыя улицы оказываются залитыми; такъ что, напримѣръ, слободы Козья, Гривка, Адмиралтейская, Новотатарская имѣютъ тогда видъ какъ бы острововъ. По спадѣ весеннихъ водъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, остается множество неглубокихъ впадинъ съ оставшейся въ нихъ стоячей водой, каковыя

впадины, окружая городъ, не очень выгодно отражаются на здоровьѣ жителей ближайшихъ низкихъ частей его. При жаркой погодѣ отъ сырости и испареній начинаются изобильныя лихорадки, особенно распространенныя среди обитателей улицъ, затопляемыхъ весной. Болѣе всего по этой части страдаютъ Ямская, Мокрая и тѣ, которыя примыкаютъ къ рѣкѣ Казанкѣ. Что лихорадки эти—дѣло нешуточное, доказывается тѣмъ, что іюнь мѣсяцъ въ Казани, въ противоположность тому, какъ оно бываетъ въ болѣе здоровыхъ мѣстностяхъ, отличается усиленной смертностью. Къ числу топографическихъ неудобствъ Казани надлежитъ прибавить то, что въ городѣ всегда ощущался недостатокъ въ хорошей водѣ; не говоря уже про прежнія времена, когда обыватели пользовались водой непосредственно изъ Казанки и озера Кабана, но даже и въ наше время, когда вода получается изъ водопровода, устроеннаго П. І. Губонинымъ, качества этой воды оставляютъ желать кой-чего лучшаго.

Въ стародавнія времена въ городѣ было много озеръ, которыя цѣпью тянулись отъ Кремля до Кабана и назывались всѣ вмѣстѣ „погаными озерами“; впослѣдствіи ихъ постоянно засыпали, и къ нашему времени изъ нихъ осталось лишь одно Черное озеро. Рѣка Казанка существуетъ и теперь въ прежнемъ видѣ, другая же рѣка, Булакъ, по своей безводности выглядитъ скорѣе широкой канавой, чѣмъ рѣкой.

Въ качествѣ древней татарской столицы, Казань, конечно, имѣетъ свои легенды. Такъ, напримѣръ, о постройкѣ ея существуетъ слѣдующее преданіе: храбрый ханъ Золотой Орды Ланъ-Темирланъ завоевалъ Болгарское царство, разорилъ столицу его и казнилъ болгарскаго царя; старшій сынъ казненнаго Алтынъ ухитрился скрыться отъ монголовъ и, оказавшись впослѣдствіи въ безопасности, основалъ небольшой городокъ на рѣкѣ, впадающей въ Волгу; одинъ изъ слугъ царевича, доставая для него изъ рѣки воду, уронилъ въ нее чугунный котелъ (по татарски—казанъ). Когда доложили о томъ царевичу, онъ приказалъ дать названіе „Казанъ“ и рѣкѣ, и вновь построенному городу.

Другой варіантъ того же преданія гласитъ слѣдующее. Батый или кто-то изъ его сыновей охотился на кабановъ въ долинѣ рѣки; когда приготовляли ужинъ для хана и его спутниковъ, то слуга, черпавшій котломъ воду, оступился и уронилъ котелъ въ рѣку; готовить пищу было не въ чемъ, и проголодавшіеся охотники легли спать безъ ужина. Подъ дурнымъ впечатлѣніемъ этого происшествія, рѣку назвали „котломъ“, т. е. „Казанъ“, а впослѣдствіи хану пришла мысль построить именно на этомъ мѣстѣ городъ, который былъ названъ именемъ рѣки. Такъ или иначе, но вновь построенный городъ разростался очень быстро, и болгарская столица, разрушенная татарами, въ сущности возродилась въ Казани. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ городъ былъ перенесенъ на новое, теперешнее его мѣсто, и на этотъ счетъ существуетъ также преданіе.

Богатый житель древней Казани (Иски-Казань) посѣщалъ свои ульи, находившіеся въ лѣсу на Джелантау (Змѣиная гора) въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперешняя Казань; съ нимъ вмѣстѣ отправлялась туда его красавица дочь, очень любившая гористую лѣсную мѣстность пчельника. Когда она была уже замужемъ и сама ходила на рѣчку Казанку за водой, то разъ, поднимаясь на крутой берегъ съ тяжелой ношей, она громко бранила основателя города за то, что онъ столь неудачно выбралъ мѣсто для поселенія. Хану донесли о неосторожно сказанныхъ словахъ, и молодую женщину призвали къ допросу. Красавица не испугалась и передъ лицомъ хана повторила свое мнѣніе, добавивъ, что ханамъ хорошо получать воду черезъ

слугъ, но каково женщинамъ таскать ее на крутой берегъ; при этомъ она усердно расхваливала мѣстность близъ устья рѣки Казанки, гдѣ находился пчельникъ ея отца. Ханъ выслушалъ ее терпѣливо и возразилъ: „какъ же строить городъ тамъ, гдѣ столько змѣй и кабановъ?“ *)—А на что же у хана есть колдуны и знахари?—отвѣчала красавица,—развѣ они не съумѣютъ прогнать гнусныхъ тварей?

Ханъ, не очень любившій мѣстоположеніе своего города, рѣшилъ воспользоваться совѣтомъ хорошенькой женщины и послалъ своего сына съ двумя вельможами и сотней ратниковъ къ устью Казанки, приказавъ отыскать мѣсто для построенія города. Посланнымъ былъ врученъ запечатанный конвертъ съ повелѣніемъ вскрыть его на выбранномъ мѣстѣ и тотчасъ исполнить указанное въ немъ. Мѣсто было выбрано единогласно, именно то, гдѣ стоитъ теперь Казань, распечатавъ же конвертъ, посланные прочли повелѣніе хана закопать въ землю того изъ трехъ, на кого падетъ жребій. Жребій былъ брошенъ и палъ онъ на ханскаго сына. Вельможамъ стало жаль молодого царевича и они рѣшили обмануть хана; царевича спрятали, а въ землю зарыли живую собаку. Ханъ пріѣхалъ осмотрѣть мѣсто, избранное для города, одобрилъ выборъ, но очень горевалъ о томъ, что лишился сына; видя это, вельможи сознались въ обманѣ. Ханъ обрадовался было поначалу, но потомъ задумался и сказалъ: „Богъ накажетъ насъ за обманъ, совершенный къ моей выгодѣ; городъ будетъ хорошъ и богатъ, но имъ овладѣютъ современемъ враги нашей вѣры, поганые собаки-гяуры!“

Соборъ св. Петра и Павла.

Истребленіе змѣй было поручено главному колдуну, который съ осени приготовилъ огромный костеръ изъ дровъ, хворосту и соломы, оградивъ его кругомъ опять таки стѣнкой хвороста. Съ наступленіемъ холодовъ змѣи въ огромномъ количествѣ сползлись сюда, чтобы зимовать въ готовомъ помѣщеніи изъ хвороста и соломы, а къ веснѣ колдунъ подбавилъ еще сухого сѣна, полилъ все смолою, и зажегъ. Такимъ образомъ змѣи были истреблены. Кабановъ также выгнали, зажегши окрестные лѣса. Однако одинъ, са-

*) По понятіямъ древняго мусульманина, не было тварей поганѣе кабана и змѣи.

мый большой, крылатый и двухголовый змѣй Зелантъ улетѣлъ и поселился на горѣ, недалеко отъ города, почему и гора названа „Джелантау“ (Зеландъ-Тау).

Легенда гласитъ, что одна изъ двухъ головъ Зеланта была змѣиная и пожирала животныхъ, а другая воловья и пожирала растительную пищу. Зелантъ жилъ близъ города припѣваючи, ежедневно летая на озеро Казанъ пить воду и созерцая

падающихъ передъ нимъ ницъ жителей, которымъ, однако, согласно преданію, онъ никакого особеннаго вреда не причинялъ. Долгое время наводилъ этотъ двухглавый змѣй ужасъ на окрестности, пока не былъ, наконецъ, истребленъ искусствомъ волшебниковъ. Въ память о немъ избрано изображеніе дракона для герба Казани.

Но отъ легендъ обратимся къ историческимъ даннымъ.

Согласно нѣкоторымъ источникамъ *), древняя Казань, по татарски „Иски-Казань“, была основана въ 1298 году, а новая въ 1402 году. Прежняя Казань была богатымъ, цвѣтущимъ и населеннымъ городомъ; во время опустошительнаго набѣга русскихъ въ 1399 году она въ числѣ другихъ городовъ была разорена почти до основанія. Возобновленная ханомъ Улу-Магметомъ уже на теперешнемъ мѣстѣ, новая Казань скоро сдѣлалась торговымъ и политическимъ центромъ Казанскаго царства, народившагося на развалинахъ древней Булгаріи. Позднѣе городъ былъ обращенъ въ сильную крѣпость, представлявшую два важныя для Казанскаго царства удобства: она преграждала русскимъ путь къ устью Камы и сама была въ высшей степени удобна для обороны. Нападеніе на эту крѣпость представляло тѣмъ болѣе трудностей, что она, помѣщаясь на выдающейся горѣ, съ трехъ сторонъ была ограждена рѣками Казанкой, Булакомъ и топкими болотами; этимъ и объясняется, что русскіе при нападеніяхъ на Казань старались аттаковать городъ съ четвертой, восточной стороны. Крѣпость была обнесена дубовой стѣной, толщина которой простиралась безъ малаго до 5 аршинъ, что достигалось при посредствѣ двухъ рядовъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, связанныхъ перемычками и массой земли, засыпанной въ пространствѣ между бревенчатыми стѣнами. Въ стѣнѣ были устроены довольно многочисленныя башни и ворота, а съ внѣшней стороны къ ней примыкалъ ровъ, имѣвшій при трехсаженной ширинѣ до семи саженъ глубины. Направленіе этой древней стѣны можно конечно теперь опредѣлить лишь приблизительно, и оно обозначено на планѣ города Казани, изданномъ г. Монастырскимъ.

Вѣковая борьба Москвы съ Казанью тянулась сквозь цѣлый рядъ царствованій московскихъ великихъ князей и завершилась окончательнымъ покореніемъ Казанскаго царства Іоанномъ Грознымъ.

13 августа 1552 года Грозный царь послѣ труднаго похода прибылъ въ Свіяжскъ и переправился черезъ Волгу съ полуторастатысячной арміей, съ которой и обложилъ Казань. Казанцы придумали планъ защиты въ сущности отличавшійся большимъ остроуміемъ: въ крѣпости было помѣщено болѣе 30 тысячъ войска, а конница подъ начальствомъ знаменитаго наѣздника князя Япанчи должна была постоянно безпокоить русскую армію, взявъ своей исходной точкой Арскъ, откуда она имѣла нападать на тылъ и затруднять подвозъ продовольствія и запасовъ съ Волги.

И дѣйствительно, въ первые дни осады, несмотря на численное превосходство осаждающихъ, нѣкоторый перевѣсъ былъ на сторонѣ осажденныхъ, перешедшихъ даже къ активной оборонѣ и безпрестанно тревожившихъ русскую армію своими вылазками.

На царскомъ совѣтѣ было рѣшено обложить городъ тѣснѣе сколь возможно и начать правильныя осадныя работы. Къ 29-му августа это было исполнено, и 150 тяжелыхъ по тогдашнему времени орудій начали громить городъ такъ успѣшно, что заставили замолчать крѣпостную артиллерію. Самою трудною задачею въ это время было истребленіе отряда Япанчи, сильно мѣшавшаго дѣлу; это исполнилъ князь Курбатовъ-Шуйскій съ 30 тысячами конницы и 15 тысячами пѣшихъ казаковъ; онъ взялъ Арскъ, очистилъ Арскій лѣсъ, уничтожилъ отрядъ Япанчи и опустошилъ страну чуть не на 150 квадратныхъ верстъ. Плѣнные мужчины, взятые при этомъ, были перебиты, а женщины съ дѣтьми приведены въ лагерь. Грозный царь приказалъ подвести плѣнныхъ къ стѣнамъ города и объявить казанцамъ, что

*) Проф. Шпелевскій—Древніе города и булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи.

всѣ плѣнные будутъ перебиты тутъ-же, если городъ не будетъ сданъ; въ видѣ отвѣта полетѣла туча стрѣлъ и сами казанцы перестрѣляли несчастныхъ. На слѣдующій день были начаты два подкопа: одинъ подъ угловую башню, влѣво отъ Арскихъ воротъ, а другой отъ Булака къ Ногайскимъ воротамъ (гдѣ нынѣ университетъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ подведена была мина подъ открытый русскими тайный подземный ходъ, находившійся близъ теперешнихъ Тайницкихъ воротъ, ходъ, посредствомъ котораго осажденные получали воду изъ ключа. Пятаго сентября въ минѣ было взорвано 11 бочекъ пороха: тайный ходъ и вмѣстѣ съ нимъ часть городской стѣны обрушились. Русскія войска совсѣмъ было ворвались въ городъ, но были отбиты храбро сражавшимися казанцами.

Лишенные возможности добывать хорошую воду, осажденные принуждены были довольствоваться найденнымъ источникомъ гнилой скверной воды, отъ которой они заболѣвали и умирали. Положеніе ихъ было ужасно, но они стойко переносили его и не сдавали города. Неказисто было и положеніе осаждающихъ; съ одной стороны

Обсерваторія Казанскаго университета.

постоянно обезпокоиваемые то вылазками, то луговыми черемисами, частенько тревожившими ихъ съ сѣверной стороны и угонявшими табуны, имъ принадлежавшіе, они еще сверхъ того начали страдать отъ развившихся мало по малу болѣзней и смертности, особенно сильныхъ на правомъ болотистомъ берегу Казанки. Войска начали падать духомъ.

1-го октября царь объявилъ, что на слѣдующій день, въ воскресенье, назначается общій, послѣдній приступъ. Главную аттаку назначено было вести подъ начальствомъ князя Воротынскаго съ Арскаго поля, черезъ проломъ стѣны, взорванной русскими 30 сентября, когда между прочимъ занята была и самая Арская башня. Другимъ, подчиненнымъ Воротынскому, начальникамъ, было приказано аттаковать: Шереметьеву—Муралеевы ворота, Плещееву—Тезидскія, Троекурову—Сбойливыя, князю Хилкову—Кайбадскія и князю Курбскому—Ельбугины ворота. Во главѣ каждой колонны приказано итти стрѣльцамъ, боярскимъ людямъ и казакамъ. Къ

2-мъ часамъ ночи всѣ отряды въ готовности стали каждый противъ назначенныхъ ему воротъ; въ мины было заложено 48 бочекъ пороху. Самъ Грозный царь не участвовалъ въ битвѣ и остался съ отрядомъ въ 20 тысячъ человѣкъ, но и одного обаянія его имени было достаточно. На разсвѣтѣ раздался трескъ взрыва первой мины, и вслѣдъ за тѣмъ грохотъ второго взрыва, отъ которыхъ разрушились части городскихъ стѣнъ. Началась горячая аттака. Но татары защищали свою столицу крайне мужественно и Казанскій царь Едигеръ съ вельможами подавали примѣръ храбрости остальнымъ войскамъ. Около 10 часовъ утра русскіе овладѣли юговосточной и югозападной частями, а Едигеръ, медленно отступая, заперся въ сѣверной части, въ нынѣшнемъ Кремлѣ.

Въ этотъ моментъ битвы произошло нѣчто, едва не испортившее успѣха всего дѣла: войска, овладѣвъ торговой частью города, предались грабежу, ряды ихъ порѣдѣли и начался безпорядокъ; татары этимъ воспользовались, перешли въ наступленіе и натискъ ихъ былъ такъ жестокъ, что разстроенные полки были опрокинуты и въ безпорядкѣ побѣжали; не находя выхода, многіе бросались прямо со стѣны.

Научно-промышленный музей въ Казани.

Въ эту минуту Грозный царь, выйдя изъ церкви и ставъ къ своему знамени, приказалъ послать на помощь свою послѣднюю отборную дружину. Появленіе этихъ 20 тысячъ свѣжихъ воиновъ не только возстановило порядокъ, но и рѣшило дѣло. Подавляемые превосходными силами, татары шагъ за шагомъ отступали и, наконецъ, Едигеръ былъ оттѣсненъ въ свой укрѣпленный дворъ, гдѣ съ небольшой горстью защитниковъ продержался еще около 2-хъ часовъ; но, наконецъ, и это убѣжище было разгромлено, и непріятель бросился къ противоположному выходу. Тамъ въ Ельбугиныхъ воротахъ путь былъ отрѣзанъ отрядомъ князя Курбскаго.

Въ концѣ концовъ только небольшое сравнительно количество безстрашныхъ защитниковъ Казани переправилось вплавь чрезъ рѣку; хотя отрядъ Курбскаго и гнался за ними, но топкая мѣстность послужила имъ хорошей защитой.

Казань была взята. Въ ней не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ. Побѣдители перебили всѣхъ мужчинъ, забирая въ плѣнъ лишь женщинъ и

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

КАЗАНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

дѣтей. Можно безошибочно сказать, что въ этотъ день въ Казани осталось болѣе 50 тысячъ безпомощныхъ сиротъ въ самомъ отчаянномъ положеніи; быть можетъ отсюда-то и пошло старинное русское прозвище *казанская сирота*.

Получивъ радостную вѣсть о взятіи города, царь отслужилъ молебенъ и водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во время послѣдняго боя стояло царское знамя. Въ тотъ-же день на этомъ мѣстѣ была выстроена деревянная церковь во имя Не-

рукотворнаго Спаса (впослѣдствіи, при построеніи Кремля, церковь была перенесена на то мѣсто, гдѣ нынѣ Спасскій монастырь). Отдавъ всѣ сокровища города, а также женщинъ и дѣтей войску, Іоаннъ Грозный взялъ себѣ въ качествѣ военнаго приза лишь захваченнаго въ послѣднемъ бою царя Едигера съ его знаменами и пушками.

4-го октября, когда весь городъ былъ очищенъ отъ труповъ, царь избралъ мѣсто для построенія храма Благовѣщенія (нынѣ каѳедральный соборъ), а затѣмъ, установивъ въ Казани нѣкоторый порядокъ, по возможности, успокоивъ городъ съ окрестностями и оставивъ въ немъ пятитысячное войско, Іоаннъ Грозный возвратился въ Москву.

Такъ пала гордая твердыня Казанскаго царства.

Вскорѣ послѣ покоренія Казани послѣдовалъ приказъ о построеніи каменной крѣпости (нынѣшній Кремль) вмѣсто деревянной, а затѣмъ тамъ былъ помѣщенъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ намѣстника, вѣдавшаго и гражданскою частью; собственноручно писанное Грознымъ царемъ указаніе долженствовало служить руководствомъ къ управленію вновь завоеванной страной. Для усиленія христіанства была учреждена архіепископская каѳедра, а ради сокращенія поводовъ къ столкновеніямъ между православными и мусульманами послѣдніе были выселены за Булакъ, гдѣ и образовалась такимъ образомъ существующая и понынѣ Татарская слобода. Главнымъ поборникомъ умственнаго просвѣщенія края сдѣлался первый архіепископъ казанскій Гурій; первыми учителями духовно-просвѣтителями и первыми школами были монахи и монастыри. Именно при монастыряхъ были учреждены школы для татаръ, желавшихъ принять православіе. Нечего и говорить о томъ, что первыми русскими поселенцами Казани были люди тогдашняго военнаго сословія. Въ общемъ нельзя не сказать, что Іоаннъ Грозный, завоевавъ Казанское царство, видимо стремился не только умиротворить и успокоить край, но и обратить Казань въ административный и духовный центръ всего средняго и нижняго Поволжья.

Петръ Великій смотрѣлъ на дѣло съ еще болѣе обширной точки зрѣнія; принимая въ разсчетъ положеніе Казани близъ сліянія Камы съ Волгою, онъ захотѣлъ сдѣлать Казань центромъ торговыхъ сношеній съ Сибирью, Китаемъ, Персіей и среднеазіатскими рынками; съ этой цѣлью онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы развить въ городѣ торговлю и промышленность. Путемъ различныхъ льготъ, колонизаціи края, путемъ водворенія спокойствія на средней Волгѣ было тогда многое достигнуто. Въ Казань начали стекаться купцы и ремесленники, и городъ сталъ быстро расти и богатѣть. Затѣмъ, далѣе, по приказу Петра были основаны въ Казани суконныя фабрики и кожевенный заводъ, а позднѣе городъ получилъ еще значеніе крупнаго центра русскаго судостроенія и не только рѣчного, но и морского. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году была отправлена въ Балтійское море изъ Казани построенная здѣсь эскадра изъ пяти кораблей: „Городъ Казань“, „Сѣверная звѣзда“, „Солнце“, „Орелъ“ и „Полумѣсяцъ“. Вскорѣ послѣ того были выстроены здѣсь восемь судовъ для азовскаго флота. Усерднымъ сподвижникомъ Петра въ дѣлѣ казанскаго судостроенія былъ главнозавѣдующій корабельными лѣсами всего Поволжья Никита Алферовичъ Кудрявцевъ, одинъ изъ выдающихся казанскихъ дѣятелей первой четверти XVIII вѣка.

Очевидно, Великій Преобразователь Россіи, остановившись окончательно на Казани, какъ центрѣ обильнаго лѣсами края и притомъ центрѣ, заявившемъ уже себя по части русскаго судостроенія, указомъ 1718 года учредилъ Казанское адмирал-

тейство, которое въ теченіе 112 лѣтъ своего дальнѣйшаго существованія поставило для каспійскаго флота до 400 судовъ разныхъ наименованій. Мѣсто для адмиралтейства было избрано близъ села Бежболды, на землѣ Успенскаго монастыря, на

берегу рѣки Казанки; соотвѣтствуетъ оно мѣстонахожденію нынѣшнихъ весеннихъ пристаней военныхъ складовъ, крупчатнаго завода Журавлевыхъ и вагоннаго депо конно-желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, на пространствѣ двухъ десятинъ были раскинуты зданія Казанскаго адмиралтейства, и нынѣшніе каменные военные скла-

ды—остатки адмиралтейскихъ зданій. Н. А. Кудрявцевъ, которому было поручено все это дѣло, принялся за него со свойственной ему энергіей. Набранный составъ мастеровыхъ и рабочихъ вмѣстѣ съ крестьянами села Бежболды, живо приступилъ къ сооруженію слободки, разросшейся впослѣдствіи въ большую слободу и сохранившей до настоящаго времени названіе Адмиралтейской. Затѣмъ были сооружены семь эллинговъ, на которыхъ должны были строиться суда, корпуса провіантскихъ магазиновъ, мастерскія, казармы и лѣсные сараи. Все это было окружено глубокимъ рвомъ, шедшимъ отъ берега рѣки Казанки, огибавшимъ адмиралтейство и впадавшимъ ниже его въ рѣку; ровъ предназначался отчасти для огражденія зданій, отчасти же для смоленія въ немъ лѣсныхъ кораблестроительныхъ матеріаловъ, съ цѣлью приданія имъ противогнилостныхъ свойствъ.

Городской пассажъ.

Управленіе адмиралтействомъ помѣщалось въ городѣ, въ домѣ, купленномъ для него въ 1719 году близъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря и именовалось „Конторою канцеляріи корабельныхъ дѣлъ“. Такъ шло до 1728 года, когда обветшавшій домъ былъ выстроенъ снова и сталъ именоваться „Лѣсной конторой“, а позднѣе, съ 1733 года, согласно новымъ штатамъ по флоту и адмиралтействамъ—„Адмиралтейскою конторою“. Во время огромнаго пожара 1742 года контора вмѣстѣ съ адмиралтейскимъ архивомъ и текущими дѣлами учрежденія сдѣлалась жертвою огня и лишь въ 1753 г. для нея былъ построенъ каменный домъ. Мѣсто, на которомъ существовали одно за другимъ эти зданія, нынѣ принадлежитъ земской больницѣ.

Учрежденіе въ Казани адмиралтейства потребовало и разныхъ вспомогательныхъ заведеній; поэтому въ 1718 году данъ былъ указъ о построеніи „пильныхъ мельницъ“ для изготовленія судовой обшивки и присланъ былъ иноземный мельничный мастеръ. Въ 1719 году было повелѣно устроить „помповый заводъ“, т. е. заводъ для выдѣлки кожъ, необходимыхъ для судовыхъ помпъ. Далѣе, до 1723 года,

послѣдовалъ рядъ указовъ о посылкѣ въ Казань различныхъ мастеровъ-спеціалистовъ кораблестроительнаго дѣла.

Насколько дѣятельность казанскаго адмиралтейства была въ то время энергична, видно изъ слѣдующаго: предпринимая персидскій походъ (въ 1722 году), императоръ Петръ Великій направилъ черезъ Астрахань къ устьямъ Терека 22 тысячи человѣкъ войска, помѣщавшихся на 8 военныхъ, 79 ластовыхъ судахъ и 200 „островскихъ“ лодкахъ, построенныхъ по образцу шведскихъ. Командовалъ флотиліей Ѳ. М. Апраксинъ, которымъ и былъ поднятъ 18 іюля 1722 года генералъ-адмиральскій флагъ на кораблѣ казанской постройки, именовавшемся „Принцесса Анна“ и находившемся подъ командой лейтенанта Соймонова. Результатомъ похода было взятіе Баку и пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ прикаспійскихъ областей. Въ слѣдующемъ году суда каспійской флотиліи снабжали изъ Астрахани провіантомъ и снарядами русскія войска, остававшіяся въ пріобрѣтенномъ краѣ подъ начальствомъ генераловъ Матюшкина и Левашева и до 1726 года они не переставали крейсировать вдоль западныхъ береговъ Каспійскаго моря. Составъ этой крейсировавшей флотиліи былъ таковъ: 15 гекботовъ, вооруженныхъ пушками 18-ти фунтоваго калибра, 5 гальотовъ

Дворянское собраніе и Державинскій скверъ.

и нѣсколько бусъ; флотилія эта въ случаѣ надобности могла поднять 4 пѣхотныхъ полка. Работы ей было не мало: и транспортированіе войскъ, и доставка продовольствія, и подвозъ снарядовъ, и почта, и гидрографическія работы и общая крейсерская служба. Иныя суда гибли въ морѣ, другія портились, и потому уже въ 1724 г. было опредѣлено строить для Каспійскаго моря ежегодно по пяти гекботовъ, причемъ адмиралтействъ коллегія высказалась, что суда, построенныя изъ сосноваго лѣсу, на Каспійскомъ морѣ не могутъ выдержать службы болѣе трехъ лѣтъ, поэтому рѣшено было половину гекботовъ строить изъ дуба.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что въ теченіе 10 лѣтъ (1725—1735 гг.) было построено для Каспійскаго моря 80 судовъ, въ числѣ коихъ были 51 гекботъ и три пакетбота; вмѣстѣ съ 112 судами, оставшимися въ наличности къ 1725 году,

изъ построенныхъ съ 1722 года, 158 судовъ; это составило весьма изрядную каспійскую флотилію въ 192 флага. Такимъ образомъ усердно работало казанское адмиралтейство, поставленное на ноги энергичнымъ Преобразователемъ Россіи.

Озабочиваясь адмиралтействомъ и основаніемъ фабрикъ и заводовъ, Петръ Великій не забывалъ и вопроса о народномъ просвѣщеніи. Въ 1714 году было приказано открыть школы при всѣхъ архіерейскихъ домахъ и знатныхъ монастыряхъ; въ Казани по этому случаю при Ѳеодоровскомъ монастырѣ была открыта школа для дѣтей духовенства. Когда позднѣе (въ 1733 году) школа эта была преобразована въ семинарію, ее перевели въ Зелантовъ Успенскій монастырь, а на ея мѣстѣ устроили инородческую школу (впослѣдствіи—славяно-латинская). Семинарія быстро достигла развитія и число учениковъ въ ней дошло до 500. Вслѣдъ затѣмъ была открыта батальонная школа на 350 человѣкъ солдатскихъ дѣтей.

Конечно, ни въ ту, ни въ другую школу дворяне своихъ дѣтей не отдавали; сословный духъ того времени не допускалъ возможности соединеннаго обученія дворянскихъ дѣтей съ дѣтьми разночинцевъ. Обстоятельство это вызвало указъ

Городской театръ.

1758 года объ учрежденіи въ Казани двухъ гимназій—одной для дворянъ, а другой для прочихъ сословій; указъ этотъ въ теченіе 30 лѣтъ оставался почти мертвою буквою, такъ какъ единственное учебное заведеніе, именовавшееся Казанской гимназіей, еле влачило свое жалкое существованіе до 1788 года, когда и было закрыто по недостатку средствъ. Курьезную, въ сущности, картину представляли эти первыя злополучныя 30 лѣтъ существованія Казанской гимназіи; содержалась она на счетъ Московскаго университета, отпускавшаго для того средства столь ограниченныя, что среди гимназистовъ появилась нищета, и многіе изъ нихъ снискивали пропитаніе милостыней. Послѣ довольно многолѣтняго опыта подобнаго содержанія гимназіи, Московскій университетъ, наконецъ, уступилъ необходимости и назначилъ для 20 самобѣднѣйшихъ гимназистовъ жалованье по 6 руб. въ мѣсяцъ. Въ сущности 6 рублей по тому времени были большія деньги: тогда четверть ржи стоила 60 коп., сажень дровъ 35 коп. и т. д.; но дѣло въ томъ, что жалованье получали

лишь 20 учениковъ, остальнымъ же все-таки приходилось бѣдствовать. Возобновлена была гимназія въ 1798 году, причемъ первоначальный характеръ ея отчасти измѣнился и она получила названіе военно-учебнаго заведенія, такъ какъ между предметами преподаванія въ ней значились уже тактика, фортификація, артиллерія и другія военныя науки. Для привлеченія въ гимназію дворянъ, ей дали разныя льготы и названіе „Императорской“, что и помогло до извѣстной степени; число учениковъ въ ней достигло къ началу текущаго столѣтія 180,—большая цыфра для того времени, когда дворянство не такъ чтобы очень стремилось отдавать своихъ дѣтей въ науку. Надо впрочемъ принять въ разсчетъ, что эти 180 человѣкъ собирались съ огромнаго пространства: Казанская гимназія была единственною въ своемъ округѣ, охватывавшемъ гигантскій районъ отъ Каспійскаго моря до Печеры и, сверхъ того, всю Сибирь.

Изъ корифеевъ литературы въ Казанской гимназіи получили образованіе Г. Р. Державинъ и С. Аксаковъ.

Въ 1768 году императрица Екатерина II, посѣтивъ Казань, выразила желаніе развить въ городѣ по возможности театральное дѣло; казанскому губернатору прямо было приказано склонять къ этому дворянство, такъ какъ, по мнѣнію государыни, „посредствомъ сихъ представленій дворянство могло бы научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости“. Судя по этому, тогдашняя казанская публика вообще требовала водворенія цивилизующихъ началъ, и, конечно, мнѣніе Екатерины имѣло глубокое основаніе; но дѣло въ томъ, что вскорѣ наступило такое время, когда было не до театральныхъ зрѣлищъ и не до вліянія ихъ на грубыя массы.

Въ 1774 году надвинулась на древнюю татарскую столицу страшная гроза: къ ней подступалъ Пугачевъ. Шайки грознаго бунтовщика по мѣрѣ движенія впередъ росли на подобіе кома снѣга. Извѣстно, что къ нимъ примыкало все бѣглое, все недовольное, всевозможный сбродъ людей низшихъ сословій, очень часто не вполнѣ ясно отдававшихъ себѣ отчетъ въ томъ, чего имъ собственно хотѣлось.

Казанцами овладѣла страшная паника; одни бѣжали изъ города, другіе—хоть и не бѣжали, но растерялись до такой степени, что на нихъ нельзя было положиться. Но казанское дворянство, несмотря на констатированную императрицей грубость нравовъ, оказалось на высотѣ своего назначенія: оно принесло большія жертвы въ помощь правительству, составивъ ополченіе (по одному рекруту съ 200 душъ крѣпостныхъ), обмундировавъ его и вообще снарядивъ его на свой счетъ. Тронутая этимъ, Екатерина II, выражая свою благодарность дворянству, назвала себя „казанской помѣщицей“ и приняла участіе въ пожертвованіяхъ на сформированіе ополченія.

Между тѣмъ жители пытались привести городъ въ состояніе возможной обороны, но, къ сожалѣнію, дѣло плохо клеилось за отсутствіемъ опытнаго энергичнаго руководителя. Въ качествѣ защитниковъ привлекли всѣхъ, кто мало-мальски былъ къ тому пригоденъ; даже изъ гимназистовъ и учителей гимназіи сформировали команду подъ начальствомъ директора гимназіи фонъ-Каница. Къ этимъ юнымъ „солдатамъ по неволѣ“ присоединились художники и ремесленники изъ нѣмцевъ, проживавшихъ въ Казани. Все это вооружилось пиками и карабинами и, занявъ позицію на Арскомъ полѣ возлѣ рѣки Казанки, гдѣ нынѣ интендантскіе склады, поставило передъ собой въ видѣ защиты отъ внезапнаго нападенія рогатки.

Въ моментъ приближенія Пугачева съ буйной многотысячной толпой, такъ на-

зываемаго его войска, переполохъ въ городѣ превзошелъ всякое описаніе; 90-лѣтній губернаторъ Кудрявцевъ, когда-то энергичный сотрудникъ Петра, а теперь едва двигавшійся старецъ, конечно, не могъ руководить обороной; другого руководителя въ наличности не оказалось, и въ результатѣ импровизированное ополченіе частію разбѣжалось, частью попалось въ плѣнъ бунтовщикамъ. Ядро регулярныхъ войскъ, подавленное въ своей малочисленности, спѣшило укрыться въ крѣпость.

Дольше всѣхъ держался миніатюрный отрядъ гимназистовъ; по флангамъ этого отряда расположились учителя, художники и нѣмцы, а въ серединѣ построились въ двѣ шеренги гимназисты, при чемъ передніе были вооружены карабинами, а задніе пиками. Весь отрядъ, по отзыву современниковъ, дѣйствовалъ вполнѣ твердо и хорошо и чуть-ли не послѣднимъ отступилъ въ крѣпость; сказанному можно тѣмъ легче повѣрить, что изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстны потери отряда— весьма серьезныя, если принять во вниманіе его малочисленность; убиты: учитель нѣмецкаго языка Тикъ, учитель рисованія Кавинецъ и четыре нѣмца; ранены: директоръ гимназіи Каницъ и 6 гимназистовъ и, сверхъ того, пропало безъ вѣсти 6 учениковъ.

Булакъ въ разливѣ.

21 іюля пугачевцы злодѣйствовали въ городѣ и жгли его. Большая батарея, работая подъ начальствомъ самого Пугачева, отъ гостиннаго двора громила Кремль —это послѣднее убѣжище казанцевъ. Къ вечеру часть кремлевской стѣны была сильно повреждена, и защитники готовились на утро къ смерти. Но въ это время явилась нежданная сильная помощь: къ городу приближался отрядъ Михельсона, который и отвлекъ Пугачева. Осада была снята.

Освобожденная такимъ образомъ Казань представляла собой ужасную картину: то были груды горящихъ развалинъ. Изъ 3867 домовъ сгорѣло 2057; 25 церквей и три монастыря сдѣлались жертвою пламени; то, что уцѣлѣло отъ пожара—несгорѣвшія церкви и гостинный дворъ и не сожженные дома были разграблены до такой степени, что представляли собой лишь небольшую часть прежняго имущества.

Множество народу было убито и ранено; многія тысячи семействъ остались безъ крова и пищи.

Пока городское начальство хлопотало о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ, Михельсонъ пригласилъ казанцевъ къ себѣ въ лагерь для разбора добычи, отнятой у мятежниковъ и для раздачи оной по принадлежности. Тутъ многіе, бывшіе прежде зажиточными людьми, стали бѣдняками, а иные изъ бѣдняковъ оказались зажиточными; оно и понятно: гдѣ тутъ было какъ слѣдуетъ раздѣлиться и разобраться во всемъ отбитомъ у мятежниковъ.

Не мало прошло времени прежде чѣмъ Казань совершенно оправилась отъ пугачевскаго нашествія, но это былъ послѣдній перенесенный ею погромъ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія въ существованіи Казани начинаетъ замѣчаться новая черта: правительство явно стремится ее сдѣлать центромъ умственной жизни Поволжья.

Въ 1804 году былъ открытъ Казанскій университетъ; съ этого же времени гимназія, о которой рѣчь шла выше, снова видоизмѣнила программу своего существованія; военныя науки были оставлены и гимназія начала подтотовлять юношество къ поступленію въ университетъ.

Императорскій университетъ.

Справедливость требуетъ сказать, что открытіе университета встрѣтило очень мало сочувствія среди казанскихъ жителей. Г. Пономаревъ разсказываетъ, что этотъ „упавшій съ неба университетъ“ въ первые годы не находилъ даже достаточнаго количества слушателей; такъ, напримѣръ, на первое время ихъ было только 33 человѣка и лишь къ концу перваго года прибавилось еще 8. О положеніи первыхъ профессоровъ, которое было по истинѣ не переносимо, профессоръ Фуксъ пишетъ слѣдующее: „хотя мѣсто ординарнаго профессора и считается въ VII классѣ, но намъ запрещено было даже писаться въ этомъ классѣ. Всѣ обращались съ нами крайне грубо; казанскій комендантъ Есиповъ говорилъ мнѣ *ты*, будучи едва зна-

комъ со мной; губернаторъ, принимая меня, никогда не садилъ и никогда не приглашалъ къ себѣ на обѣдъ или вечеръ“ *). При этомъ надлежитъ замѣтить, что именно Фуксъ былъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ—человѣкъ талантливый, страстно преданный наукѣ, умѣвшій заставить ее полюбить почти всѣхъ своихъ слушателей. Какъ человѣка, занимавшаго почетнѣйшее мѣсто въ исторіи просвѣщенія края, г. Пономаревъ даже называетъ его „лучшимъ изъ казанцевъ“.

На приглашеніе правительства къ пожертвованіямъ на университетъ, казанцы отвѣчали самымъ упорнымъ молчаніемъ. Тогдашняя дума, отговариваясь неимѣніемъ свободныхъ средствъ, отнеслась съ крайнимъ несочувствіемъ даже къ открытію новыхъ низшихъ школъ; такъ какъ общество считало образованіе вообще, а университетское въ особенности, совершенно праздной и ненужной роскошью. Въ виду всего этого общая картина исторіи развитія школьнаго дѣла въ Казани за

Пароходная пристань на оверѣ Кабанѣ.

означенный періодъ времени представляется въ такомъ видѣ: съ одной стороны стремленіе правительства и нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей учреждать въ городѣ новыя учебныя заведенія; съ другой стороны не менѣе упорное стремленіе городского управленія и значительной части населенія елико возможно затормозить это дѣло. Лучшимъ примѣромъ, иллюстрирующимъ вышесказанное, можетъ служить исторія открытія двухъ казанскихъ приходскихъ школъ, вопросъ о которыхъ возникъ тотчасъ послѣ основанія университета. Въ теченіе почти четверти вѣка школы эти никакъ не могли открыться, такъ что наконецъ въ 1828 году казанскій губернаторъ сдѣлалъ категорическое внушеніе думѣ по этому предмету; только тогда дума позволила себѣ убѣдиться въ необходимости открытія училищъ и объявила на это подписку, а богатое казанское купечество, ворочавшее уже въ то время громадными суммами, подписалось на 1082 р. 20 к., часть которыхъ и пришлось взыскивать черезъ полицію. Какъ бы то ни было, но въ 1830 году были открыты 2 приходскія

*) Каз. лит. сб.

училища; пять лѣтъ позднѣе начала свое существованіе II-я гимназія, а впослѣдствіи основана была и III-я.

Въ 1846 году открыта была въ Казани духовная академія; именно ей пожалована была богатая библіотека Соловецкаго монастыря, перевезенная оттуда во время Крымской войны, когда для монастыря возникла опасность и онъ подвергся бомбардировкѣ со стороны англичанъ. Кромѣ своего спеціальнаго назначенія быть высшимъ духовнымъ училищемъ, Казанская духовная академія всегда дѣятельно работала на поприщѣ миссіонерства: она вела и ведетъ борьбу съ раскольниками путемъ печатнаго слова и посредствомъ публичныхъ состязаній съ вождями раскола, а вмѣстѣ съ тѣмъ прилагаетъ много трудовъ и заботъ къ распространенію православія среди инородцевъ края. Съ 1855 года при академіи началось изданіе „Православнаго Собесѣдника“, а съ 1867 года—„Епархіальныхъ Вѣдомостей“ *).

Университетъ также не ограничивался однимъ чтеніемъ лекцій студентамъ, но выступалъ и на болѣе широкое поприще науки; такъ, напримѣръ, съ 1834 года онъ

Адмиралтейская дамба.

издавалъ ученыя записки, учреждалъ ученыя общества и т. п. Г. Монастырскій въ своей книгѣ добавляетъ къ этому, что „ученыя общества, выросшія на каменистой казанской почвѣ, чахли“, и что, напримѣръ, общество любителей отечественной словесности, долго не имѣвшее постоянныхъ засѣданій, въ 1846 году возобновило ихъ, „но это была предсмертная агонія, послѣ которой оно ничѣмъ уже не выражало своего существованія, хотя оффиціально и не закрывалось“. Но если мы припомнимъ все сказанное выше относительно крайняго несочувствія казанскаго общества того времени дѣлу просвѣщенія, то, конечно, нельзя будетъ и удивляться всему выраженному г. Монастырскимъ; во всякомъ случаѣ не университетъ приходится винить въ томъ, что благія начинанія не всегда приводили къ желаннымъ результа-

*) Фундаментальная библіотека академіи содержитъ свыше 40 тысячъ томовъ. Соловецкая библіотека состоитъ главнымъ образомъ изъ рукописей и старинныхъ книгъ (2865 томовъ); въ ней есть рукописи XIII и XIV вѣковъ.

тамъ, и что дѣло, на которое университетъ полагалъ свои силы, шло туго въ своемъ развитіи.

Казанскій университетъ воспиталъ не мало передовыхъ дѣятелей: тамъ кончилъ курсъ знаменитый Лобачевскій, оттуда же вышли гг. Мельниковъ и Боборыкинъ, тамъ же слушалъ лекціи и гр. Левъ Николаевичъ Толстой.

Университетская типографія, одна изъ древнѣйшихъ на Волгѣ, основана въ 1808 году и по своему богатству шрифтовъ восточныхъ языковъ, по справедливости, считается первой въ Россіи.

Кромѣ названныхъ выше двухъ періодическихъ изданій, въ Казани въ настоящее время издаются газеты: „Волжскій Вѣстникъ“, „Казанскій Телеграфъ“ и „Губернскія Вѣдомости“. Изъ музеевъ особенное вниманіе обращаетъ на себя имѣющійся при университетѣ анатомическій музей, въ которомъ между прочимъ хранятся, какъ дѣйствительныя рѣдкости, скелеты двухъ знаменитыхъ поволжскихъ разбойниковъ, когда-то наводившихъ ужасъ на весь мѣстный край и, въ концѣ концовъ, умершихъ подъ ударами плетей,—Быкова и Чайкина; съ именами этихъ страшныхъ злодѣевъ связано не мало всевозможныхъ легендарныхъ разсказовъ.

Что касается заводско-фабричной и вообще промышленной жизни, то Казань съ этой стороны не можетъ считаться въ числѣ самыхъ первыхъ пунктовъ Поволжья. Славившееся въ ней производство экипажей въ настоящее время значительно упало, что объясняется отчасти упадкомъ прежняго помѣщичьяго быта, когда именно широко жившіе помѣщики были главными потребителями экипажнаго производства. Мыльное производство, ради котораго къ Казани свозится неимовѣрное количество яицъ, бывшее когда-то самымъ обширнымъ и сильнымъ въ Россіи, въ наше время далеко не играетъ прежней роли, благодаря размножившимся фирмамъ-производителямъ въ видѣ различныхъ знаменитыхъ парфюмерныхъ фабрикъ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ. Въ Казани, однако, до сего времени бываетъ такъ называемая весенняя ярмарка, продолжающаяся съ 1 мая по 1 іюня, обороты которой простираются отъ полумилліона до милліона рублей. Общіе торговые обороты Казани простираются въ настоящее время безъ малаго до 70 милліоновъ рублей; всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ городѣ болѣе 120. Жителей въ Казани до 150 тысячъ.

Но оставимъ въ сторонѣ исторію Казани и разсужденія о ея прежнемъ и теперешнемъ значеніи; пора познакомить читателя съ самымъ городомъ.

Первое впечатлѣніе туриста при сходѣ съ парохода на казанской пристани несомнѣнно непріятное; какъ-то трудно вѣрится, чтобы такой важный центръ Поволжья могъ щеголять такой жалкой пристанью и еще вдобавокъ пристанью, отстоящей отъ города почти на семь верстъ. Волга дѣлаетъ здѣсь крутой поворотъ къ югу, сильно напираетъ на лѣвый берегъ и почти всегда въ половодье отхватываетъ отъ него изрядные куски; поэтому казанская пристань ежегодно весною представляетъ въ какой-нибудь своей части картину нѣкотораго разрушенія. Едва вы сходите съ парохода, какъ видите слѣдующее: узкая песчаная полоса съ ямами и рытвинами и на ней въ два ряда невзрачныя деревянныя постройки—не то бараки, не то балаганы, предназначенные подъ лавки, кабаки, трактиры и съѣстныя. Во время половодья вся эта пристань заливается водою и тогда имѣетъ видъ невзрачнаго плавающаго поселка; въ это время пароходы пристаютъ почти на 3 версты ближе къ городу. Дорога отъ пристани до города, скучная и однообразная, наводитъ на путешественника нѣкоторое уныніе своими рытвинами и вообще своею непри-

глядностью; по сторонамъ ея кусты и болотцы, а впереди нѣчто вродѣ города—это Адмиралтейская слобода, о которой рѣчь шла выше въ исторіи города. На томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то Петромъ Великимъ было устроено адмиралтейство, высится теперь огромный крупчатный заводъ Романова, извѣстный подъ названіемъ Романовской мельницы. Мельница эта вырабатываетъ лучшую крупчатку, перемалывая ежедневно около 1500 пудовъ пшеницы, такъ что не безъ основанія она считается одной изъ важнѣйшихъ на Волгѣ. Рядомъ съ мельницей у берега рѣки Казанки помѣщается весенняя пристань.

Въ настоящее время отъ такъ называемаго Устья, т. е. поселка у настоящей казанской пристани направляется конно-желѣзная дорога, которая, начинаясь отъ Устья, проходитъ черезъ Адмиралтейскую слободу и дамбу въ городъ, и затѣмъ направляется по Проломной улицѣ; дѣйствіе свое дорога открываетъ въ 6 часовъ утра и кончаетъ его въ 9 часовъ вечера. Путь, ею совершаемый, длится на столько долго, что ѣзду на обыкновенномъ извощикѣ можно было бы, пожалуй, предпочесть, хотя она и стоитъ втрое дороже, если бы не рытвины, дающія себя знать на пути отъ пристани въ городъ.

Адмиралтейская слобода соединяется съ городомъ дамбой до-нельзя изрытой нескончаемыми подводами, тянущимися отъ города къ пристани и обратно. Влѣво отъ дамбы, у берега рѣки Казанки, на небольшомъ курганѣ, возвышается пирамидальной формы, увѣнчанный крестомъ памятникъ по убіеннымъ при взятіи Казани. Наружность его довольно мрачная, совершенно отвѣчаетъ цѣли служить братской могилой десяткамъ тысячъ православныхъ воиновъ, здѣсь зарытыхъ „ихъ же имена Ты, Господи, вѣси“.

Памятникъ павшимъ воинамъ.

Внутри памятника церковь; внизу подземный ходъ; каменная стѣна внутри отдѣляетъ могилу убіенныхъ, которая обозначается колоссальнымъ гробомъ. Въ подземелье спускаются при свѣтѣ восковыхъ свѣчей; лѣстница тѣсная и мрачная; воздухъ въ подземельѣ спертый, могильный.

При осмотрѣ памятника императоромъ Николаемъ I, строитель его, архимандритъ Гавріилъ, докладывалъ государю, что чѣмъ глубже рыли въ этомъ мѣстѣ

землю, тѣмъ больше и больше попадалось костей по всѣмъ направленіямъ; „отъ множества костей“,—говорилъ отецъ Гавріилъ,—„нельзя сдѣлать надлежащаго фундамента для каменнаго помоста церкви“. Поэтому тѣ сотни череповъ, которые виднѣются подъ приподнятой крышкой громаднаго гроба, есть ничтожная частица всего погребеннаго въ этой братской могилѣ. Кости и черепа раскинуты на большое пространство по всей болотистой равнинѣ, окружающей памятникъ.

Памятникъ сооруженъ на добровольныя пожертвованія въ 1823 году. Ежегодно 2-го октября служатъ здѣсь панихиду по убіеннымъ въ присутствіи войскъ и представителей власти. Во время половодья, когда окрестности Казани заливаются верстъ на 20 водою, памятникъ, стоящій на холмѣ, является какъ бы царящимъ среди громаднаго воднаго пространства.

По правую сторону, при съѣздѣ съ дамбы, виднѣется бѣдный кварталъ съ Мокрою улицей по срединѣ; это, если такъ можно выразиться, тылъ города Казани, ежегодно заливаемый весенними водами (вѣроятно отсюда и названіе улицы). Отъ этого ежегоднаго стоянія по поясъ въ водѣ Мокрая улица со всѣмъ окружающимъ ее райономъ издавна пользуется печальной извѣстностью, какъ гнѣздо лихорадокъ и возвратнаго тифа.

Озеро Кабанъ.

Вообще Казань расположена большею частію на низкомъ мѣстѣ и лишь крѣпость, Воскресенская и нѣсколько другихъ улицъ, ближайшихъ къ Арскому полю, расположены на сравнительной высотѣ. Бывшею когда-то рѣкой, а нынѣ канавою, Булакомъ и озеромъ Кабаномъ, служащимъ какъ-бы продолженіемъ Булака, городъ дѣлится на двѣ части: лѣвая—лучшая и большая часть, правая—меньшая и худшая часть; послѣдняя населена преимущественно татарами, а проживающіе въ ней русскіе составляютъ меньшинство и принадлежатъ къ небогатому классу. Эта то часть города и начинается вышеназванной Мокрой улицей.

Озеро Кабанъ простирается въ длину безъ малаго на 3 версты, въ ширину же отъ 15 до 200 саженъ; довольно живописные берега его застроены множествомъ дачъ; тутъ же ботаническій садъ, архіерейская дача, заводъ Крестовникова (про-

изводство стеариновыхъ свѣчей), юнкерскіе лѣтніе бараки и въ концѣ Кабана кумысныя заведенія. Озеро служитъ для средняго класса однимъ изъ любимыхъ мѣстъ прогулки; здѣсь совершаются всевозможныя „parties de plaisir“ съ цѣлью подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ настоящее время по Кабану ходитъ крошечный пароходикъ, но, впрочемъ, большинство гуляющихъ предпочитаетъ ѣздить на лодкахъ. Кабанъ отдѣляется отъ Булака затворомъ. Что касается самого Булака, то, наполняясь водой въ весеннее время и въ періодъ сильныхъ дождей, эта канаварѣченка на лѣто почти совсѣмъ пересыхаетъ и, по правдѣ сказать, служитъ источникомъ зловонія.

Лучшая и большая часть города, заключенная между Булакомъ и Кабаномъ съ одной стороны и рѣкой Казанкой съ другой, имѣетъ впереди себя кремль, обращенный къ Волгѣ. Отъ кремлевской Спасской башни направляется Воскресенская улица, считающаяся лучшей въ городѣ. Здѣсь дума, судебная палата, окружной судъ, гостиницы, лучшіе магазины и пассажъ, отчасти проигрывающій только благодаря тому, что красивѣйшая сторона его обращена въ переулокъ. Воскресенская улица заканчивается большими и красивыми зданіями: съ правой стороны университетомъ, съ лѣвой—клиникой, выходящей одной стороной на Николаевскую площадь. Продолженіемъ послѣдней служитъ красивая Театральная площадь. Здѣсь, близъ довольно изящнаго храма Мельпомены, помѣщается Дворянское собраніе—зданіе солидной и красивой архитектуры.

Обѣ названныя площади отдѣляются одна отъ другой Державинскимъ садомъ, посреди котораго находится памятникъ Григ. Ром. Державину.

Памятникъ Державину.

Поэтъ представленъ сидящимъ на камнѣ съ лирою въ рукѣ, въ тогѣ и сандаліяхъ; внизу, на сторонахъ пьедестала барельефы: музы, вѣнчающія поэта, и онъ самъ, бряцающій на лирѣ передъ Фелицей. Памятникъ сооруженъ въ 1846 году на средства, доставленныя всероссійской подпиской; поначалу онъ помѣщался на университетскомъ дворѣ и лишь съ 1871 года перенесенъ на настоящее мѣсто. Характерная подробность: казанское простонародье въ большинствѣ считаетъ, что памятникъ этотъ воздвигнутъ генералу, шибко побившему Наполеона въ 12-мъ году.

Державинъ родился и воспитывался въ Казани; его родъ, какъ у большинства коренныхъ казанскихъ фамилій, происходилъ отъ татарина—мурзы Багрима, который перешелъ изъ Золотой орды на русскую службу при великомъ князѣ Василіи III.

Поэтъ всегда очень любилъ свой родной городъ. Уже будучи старикомъ, проживая на берегахъ рѣки Волхова, въ селѣ Званка, онъ писалъ подъ звуки игры на арфѣ m-lle П. М. Бакуниной стихотвореніе, съ полной ясностью доказывающее, какъ

дорожилъ своей родиной старецъ-поэтъ, увѣнчанный лаврами, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. Именно, обращаясь къ Бакуниной, онъ говоритъ:

„Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое“.

и затѣмъ далѣе:

„Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!“

Рядомъ съ Николаевской площадью находится Черное озеро, въ настоящее время совсѣмъ засыпанное и служащее обычнымъ мѣстомъ гулянья.

Параллельно Воскресенской улицѣ направляется улица Проломная, наименованіе которой произошло отъ того, что въ этомъ мѣстѣ, въ стѣнѣ, окружавшей Казань, былъ сдѣланъ тотъ проломъ при штурмѣ Казани въ 1552 году, черезъ который ворвались русскія войска въ городъ. На улицѣ этой сосредоточено главное торговое движеніе города. На ней, гдѣ стояли въ прежнее время ворота татарской Казани, впослѣдствіи воздвигнута церковь Богоявленія, называющаяся поэтому „у Проломныхъ воротъ“.

По внѣшней красотѣ и чистотѣ зданій обращаетъ на себя вниманіе Грузинская улица, начинающаяся отъ Николаевской площади и выходящая на Арское поле, извѣстное въ стародавнія времена происходившими на немъ битвами русскихъ съ татарами. На Арскомъ полѣ помѣщается Родіоновскій женскій институтъ и далѣе зданія военнаго госпиталя и духовной академіи. Немного не доходя до госпиталя туристъ встрѣтитъ оврагъ, черезъ который по каменной дамбѣ направляется дорога; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дамбы еще недавно были видны остатки разрушеннаго моста, на которомъ произошла характерная историческая встрѣча: возвращавшійся изъ Сибири, сосланный туда по проискамъ Бирона, бывшій временщикъ Остерманъ встрѣтился здѣсь съ отвозимымъ въ Сибирь Бирономъ.

За Арскимъ полемъ, противъ духовной академіи, направляясь къ берегу Казанки, начинается весьма живописная мѣстность, извѣстная подъ именемъ русской и нѣмецкой Швейцаріи, а далѣе, за окраиной города, на возвышенномъ берегу Казанки, возвышается среди живописной мѣстности громадное зданіе дома для душевно-больныхъ.

Но пора намъ съ читателемъ прогуляться въ Казанскій кремль, почти сплошь состоящій изъ древнѣйшихъ построекъ. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза Спасская башня, стоящая правѣе главныхъ воротъ.

Какъ самая архитектура башни, такъ и матеріалъ, изъ коего она выстроена (мѣстный известнякъ и кирпичъ древней выдѣлки), подтверждаютъ происхожденіе башни въ XVI вѣкѣ; на всемъ лежитъ отпечатокъ несмѣлой, тяжеловѣсной работы тогдашнихъ русскихъ каменщиковъ, заботившихся лишь о прочности кладки, въ то-же время осторожныхъ и старавшихся не мудрствовать лукаво; черта эта проглядываетъ и въ толщѣ стѣнъ, которою онѣ отличаются и въ пологихъ сводахъ, несмѣло, но прочно перекинутыхъ надъ стѣнами, людьми мало знакомыми съ математикой и вычисленіями, и потому старавшимися уйти подальше отъ грѣха и не очень то выпячивать высокіе своды. Несмотря на видимую неопытность строите-

лей, а быть можетъ даже именно по ея милости, выстроенныя ими зданія стоятъ цѣлы и невредимы четвертое столѣтіе, какъ бы служа укоромъ строителямъ новѣйшей формаціи, воздвигающимъ на основаніяхъ точной науки стѣны и своды, которые порою даютъ трещины, а то такъ и совсѣмъ разваливаются. Верхній этажъ Спасской башни, а отчасти и стѣны кремля, правда, подправлялись въ позднѣйшее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но ремонтъ этотъ былъ вызванъ поврежденіями, причиненными выстрѣлами пугачевскихъ батарей. Основаніемъ для крѣпостныхъ стѣнъ служатъ уложенныя слоями плиты дикаго камня.

На Спасской башнѣ помѣщается государственный гербъ и въ ней же виситъ необыкновенно звучный набатный колоколъ, игравшій въ прежнія времена немаловажную роль, такъ какъ Казань довольно много разъ постигали губительные пожары, истреблявшіе порою городъ въ огромной части его. Особенно сильны были пожары 1579 г., 1595 г., 1672 г., 1684 г., 1742 г., 1749 г., 1757 г., 1774 г. (взятіе города Пугачевымъ), 1816 г., когда сгорѣло до 2000 домовъ, и 1859 г., когда горѣла Забулачная часть города. За послѣдніе годы можно сказать, что Казань страдаетъ отъ пожаровъ немного и, во всякомъ случаѣ, меньше другихъ поволжскихъ городовъ, главной причиной чему служитъ то обстоятельство, что каменныя постройки мало-по-малу вытѣснили деревянныя, такъ что послѣднія скучиваются главнымъ образомъ лишь по окраинамъ города.

Державинскій скверъ отъ памятника.

На лицевой сторонѣ Спасской башни имѣется большой образъ Спаса Нерукотвореннаго. Предъ нимъ теплится неугасимая лампада. Казанцы относятся къ этому образу съ особеннымъ благоговѣніемъ. Во время пожара 1842 года, когда и гостин-

ный дворъ, и ближайшія къ башнѣ строенія пылали, какъ костеръ, все стекло у образа растрескалось отъ жара, но самый образъ остался невредимъ. Тоже было и въ пожаръ 1816 года, когда горѣлъ кремль. Образъ этотъ есть точная копія съ царскаго знамени, игравшаго столь видную роль при взятіи Казани. Самая церковь башни не велика; она украшена внутри съ большимъ вкусомъ и оригинальностью военными арматурами и возобновлена въ 1836 году. Называется эта церковка „Военно-Кремлевскою во имя Спаса Нерукотвореннаго образа“ и предназначена для воинскихъ командъ въ Казани, не имѣющихъ полковыхъ церквей.

Внутри кремля помѣщается правѣе воротъ военная гауптвахта—бывшій царскій дворецъ, въ которомъ жили казанскіе намѣстники. Далѣе тянется длинное двухъэтажное зданіе присутственныхъ мѣстъ. По лѣвую сторону высится колокольня Спасо-Преображенскаго монастыря и самый соборъ, а далѣе нѣсколько выдвинулась на тротуаръ старинная церковь свв. Купріана и Устиніи, празднуемыхъ 2-го октября; церковь эта основана въ память взятія Казани (2-го октября). Первоначально выстроенная изъ дерева у Царевыхъ воротъ, она нѣсколько позднѣе перенесена была въ кремль уже въ видѣ каменной церкви, но съ сохраненіемъ формы, линій и высоты прежней деревянной.

Спасо-Преображенскій монастырь, основанный въ 1556 году св. Варсонофіемъ, есть мѣсто священное для казанцевъ, которые съ особеннымъ благоговѣніемъ входятъ въ ограду этой обители. Здѣсь святители Гурій и Варсонофій проводили свою подвижническую, труженическую и благочестивую жизнь. Здѣсь оба они, неразлучные при жизни друзья, были погребены рядомъ. Въ исторіи города Казани Рыбушкина (изданіе 1850 г.) разсказано, что когда для устройства фундамента нынѣшней каменной церкви въ 1596 году сняли надгробные камни съ могилы святителей и открыли ихъ гроба, то тѣла ихъ оказались нетлѣнными, вокругъ же распространилось благоуханіе. Обрѣтенныя такимъ образомъ мощи были помѣщены въ церкви монастыря.

Кремлевская улица оканчивается Тайницкими воротами *), получившими свое названіе отъ бывшаго здѣсь потайного хода отъ воротъ къ источнику. Вправо отъ воротъ у подошвы горы существуетъ ключъ, изъ котораго татары пользовались водой во время осады. Ключъ этотъ теперь въ запустѣніи и на первый взглядъ пожалуй произведетъ впечатлѣніе грязной болотной ямы, но вода его чиста и прозрачна какъ хрусталь.

Благовѣщенскій каѳедральный соборъ заложенъ Іоанномъ Грознымъ тотчасъ послѣ взятія Казани въ видѣ деревянной церкви; десять лѣтъ позднѣе выстроенъ на этомъ мѣстѣ каменный соборъ, причемъ по тогдашнему счету на постройку израсходовано: мастеровымъ 1148 рублей 42½ копѣйки (отъ 6 до 8 денегъ въ сутки каждому), да желѣза куплено на 100 рублей. Строили храмъ псковскіе каменщики съ Иваномъ Ширяемъ во главѣ, а руководилъ постройкой святитель Гурій. Послѣ нѣсколькихъ пожаровъ, соборъ исправляли и увеличивали новыми постройками, но первоначальная его архитектура осталась прежняя; въ ней замѣчается подражаніе московскому Успенскому собору. Выстроенная въ позднѣйшее время колокольня являетъ собою сочетаніе древне-русскаго стиля съ татарскимъ: какъ будто при воз-

*) Въ кремлѣ есть еще мало извѣстныя Пятницкія ворота, противъ Пятницкой церкви, находящейся внѣ кремля.

веденіи нижнихъ этажей строитель подражалъ архитектурѣ сосѣдней Сумбекиной башни, верхними же этажами копировалъ колокольню Ивана Великаго.

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ нынѣ почиваютъ мощи архіепископа Гурія, перенесенныя сюда изъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ 1650 году, т. е. черезъ 50 слишкомъ лѣтъ послѣ ихъ открытія. Ризница собора очень богата: въ ней хранится много драгоцѣнныхъ и старинныхъ вещей, принадлежавшихъ святителю.

На краю кремля, позади площади, обращаетъ на себя вниманіе красивое зданіе дворца, обсаженное деревьями и съ домовою церковью. Въ прежнее время на этомъ мѣстѣ былъ дворецъ казанскихъ хановъ; теперь живетъ въ немъ губернаторъ, церковь же передѣлана изъ мечети.

Предметъ достойный любопытства пріѣзжающихъ въ Казань—башня Сумбека, или правильнѣе Суюнбеки; башня эта есть ничто иное, какъ минаретъ главной мечети, служившей мѣстомъ погребенія казанскихъ хановъ. При взятіи Казани мечеть была разрушена русскими, башня же уцѣлѣла и сохранилась до настоящаго времени, какъ единственный памятникъ древне-татарской Казани. Очень возможно, что верхніе этажи башни, поврежденные при осадѣ города русскими, были впослѣдствіи поправляемы, почему на нихъ и замѣтны слѣды позднѣйшей архитектуры; но во всякомъ случаѣ три нижніе этажа несомнѣнно древнѣйшей постройки.

Вся башня отличается изящнымъ, оригинальнымъ стилемъ и высотою достигаетъ 35 саженъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны шпиль башни былъ украшенъ государственнымъ гербомъ, надъ которымъ на тонкой и длинной оконечности насa-

женъ былъ ярко-вызолоченный шаръ. Шаръ этотъ послужилъ на долгое время предметомъ весьма оригинальнаго вѣрованія казанскихъ татаръ: они утверждали, что внутри шара хранятся чрезвычайно важныя для татаръ бумаги, въ которыхъ за царскою печатью обозначены всѣ татарскіе права и прерогативы. Вѣрованіе это имѣло мѣсто въ теченіе трехъ четвертей вѣка и наконецъ въ 1831 году шаръ былъ снятъ и торжественно въ присутствіи татаръ осмотрѣнъ; конечно, онъ оказался пустымъ, и нелѣпое вѣрованіе тѣмъ самымъ рушилось.

Нижніе этажи башни выложены изъ дикаго камня и лишь въ недавнее время облицованы кирпичемъ, верхніе же этажи—кирпичной кладки. Названіе свое башня получила отъ послѣдней казанской царицы Суюнбеки, имя которой сдѣлалось легендарнымъ. Народная молва представляетъ поэтическій образъ этой царицы въ видѣ очаровательной красавицы, перенесшей въ жизни много горя и страданій, и въ заключеніе имѣвшей несчастіе видѣть паденіе своего отечества.

Жизнь Суюнбеки дѣйствительно была некрасна. Тринадцатилѣтней дѣвушкой была она выдана замужъ за пятнадцатилѣтняго казанскаго царя Эналея. Мальчикъ-царь, гораздо болѣе занятый забавами своего возраста, чѣмъ вопросами объ управленіи государствомъ, конечно, не могъ съ надлежащей твердостью и мужествомъ царствовать при тогдашнемъ серьезномъ положеніи его отечества. Въ результатѣ возникли неудовольствія, составился заговоръ и Эналей былъ убитъ. На мѣсто его казанцы призвали вновь прежняго своего царя Сафа-Гирея, который всего за три года передъ этимъ былъ выгнанъ ими за предѣлы отечества. Сафа-Гирей, очарованный красотой Суюнбеки, несмотря на слезы этой юной вдовы, заставилъ ее сдѣлаться своею женою при четырехъ, имѣвшихся уже на лицо, женахъ. Съ первыхъ же дней новаго замужества Суюнбека, ставшая главною и любимою женою Сафа-Гирея, почувствовала къ нему отвращеніе вполнѣ естественное, если принять въ разсчетъ личность Сафа-Гирея, проводившаго дни въ праздности и жестокостяхъ, а ночи въ пьянствахъ и безобразныхъ оргіяхъ. Неисчислимы нравственныя страданія, испытанныя молодой женщиной, не видѣвшей исхода изъ своего несчастнаго положенія. Много слезъ пролила она, не находя поддержки даже въ родномъ отцѣ, заставившемъ ее сдѣлаться женой Сафа-Гирея.

Но вотъ, наконецъ, послѣ 13 лѣтъ страданій судьба освободила несчастную: Сафа-Гирей въ 1549 году въ пьяномъ видѣ убился до смерти, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, изъ которыхъ старшему Утямишъ-Гирею было всего 2 года.

Малютка былъ провозглашенъ казанскимъ царемъ и, конечно, Суюнбека въ качествѣ царской матери стала играть видную роль въ государственной жизни. Но здѣсь случилась новая бѣда: царица страстно влюбилась въ молодого татарина-красавца Кончака, и любовь эта ее сгубила. Фаворитъ сталъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, возбудилъ противъ себя неудовольствіе казанцевъ, былъ выданъ ими русскимъ и отведенъ плѣнникомъ въ Москву. Страстно влюбленная царица была въ отчаяніи. Разлука съ возлюбленнымъ, живя съ которымъ она быстро съумѣла забыть тяжелые годы послѣдняго замужества, повергла ее въ мрачную задумчивость и сдѣлала заклятымъ врагомъ Россіи.

Въ это время прежній казанскій царь Шигъ-Алей, поддерживаемый Іоанномъ Грознымъ, сталъ вновь претендовать на казанскій престолъ. И вотъ, по требованію Грознаго, Суюнбека должна была сложить съ себя корону; царицу взяли въ плѣнъ и отвезли въ Москву.

Не только сама царица, но и вся Казань проливала слезы. Не укоряя никого, Суюнбека жаловалась только на судьбу. Вельможи утѣшали ее, говоря, что Іоаннъ милостивъ, что ему служатъ многіе мусульманскіе цари, что онъ найдетъ среди нихъ достойнаго ея супруга и дастъ ей владѣніе... Весь городъ шелъ за царицей до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато украшенная ладья; царица медленно ѣхала въ колесницѣ, за нею несли ея сына—юнаго царя, а далѣе, печально безмолвствуя, шелъ народъ. Слабая, блѣдная, Суюнбека едва могла сойти на пристань и, входя въ ладью, низко, низко поклонилась народу и вся огромная толпа съ плачемъ пала ницъ, посылая пожеланія счастья своей царицѣ. Князь Оболенскій встрѣтилъ Суюнбеку на берегу Волги, привѣтствовалъ ее отъ имени государя и повезъ на судахъ въ Москву...

Внутри высокой каменной ограды, рядомъ съ кремлемъ расположенъ Казанскій дѣвичій монастырь, основанный въ 1579 году во имя находящейся здѣсь иконы Казанской Божіей Матери. Почитаніе этой иконы православными (празднованіе 22-го октября), благоговѣніе казанскихъ жителей по отношенію къ ней таковы, что мы считаемъ нужнымъ разсказать исторію обрѣтенія этой святыни.

Въ 1579 году значительная часть Казани была истреблена пожаромъ. Въ числѣ пострадавшихъ былъ нѣкій стрѣлецъ Онучинъ, домъ котораго сгорѣлъ до тла. Дочь его, десятилѣтняя дѣвочка, увидѣла во снѣ Божію Матерь, повелѣвшую ей заявить всѣмъ, что въ пепелищѣ сгорѣвшаго дома сокрытъ Ея пречистый образъ. Властямъ было заявлено объ этомъ сновидѣніи, но онѣ не придали ему особеннаго значенія, вслѣдствіе чего дѣвочка предалась сама разысканію иконы. 8 іюля она нашла ее въ пепелищѣ на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Икона походила на новую, какъ бы недавно написанную.

Вѣсть объ открытіи дѣвочки разнеслась моментально по городу и массы народу сошлись къ пепелищу дома Онучина. Явились власти, прибыло духовенство съ архіепископомъ во главѣ и икона торжественно была перенесена въ ближайшую церковь Николы Тульскаго. Позднѣе было дознано, что икона эта есть точный списокъ съ чудотворнаго образа Богоматери, вывезеннаго изъ Іерусалима въ Константинополь царицей Евдокіей, супругой греческаго царя Ѳеофила.

Послѣ многихъ чудесъ, исцѣленія недужныхъ, прозрѣнія слѣпыхъ, совершившихся при новоявленной иконѣ, архіепископъ Іеремія приказалъ снять съ нея копію, которую и препроводилъ въ Москву къ царю Іоанну Васильевичу вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ событія обрѣтенія иконы. Царь приказалъ построить на мѣстѣ, гдѣ была найдена икона церковь во имя Богородицы и устроить тутъ дѣвичій монастырь. Обрѣтшая икону дѣвочка—въ это время уже дѣвушка—была первою сестрою послушницею новаго монастыря подъ именемъ Маѳы.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ построить въ монастырѣ вмѣсто деревяннаго новый каменный храмъ, который и былъ освященъ въ 1595 году, причемъ самая икона была украшена драгоцѣнными каменьями, жемчугомъ и золотомъ изъ царской сокровищницы. Къ концу прошлаго вѣка храмъ пришелъ въ ветхость и вмѣсто него былъ сооруженъ новый—теперешній, освященный въ 1804 году; онъ о пяти главахъ, высокъ и просторенъ и имѣетъ главный куполъ, украшенный колоннадой коринѳскаго ордена; боковые фронтоны поддерживаются колоннадами ордена іоническаго. Въ 1810 году въ монастырѣ построенъ теплый соборъ, гдѣ и поставлена икона Богородицы, а въ послѣднее время выстроена семиярусная колокольня (самое высокое зданіе въ городѣ) и много другихъ построекъ, такъ что въ настоящее время

дѣвичій монастырь имѣетъ видъ небольшого городка, состоящаго исключительно изъ каменныхъ зданій.

Въ Смутное время междуцарствія въ Россіи, рать, отправленная изъ Казани на выручку Москвы, имѣла съ собою списокъ съ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери; съ этого именно времени икона пріобрѣла особенное уваженіе среди русскаго войска, а затѣмъ и всего русскаго народа и получила всероссійское значеніе. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ соорудилъ въ Москвѣ во имя этой иконы Казанскій соборъ и установилъ два празднованія въ году: 8-го іюля—день обрѣтенія иконы и 22-го октября—день освобожденія Москвы. Во имя той же иконы впослѣдствіи выстроенъ въ Петербургѣ каѳедральный Казанскій соборъ.

Самая икона Казанской Божіей Матери древнегреческаго письма имѣетъ двѣ ризы: одну праздничную, всю золотую, украшенную 430 драгоцѣнными каменьями, въ числѣ коихъ 18 крупныхъ брилліантовъ, и другую—сплошь покрытую жемчугомъ, съ брилліантовой короной, пожертвованной Екатериной II, украшенную 1700 драгоцѣнными камнями. Ковотъ иконы также богато украшенъ. Въ общемъ на двухъ ризахъ и ковотѣ имѣется до 3000 драгоцѣнныхъ камней.

Другая казанская святыня, чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, находится въ Седьміозерной пустынѣ (въ 22-хъ верстахъ отъ Казани), откуда ежегодно 26-го іюня икона бываетъ приносима въ городъ; чтобы поклониться ей, стекается въ это время въ Казань масса богомольцевъ. Основаніе Седьміозерной пустыни отно-

сится приблизительно къ 1615—1620 годамъ. Мѣсто, гдѣ она возникла, было въ то время непроходимымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, что вполнѣ отвѣчало стремившемуся къ уединенію, къ полному отрѣшенію отъ міра, основателю пустыни—подвижнику Евфимію. Когда въ 1654 году Россію постигло страшное бѣдствіе въ видѣ моровой язвы, въ Казань, гдѣ чума ежедневно косила народъ во множествѣ, была принесена икона Смоленской Божіей Матери по приказанію тогдашняго казанскаго воеводы Салтыкова и по усердной просьбѣ народа. Моръ прекратился, и съ того времени по распоряженію митрополита Лаврентія установлено, чтобъ икону приносили въ Казань ежегодно въ память избавленія города отъ погибели.

Въ торговой части Казани имѣется также замѣчательный храмъ, а именно Петропавловскій соборъ, принадлежащій по своей архитектурѣ и по красотѣ къ выдающимся постройкамъ. Въ Россіи можно назвать три церкви столь оригинальныя: храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, Строгановская церковь въ Нижнемъ и Петропавловскій соборъ въ Казани. Построенъ онъ въ 1726 году купцомъ Микляевымъ въ память пребыванія въ Казани Петра Великаго. Въ той же части города имѣется и другое большое и красивое зданіе—Казанское реальное училище, обладающее прекрасной библіотекой и богатымъ музеемъ.

Если туристъ, попавшій въ Казань, пожелаетъ прогуляться по городу, то ему можно рекомендовать, побывавъ сначала на Спасской башнѣ, откуда видѣнъ весь городъ какъ на ладони, начать свою прогулку именно отъ этой башни, повернувъ отъ нея влѣво и слѣдуя вдоль стѣны по Кремлевскому бульвару.

Городъ довольно рѣзко раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна—богатая, но не торговая часть—очень привлекательна; въ ней вы увидите много красивыхъ каменныхъ зданій и нѣкоторые кварталы ея утопаютъ въ зелени садовъ. Въ этой части города живутъ люди со средствами—по большей части въ своихъ домахъ. Другая часть—торговая; общую панораму ея туристъ увидитъ съ Кремлевскаго бульвара. Здѣсь иное дѣло: каменные дома тѣсно жмутся одинъ къ другому, объ изобиліи зелени тутъ уже не можетъ быть рѣчи, такъ какъ все здѣсь приспособлено въ интересахъ коммерціи для магазиновъ, лавокъ, складовъ и т. п. Пограничной межой этихъ двухъ частей служитъ Воскресенская улица—главнѣйшая въ городѣ, такъ сказать, Невскій проспектъ города Казани.

Въ торговой части города много церквей и эти церкви значительно смягчаютъ общую картину, прилѣпившихся другъ къ другу домовъ, настроенныхъ съ коммерческими цѣлями. По мѣрѣ удаленія отъ кремля, церкви встрѣчаются все рѣже и рѣже и наконецъ на окраинахъ города совершенно смѣняются мусульманскими мечетями. Преобладаніе послѣднихъ на восточной окраинѣ Казани объясняется тѣмъ, что именно тамъ начала свое существованіе Татарская слобода, еще съ того времени, когда прежніе жители татарской Казани были удалены за городъ къ озеру Кабану.

Съ Кремлевскаго бульвара видны на далекое разстояніе и окрестности Казани. За дамбой видна Волга, а еще далѣе, на самомъ горизонтѣ, Услонскія горы и селеніе Верхній Услонъ, прислонившееся къ склону горы. На церковномъ погостѣ въ этомъ селеніи находится могила княгини Меншиковой, умершей по пути въ Сибирь; ея мужъ, бывшій когда-то полудержавнымъ властелиномъ Россіи, а въ то время несчастный ссыльный, самъ читалъ надъ ней молитвы, собственными руками вырылъ могилу и самъ предалъ погребенію несчастную жертву переворота судьбы.

Правѣе и нѣсколько позади памятника по убіеннымъ воинамъ, на возвышенности, расположенъ основанный въ 1552 году Зелантовъ Успенскій монастырь. Заложенный самимъ Іоанномъ Грознымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ были погребены павшіе воины и гдѣ нынѣ находится памятникъ, монастырь былъ переведенъ черезъ 7 лѣтъ на его теперешнее мѣсто во избѣжаніе разрушеній, которыя производило въ немъ ежегодно половодье. Соборный монастырскій храмъ оконченъ постройкой въ 1625 году. Мѣстоположеніе монастыря довольно живописно.

За монастыремъ—Пороховая слобода; тамъ имѣется казенный пороховой заводъ, выдѣлывающій ежегодно отъ 40 до 50 тысячъ пудовъ пороху. Тутъ же неподалеку Кизическій монастырь съ его высокой колокольней, селеніе Кизицы и слобода Гривка.

Особенно хороша картина, открывающаяся съ Кремлевскаго бульвара весною во время половодья. Въ эту пору бульваръ бываетъ буквально унизанъ гуляющей публикой, такъ какъ истый казанецъ въ силу давнымъ-давно установившагося обычая считаетъ своимъ долгомъ полюбоваться разливомъ рѣкъ именно съ Кремлевскаго бульвара.

И дѣйствительно тогда есть на что посмотрѣть! Волга и Казанка, поднявшись саженъ на 5, а иногда и на 7, сливаютъ свои воды и даютъ обширную картину воднаго царства, полнаго раздолья, среди которой и памятникъ, и Адмиралтейская слобода, и Зелантовъ монастырь, и Кизицы являются какъ-бы живописными островами. Передъ зрителемъ широко раскинута обширная гавань, перепоясанная узенькою полоскою дамбы. Конечно, видѣть эту картину можно лишь въ маѣ мѣсяцѣ, такъ какъ въ іюнѣ вода спадаетъ, и Казань остается въ своемъ нормальномъ положеніи, т. е. находясь не на Волгѣ, а въ 7 верстахъ отъ нея.

Говоря о Казани, нельзя не сказать нѣсколько словъ о коренномъ населеніи столицы прежняго Казанскаго царства—татарахъ, тѣмъ болѣе, что съ татарами путешественнику придется встрѣтиться не только въ Казани, но и въ другомъ значительномъ центрѣ Поволжья Астрахани.

Русская поговорка опредѣлила татарина такъ: „либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ“; такимъ образомъ черта племенного характера татарина для насъ, русскихъ, надо полагать, ясна. Но ни поговорки, ни лѣтописи, и вообще никакіе источники не съумѣли опредѣлить, откуда произошло самое слово *татаринъ*. Извѣстно только, что оно въ сущности не есть названіе національности, а скорѣе обозначаетъ прозвище ея, общую кличку, какъ слово *нѣмецъ* у простого русскаго человѣка вовсе не обозначаетъ пруссака или саксонца, а подразумѣваетъ всякаго западно-европейца, который, не говоря по-русски, является въ представленіи русскаго человѣка *нѣмымъ*. Какъ бы то ни было, названіе *татаринъ*, въ общемъ смыслѣ относясь нерѣдко къ разнымъ восточнымъ національностямъ, тѣмъ не менѣе спеціально обозначаетъ извѣстную отрасль монгольскаго племени.

Въ XIII вѣкѣ многія тюркскія племена, жившія на огромномъ пространствѣ отъ Малой Азіи до Китая, подпали подъ власть Чингизъ-Хана и его монгольской орды; силу оружія могучаго представителя монгольства довелось испытать и русскимъ. Лѣтописецъ XIII вѣка говоритъ такъ: „пріидоша языцы незнаемые, ихъ-же добре никто-же вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша и котораго племени суть и что вѣра ихъ; а зовутъ ихъ татары, а иніи глаголютъ таурмени“. Эти „таурмени“, иначе туркмены, доказываютъ прежде всего, что въ ордахъ Чингизъ-Хана были племена

тюркскаго происхожденія; быть можетъ одно изъ нихъ и называлось татарскимъ. Къ числу племенъ, покоренныхъ монголами, принадлежали, между прочимъ, болгары, сами въ свою очередь являвшіе собою смѣсь племенъ тюркскихъ съ славянскими. Побѣдители и побѣжденные впослѣдствіи смѣшались совершенно и эта то новая смѣсь, въ которой въ сущности течетъ не только монгольская, но и славянская кровь и называется теперь у насъ *татарами*. Самъ татаринъ очень часто и до

сего времени называетъ себя *булгарлыкомъ*. Слiяніе булгарскаго племени съ покорителями татарами отразилось, главнымъ образомъ, на томъ, что казанскіе татары—красивая порода людей, лучшая вѣтвь между нашими татарами.

Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ ниже русскаго и гораздо ниже чуваша; очень часто встрѣчается, что въ татарскомъ селеніи, особенно къ востоку отъ Казани, татары совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ и сдаютъ свои земли въ аренду русскимъ и чувашамъ. Но зато торговля -истинная стихія татарина; заведись у него хоть небольшой капиталъ и татаринъ немедленно пускается въ торговлю. Въ Казанской и Симбирской губерніяхъ вся разносная торговля въ рукахъ татаръ; да и въ однѣхъ ли этихъ губерніяхъ торгуютъ татары! Ловкій, расторопный татаринъ обыкновенно богатѣетъ довольно быстро и, собравъ изрядный капиталъ, тотчасъ начинаетъ торговать добросовѣстно и солидно, оставивъ въ сторонѣ свои прежнія мелочно-торгашескія ухватки. Въ фабрично-заводской промышленности татары занимаютъ также видное положеніе, особенно въ Казанской и Симбирской губерніяхъ; и въ той, и въ другой имѣется не мало крупныхъ капиталистовъ-татаръ.

Татаринъ.

Городской татаринъ очень дѣятеленъ и домой приходитъ лишь для отдыха; главная же часть жизни его проходитъ въ магазинѣ, въ лавкѣ, на улицѣ, на заводѣ—словомъ, всюду, куда увлекаютъ его торговыя страсти. Въ то же время женщины проводятъ дома скучную въ своемъ однообразіи жизнь, состоящую изъ ѣды, чаепитія, занятій своимъ туалетомъ—жизнь, въ общемъ преисполненную лѣни; впрочемъ, татарки преклонныхъ лѣтъ занимаются хозяйствомъ и вышиваніемъ *ичигъ* (сафьянная дамская и мужская обувь) и *тюбетеекъ* (татарскія ермолки).

Нравственность татаръ лучше всего характеризуется вышеприведенной поговоркой; дѣйствительно, татаринъ либо мошенникъ, либо человѣкъ неподкупной честности. Если вы наняли въ услуженіе татарина, то качества его будутъ заявлены очень скоро; коль въ первые же дни онъ не обокралъ васъ самымъ ловкимъ и смѣлымъ образомъ, вы можете довѣрить его чести все, что хотите. Остановясь въ какомъ нибудь татарскомъ селѣ въ домѣ татарина, въ качествѣ его гостя, вы можете считать вашъ кошелекъ и драгоцѣнности безопасными, какъ въ несгораемомъ шкафу; но за то, быть можетъ, въ томъ же селѣ существуетъ шайка такихъ ловкихъ и смѣлыхъ конокрадовъ-татаръ, изъ которыхъ каждый не задумается въ случаѣ поимки сопротивляться съ ножомъ въ рукахъ.

Татары—страстные поклонники чаепитія, причемъ это пристрастіе не уничтожаетъ у нихъ склонности къ вину; татаринъ любитъ выпить, несмотря на заповѣдь пророка, оправдываясь тѣмъ, что пьетъ *бальзамъ*, а не напитокъ, запрещенный кораномъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что по части „бальзама“ татарину далеко до русскаго, такъ что пьянаго татарина встрѣтить можно очень не часто.

Всѣ татары—магометане-сунниты. Обрядная сторона ихъ исламизма заключается въ молитвѣ, постѣ, раздачѣ милостыни, совершеніи брака и пр. Съ молитвой соединено омовеніе; молиться называется „творить намазъ“. Въ общемъ татары очень религіозны; гдѣ бы ни былъ татаринъ, рано утромъ и вечеромъ, передъ закатомъ солнца, дома или на пути,—онъ будетъ съ полнымъ усердіемъ творить намазъ. Очень часто на пароходахъ можно видѣть татаръ, собравшихся вмѣстѣ, разостлавшихъ коверъ, стоящихъ на колѣняхъ лицомъ къ востоку и творящихъ намазъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на любопытные взгляды окружающихъ. Вообще строгое исполненіе обрядовъ своей религіи составляетъ гордость татарина.

Но довольно о Казани и о татарахъ! Ознакомимъ теперь читателя съ тѣмъ, что предстоитъ ему дальше въ его путешествіи по Волгѣ. Кстати небольшое замѣчаніе, касающееся казанской пристани; да не соблазнится читатель множествомъ разнаго вздорнаго товара, продаваемаго мелочными торговцами-татарами на пристани! Все это большею частію не стоитъ того, чтобы быть купленнымъ; а ужъ если на память о Казани и требуется что-нибудь купить изъ продаваемыхъ на пристани мелочей, пусть читатель помнитъ: туфли, за которыя татаринъ запроситъ 2 рубля, онъ съ большимъ восторгомъ отдастъ за полтинникъ.

Глава V.

Отъ Казани до Самары.

Легкіе пассажирскіе пароходы отходятъ изъ Казани въ большинствѣ случаевъ въ первую половину дня, и потому путешественнику остается изрядное количество часовъ на то, чтобы любоваться высокимъ правымъ берегомъ, поросшимъ лѣсомъ, въ промежуткахъ котораго то тамъ, то сямъ раскинуты села.

До самаго Богородска, иначе говоря до устья Камы, всѣ эти села занимаются хлѣбопашествомъ и разведеніемъ яблочныхъ садовъ; особенной извѣстностью, можно сказать извѣстностью на всю Россію пользуются яблоки села Антоновки. Вообще край этотъ по тѣмъ условіямъ, въ которыя онъ поставленъ, можетъ служить для жителей источникомъ истиннаго благосостоянія; и самая Волга даетъ не малые заработки, да и садоводство съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ и своей доходностью въ состояніи покрыть даже скудость урожая въ земледѣліи; сверхъ того, близость такихъ центровъ, какъ Казань и Самара, гдѣ работы всегда вдоволь и гдѣ, напримѣръ, весною требуются тысячи рабочихъ для нагрузки судовъ, все это ставитъ села, лежащія между Ка-

занью и Самарой въ очень выгодное положеніе. Одно жалко: легкость заработка и черезчуръ выгодное положеніе края создали въ крестьянствѣ слишкомъ легкое отношеніе къ заработанному рублю; конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія, но въ общемъ репутація этого района не особенно завидна; про жителей, напримѣръ, селъ Теньки и Лобышки на Волгѣ прямо говорятъ, что это первые пьяницы всего Поволжья.

Что касается лѣваго берега Волги, то неизмѣнно однообразный почти на всемъ протяженіи отъ Казани до Симбирска, покрытый мелкимъ лѣсомъ, онъ не представляетъ собой интереса для путешественника; русскія села этого берега, особенно расположенныя ближе къ Казани, также пользуются не очень завидной репутаціей; жители ихъ, отнюдь не постановленные въ невыгодныя жизненныя условія, тѣмъ не менѣе предпочитаютъ прошеніе милостыни всякому другому занятію. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ Казани встрѣчается множество нищихъ и совершенно здоровыхъ мужиковъ, просящихъ „на погорѣлое“. Все это—крестьяне выше названныхъ селъ; особенно усердны по этой части жители деревень Саламыкова и Столбищи.

Верстахъ въ пяти или шести выше устья Камы расположено село Богородскъ, изъ котораго во время весенняго разлива можно наблюдать чрезвычайно величественную картину: Волга и устье Камы представляютъ собой тогда цѣлое море воды, тѣмъ болѣе эффектное, что противоположнаго берега бываетъ почти не видно.

Мѣсто сліянія Камы съ Волгою не обозначено никакими сооруженіями, но и само по себѣ оно представляетъ интересъ съ той стороны, что Кама, вливая въ Волгу громадную массу воды, сразу увеличиваетъ и безъ того величественную рѣку чуть не вдвое. Извѣстно, что Кама, протекающая по мѣстностямъ лѣсистымъ и прохладнымъ, обильно питающаяся, многоводнѣе Волги. Отъ истока своего, въ такъ называемыхъ мѣстахъ „не столь отдаленныхъ“, до своего устья на протяженіи

1600 верстъ, Кама принимаетъ въ себя 574 притока, водная линія которыхъ превышаетъ 36,000 верстъ; такимъ образомъ бассейнъ этой рѣки въ сущности превосходитъ даже бассейнъ Волги.

Множество плотовъ и бѣлянъ, ежегодно спускаемыхъ по Камѣ въ Волгу, доказываютъ громадное значеніе Камы, какъ воднаго пути; и дѣйствительно, лѣсу не только по берегамъ Камы, но и вообще въ области ея бассейна имѣется такое изобиліе, что, несмотря на усердное лѣсоистребленіе, количество его какъ бы почти не убываетъ.

На одинъ часъ пути внизъ отъ Богородска имѣется пристань, называемая „Березовая Грива“ или „Спасскій затонъ“. Расположенная на лѣвомъ берегу Волги, пристань эта представляетъ собою естественную гавань и въ ней зимуютъ пароходы общества „Кавказъ и Меркурій“, предназначенные къ капитальному ремонту. На первый взглядъ пристань представляетъ собою нѣсколько конторокъ, расположенныхъ у пустыннаго берега, отъ котораго начинаются луга, но при взглядѣ налѣво, туда, гдѣ громадная коса образуетъ самую гавань, примѣрно въ верстѣ отъ конторокъ, вы видите поселеніе, похожее на бойкій уѣздный городокъ; это поселеніе съ механическими фабриками, какъ и самый затонъ, принадлежатъ обществу „Кавказъ и Меркурій“ и здѣсь были исполнены корпуса его большихъ пароходовъ американскаго типа. Названіе свое затонъ получилъ отъ уѣзднаго города Спасска, отстоящаго отъ пристани на двѣнадцать верстъ.

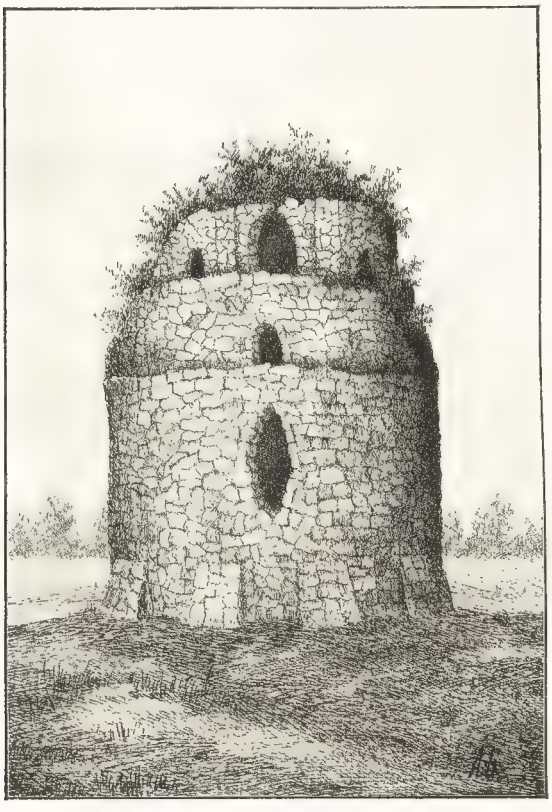
Болгарскія развалины, Малый минаретъ.

Въ 22-хъ верстахъ отъ Спасска, на почтовомъ трактѣ изъ этого города въ Тетюши, расположено село Болгары, иначе называемое Успенское. До Волги отъ Болгаръ 7 верстъ; во время половодья разстояніе это можно проѣхать на лодкѣ, лѣтомъ же въ Болгары попасть иначе нельзя, какъ высадившись въ Спасскомъ затонѣ и нанявъ тамъ лошадей въ село.

Болгары—бывшая столица Болгарскаго царства. Быстро разрушающіеся остатки древнихъ построекъ этой столицы относятся къ X—XIV вѣкамъ, преимущественно-же къ XIII столѣтію. Древній городъ былъ изрядной величины, судя по тому, что замѣтные до нынѣ слѣды рва и вала, его окружавшихъ, составляютъ окружность до 10 верстъ. Съ юга примыкаетъ къ селу, занимающій около версты въ окружности, четырехугольникъ, называющійся Малый Городокъ и представлявшій очевидно въ древнія времена крѣпость. Всѣ болгарскія развалины носятъ на себѣ характеръ арабской архитектуры, столь обыкновенной на мусульманскомъ востокѣ; по краямъ стѣнъ—большіе необдѣланные камни съ известью, а средина заполнена известью съ мелкими камнями.

Въ 1722 году Болгары посѣтилъ, по пути въ Астрахань, Петръ Великій, приказавшій списать копіи съ имѣвшихся тамъ над-

гробныхъ армянскихъ и арабскихъ надписей и перевести ихъ на русскій языкъ. Въ 1767 году посѣтила село императрица Екатерина II, а въ 1829 году здѣсь побывалъ и великій Гумбольдъ. Еще въ прошломъ столѣтіи, во время посѣщенія села академиками Палласомъ и Лепехинымъ, всѣхъ развалинъ въ Болгарахъ было 44, теперь же ихъ не наберется и десяти. Главная причина такого быстраго истребленія памятниковъ старины кроется въ томъ, что жители села Успенскаго съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, растаскиваютъ камни старыхъ построекъ для своихъ нуждъ и, сверхъ того, безпрестанно повсюду роютъ и подрываютъ памятники старины съ цѣлью отысканія кладовъ. Такимъ образомъ подъ существующую теперь въ селѣ церковь пошло не мало камней изъ древнихъ построекъ; даже въ полу церкви и съ наружной стороны церковной стѣны можно видѣть ихъ съ сохранившимися на нихъ древними надписями.



Болгарскія развалины, Черная палата.

Въ Болгары является не мало татаръ, даже изъ отдаленныхъ краевъ, съ цѣлью поклоненія здѣшней мусульманской святынѣ. Это Малый минаретъ, подъ которымъ, по преданіямъ, погребено нѣсколько мусульманскихъ святыхъ.

22-го мая 1877 года, по порученію комитета четвертаго археологическаго съѣзда, были осмотрѣны уцѣлѣвшія развалины Болгаръ проф. Шпилевскимъ и В. В. Радловымъ. И въ то время Малый минаретъ представлялъ собою лучше всего сохранившуюся древнюю постройку. Въ 1892 году производились раскопки и тогда между прочимъ раскопано было и то небольшое пространство въ формѣ четырехугольника, на которомъ до 41-го года стоялъ Большой минаретъ; раскопки эти обнаружили, на глубинѣ не больше аршина, подъ щебнемъ и насыпной землей каменный полъ, залитый цементомъ, представляющій собою четырехугольную площадку до 200 квадратныхъ саженъ размѣромъ. При этомъ были отрыты остатки стѣнъ и колоннъ какихъ-то жилыхъ помѣщеній.

Другой не вполнѣ еще разрушенный памятникъ старины есть, такъ называемая, Черная или Судная палата.

Затѣмъ сохранились до нѣкоторой степени основанія четырехъ башенъ, такъ называемаго, четырехугольника, посреди котораго по однимъ предположеніямъ была въ древнія времена мечеть, а по другимъ предположеніямъ—дворецъ. Остальныя

зданія представляютъ собою бугры, поросшіе травою. Въ 1893 году было сдѣлано сообщеніе г. Пономаревымъ въ засѣданіи Общества археологіи въ Казани о результатахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1892 года раскопокъ въ селѣ Болгарахъ. Изъ этого сообщенія между прочимъ видно, что въ числѣ другихъ было разслѣдовано и урочище, называющееся Царицыной могилой. По преданію, болгарскій ханъ такъ любилъ этотъ бугоръ, что въ немъ схоронилъ свою дочь, откуда и произошло вышеприведенное названіе; но разслѣдованіе доказало, что урочище вовсе не могила, а небольшой „городокъ", расположенный на выступѣ Верхняго Бора и глубокаго оврага.

Малый минаретъ расположенъ въ полуверстѣ къ сѣверо-востоку отъ церкви села Успенскаго. Общая высота постройки 7 саженъ; Черная-же палата находится въ полуверстѣ отъ той же церкви къ югу. Древнее назначеніе этого зданія было, какъ кажется, религіозное; вѣроятно, Черная палата была мечетью; существуетъ однако мнѣніе, что въ ней производился судъ. Названіе ея, по преданію, имѣетъ такое происхожденіе.

Когда Тамерланъ напалъ на городъ Болгары, то болгарскій ханъ Абдуллахъ съ женами и дѣтьми заперся въ Судной палатѣ. Тамерланъ приказалъ обложить ее снизу до верху бревнами, облить этотъ гигантскій костеръ смолою и зажечь. Ханъ со всѣми женами и дѣтьми сгорѣлъ, но при этомъ уцѣлѣла одна изъ дочерей его, спасшаяся чудеснымъ образомъ. Дѣвушку увидѣли сидящей въ бѣлой одеждѣ на обгорѣвшемъ сводѣ палаты и признали за святую; палата же, закопченная и почернѣвшая, прозвана была Черною палатой.

Саженяхъ въ 100 отъ Черной палаты видны остатки стѣнъ Бѣлой палаты, состоявшей когда-то изъ 10 комнатъ. Что касается фундаментовъ четырехъ башенъ, то онѣ расположены близъ самой церкви; здѣсь былъ и Большой минаретъ, рухнувшій въ 1841 году. Какъ кажется, причиной паденія было то, что его слишкомъ подрыли усердные искатели кладовъ. Что этотъ памятникъ старины представлялъ собой значительный интересъ, доказывается тѣмъ, что еще Петръ Великій приказалъ обтянуть верхушку его желѣзными обручами, чтобы предотвратить дальнѣйшее разрушеніе; но, какъ оказывается, ничто не помогло: памятникъ былъ разрушенъ, благодаря грубому непониманію мѣстнаго населенія и его алчному стремленію къ легкой наживѣ.

Въ Болгарскомъ царствѣ, находившемся въ предѣлахъ Камско-Волжскаго края, существовалъ еще другой значительный городъ Суваръ. По крайней мѣрѣ объ немъ имѣются упоминанія у арабскаго писателя Эль-Бальхи (въ X вѣкѣ); на него же даютъ указанія и болгарскія монеты, открытыя извѣстнымъ оріенталистомъ Френомъ и связанныя съ именемъ города Сувара. Никакихъ указаній на мѣстонахожденіе этого города не имѣлось до самаго недавняго времени, когда оказалось, что инородцы Спасскаго, Мамадышскаго и Чистопольскаго уѣздовъ называютъ село Кузнечиху на рѣкѣ Уткѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ, „Иски-Суваръ", что собственно обозначаетъ древній Суваръ. Поѣздка члена Казанскаго общества археологіи г. Ахмерова на мѣсто дала вполнѣ благопріятный результатъ; близъ села Кузнечихи имъ было осмотрѣно обширное городище и путемъ покупки пріобрѣтена цѣлая коллекція различныхъ болгарскихъ бытовыхъ вещей.

Ниже, на правомъ берегу Волги, путешественникъ увидитъ очень высокую гору, прорѣзанную двумя глубокими оврагами и спускающуюся къ Волгѣ крутыми обрывами. Подъ горой у самаго берега—нѣсколько хлѣбныхъ амбаровъ; на склонахъ—татарскіе домики; вершина увѣнчана церковью; по горѣ извивается длинной лентой

дорога отъ пристани и въ моментъ остановки парохода по дорогѣ этой, и прямо безъ дороги, и по крутому склону вверхъ и внизъ ползутъ какъ муравьи татары-грузчики, несущіе на спинѣ тяжелую, непосильную обыкновенному человѣку ношу. Это —Тетюши, уѣздный городъ Казанской губерніи, съ 3000 жителей. Самого города съ Волги не видать, такъ высока гора, на которой онъ расположенъ.

Основаны Тетюши татарскимъ княземъ Тетюшемъ, послѣ нашествія Тимура, и въ XVI вѣкѣ городъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Тетюшской Засѣки и былъ окруженъ рвомъ и валомъ, ограждавшими наблюдательные посты. Недалеко отъ Тетюшей, у деревни Сюкеево въ не очень давнемъ прошломъ были открыты на обширномъ пространствѣ сѣрныя залежи, которыя и разрабатывались съ довольно значительнымъ успѣхомъ въ количественномъ отношеніи, не достигая, впрочемъ, въ качественномъ отношеніи желательныхъ результатовъ.

Въ 7-ми верстахъ отъ Тетюшей, у самаго берега Волги, виднѣется небольшая деревянная часовенка. Мѣсто это называется Старыми Тетюшами, или иначе Богородицкимъ рынкомъ. Первое названіе объясняется тѣмъ, что окрестные чуваши и мордва считаютъ это мѣсто прежнимъ мѣстонахожденіемъ Тетюшей. По теперешнему виду мѣстности трудно предположить, чтобъ на узкомъ пространствѣ между рѣкою и склономъ горы могло помѣститься какое-либо поселеніе, но извѣстно, что прежнее русло Волги было на столько удалено отъ горы, что между нею и рѣкою оставалось широкое пространство, на которомъ даже существовалъ монастырь, сожженный разбойниками въ половинѣ XVII вѣка.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, на мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ часовенка, обрѣтена была чудотворная икона Казанской Божіей Матери, которая затѣмъ и была перенесена въ соборъ въ Тетюши, причемъ на мѣстѣ обрѣтенія иконы была построена часовня, гдѣ и помѣщена точная копія святыни.

Относительно названія Богородицкій рынокъ, мнѣнія расходятся. Проф. Шпилевскій выражаетъ догадку, что въ прежнее время у часовни въ извѣстный періодъ года существовалъ рынокъ, но предположеніе это едва ли можетъ быть основательно уже по самому тому, что на Волгѣ *рынками* зовутъ не торговыя мѣста, извѣстныя подъ именемъ *базаровъ*, а мысы, образуемые рѣкой. Весьма возможно, что въ прежнее время у мѣста, гдѣ стоитъ часовня, выдавался въ рѣку мысъ, смытый впослѣдствіи теченіемъ. Преданіе относительно мѣстонахожденія часовни гласитъ слѣдующее.

Въ цвѣтущія времена Болгарскаго царства нѣкій болгарскій царь ходилъ войной на русскую землю и въ числѣ богатой добычи однажды привезъ съ собой взятую въ плѣнъ русскую красавицу княжну. Царь сдѣлалъ плѣнницу своей женой и долго уговаривалъ ее перемѣнить вѣру; но и послѣ многихъ убѣжденій княжна не отказалась отъ христіанства и царь позволилъ ей исполнять нѣкоторые обряды своей религіи. И вотъ всякій разъ, съ наступленіемъ поста, царица переплывала на другую сторону Волги, именно на то мѣсто, гдѣ теперь находится описываемая часовня, и тутъ, живя въ маленькой кельѣ, постилась и молилась Богу, а по окончаніи поста возвращалась назадъ въ Болгары къ своему мужу.

Служащая водораздѣломъ между Волгой и Свіягой большая высокая гора, спускаясь къ Свіягѣ пологими скатами, въ сторону Волги представляетъ рядъ крутыхъ уступовъ. На этой горѣ расположенъ губернскій городъ Симбирскъ, лучшая часть котораго раскинута какъ разъ на вершинѣ горы и называется Вѣнцомъ. Пунктъ этотъ возвышается надъ уровнемъ Волги примѣрно на 70 саженъ; крутые скаты

горы покрыты фруктовыми садами, а подъ горой—группа деревянныхъ построекъ и пристань города, отстоящая отъ него версты на четыре, такъ какъ подъемъ въ гору идетъ зигзагами. На близкомъ разстояніи съ Волги самаго города Симбирска почти не видать, но за то издали онъ очень живописенъ. Историческое прошлое Симбирска не ахти какъ богато въ виду того, что городъ этотъ принадлежитъ къ числу юныхъ городовъ, но все же и у него есть прошлое, о которомъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Въ прежнія времена на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Симбирскъ, существовала татарская деревня того же имени. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1648 году, былъ основанъ здѣсь городъ, которому и дано названіе прежняго урочища. Подъ горою, тамъ гдѣ теперь существуетъ Успенская слобода, поселеніе было много ранѣе того; уже во время постройки города существовалъ тамъ на самомъ берегу Волги Успенскій монастырь, основатель котораго, Макарій, еще въ 1552 году просилъ Іоанна Грознаго о пожертвованіи новыхъ земель обители. Наиболѣе выдающимися событіями въ исторіи Симбирска были: осада города Стенькою Разинымъ въ 1670 году и въ слѣдующемъ году осада его Ѳедькою Шелудякомъ; образованіе Симбирской губерніи (по тогдашнему провинціи) въ 1708 году, когда городъ былъ сдѣланъ провинціальнымъ, причемъ къ нему были приписаны города Самара и Сызрань; переименованіе Симбирска въ намѣстничество въ 1780 году и переименованіе его въ губернскій городъ въ 1796 году. За неизмѣнную вѣрность, оказанную городомъ Симбирскомъ во время Пугачевскаго бунта, императрица Екатерина II пожаловала ему гербъ, остающійся до нынѣ гербомъ Симбирской губерніи (на синемъ фонѣ бѣлый столбъ съ золотой на немъ короной). Отъ этого-то герба и вошло въ обычай поначалу среди дворянъ Симбирской губерніи, а потомъ и вообще среди коренного поволжскаго дворянства подписываться—столбовой дворянинъ такой-то—обычай, исчезнувшій лишь къ половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ 1863 году Симбирскъ сдѣлался жертвой громаднаго пожара, истребившаго лучшую часть города и въ значительной степени подорвавшаго на большой промежутокъ времени его благосостояніе, такъ какъ множество помѣщиковъ, проживавшихъ до пожара въ Симбирскѣ, послѣ пожара переселились навсегда въ Казань; а съ ихъ отъѣздомъ въ значительной степени упала городская торговля и промышленность. Имѣя хорошую пристань и плодородный районъ вокругъ себя, Симбирскъ однако въ концѣ концовъ воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ и дѣятельно примкнулъ къ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства. Мѣстные дворяне изъ числа тѣхъ, что не успѣли промотать свое состояніе, усиленно занялись сельскимъ хозяйствомъ, увеличили запашки, приложили заботы о сбытѣ своихъ произведеній и оказались даже не прочь отъ фабричной и заводской промышленности. При совмѣстной дѣятельности такихъ помѣщиковъ и мѣстнаго купечества, городъ, конечно, въ концѣ концовъ оправился отъ пожара и сталъ еще красивѣе прежняго.

Конечно, сравнительно съ Нижнимъ, Казанью, Саратовымъ и даже Самарой—Симбирскъ есть бѣдный городъ, но по своей изящной внѣшности онъ—баринъ Поволжья. При своемъ небогатствѣ все же онъ щеголяетъ такимъ благоустройствомъ, такими красивыми постройками, которымъ, напримѣръ, богатая Самара можетъ не безъ основанія позавидовать. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прогуляться въ части города, называемой Вѣнцомъ, и взглянуть на находящіеся тамъ два собора. Петропавловскій спускъ, начинающійся у самой пристани и оканчивающійся на Большой Саратовской улицѣ, являетъ собою также очевидный признакъ заботъ о

благоустройствѣ. Что касается Саратовской улицы, главнѣйшей въ городѣ, то она представляетъ собой полукругъ, огибающій Вѣнецъ. Неподалеку отъ соборовъ расположены два городскихъ сада—Николаевскій и Карамзинскій, губернаторскій домъ, классическая гимназія, домъ городского общества и зданіе присутственныхъ мѣстъ. Въ центрѣ же города находится и Спасскій дѣвичій монастырь, въ храмѣ котораго хранятся чудотворныя иконы Нерукотвореннаго Спаса и Иверской Божіей Матери. Надъ обрывомъ къ Волгѣ устроенъ бульваръ, съ котораго открывается дивная панорама на красавицу-рѣку и заволжскія дали. Памятникъ Карамзину, находящійся въ центрѣ города, сооруженъ въ 1844 году на средства симбирскаго дворянства. Онъ состоитъ изъ гранитнаго постамента, на которомъ возвышается бронзовая статуя музы исторіи; на лицевой сторонѣ пьедестала, въ круглой нишѣ, помѣщается бюстъ Карамзина, а подъ нимъ надпись: „Н. М. Карамзину—историку Россійскаго государства повелѣніемъ Императора Николая I“. Высота памятника $4^1/_2$ сажени. Въ боковыя стороны пьедестала его врѣзаны два бронзовые барельефа: одинъ изображаетъ чтеніе Карамзинымъ исторіи императору Александру I-му, а другой—врученіе умирающему Карамзину рескрипта императора Николая I-го. Исполненіе памятника было поручено скульптору Гольберу, но за его смертію части исполнены его учениками: статуя музы Ставинеромъ вмѣстѣ съ Ивановымъ, бюстъ историка и одинъ изъ барельефовъ Рамазановымъ, а другой барельефъ Кимиченко; отлилъ памятникъ баронъ П. А. Клодтъ.

Памятникъ Н. М. Карамзину.

Въ Симбирскѣ кромѣ Карамзина прожили свои молодые годы писатели: Дмитріевъ, Гончаровъ и Минаевъ; послѣдній и умеръ въ своемъ родномъ городѣ въ 1888 году.

Изъ храмовъ Симбирска назовемъ сооруженный въ 1812 году Николаевскій каѳедральный соборъ (зимній), Троицкій каѳедральный соборъ (лѣтній), воздвигнутый въ память Отечественной войны 12-го года, Вознесенскій соборъ, выстроенный въ прошломъ столѣтіи, Спасскій дѣвичій монастырь, построенный одновременно съ городомъ и обнесенный каменной стѣной съ четырьмя башнями старинной оригинальной архитектуры, Воскресенскую (Германовскую) церковь, выстроенную въ XVIII вѣкѣ, Владиміровскую церковь (Ильи Пророка), построенную въ началѣ XVIII вѣка, и Успенскую единовѣрческую церковь—самую старинную въ городѣ.

Окрестности Симбирска очень красивы, изъ нихъ отмѣтимъ, находящуюся въ 3—4 верстахъ, деревню Киндяковку съ заброшенной барской усадьбой на обрывѣ, нависшемъ надъ Волгой. Существуетъ мнѣніе, что это именно тотъ самый „обрывъ“, который фигурируетъ въ знаменитомъ романѣ Гончарова, чему повѣрить тѣмъ болѣе не трудно, что писатель много разъ бывалъ здѣсь и, конечно, не могъ оставаться рав-

Фототипография С. В. Калиженко в Киеве

СИМБИРСКЪ.

нодушнымъ къ поэтическому характеру этой мѣстности; во всякомъ случаѣ написанное имъ относительно обрыва въ его романѣ весьма подходитъ къ дѣйствительности, имѣющейся въ Киндяковкѣ.

Разставаясь съ Симбирскомъ, мы не можемъ не сказать, что изящная наружность зданій, окружающихъ Вѣнецъ, сравнительно хорошіе тротуары, миленькіе садики, видъ съ горы на волжскую панораму,—все это производитъ крайне пріятное впечатлѣніе, все напоминаетъ, что въ былое время Симбирскъ былъ „дворянскимъ гнѣздомъ“, милымъ уголкомъ, въ которомъ жилось людямъ весело и пріятно. Въ теперешнее время жить въ Симбирскѣ было-бы не весело, такъ какъ жизнь его имѣетъ до нѣкоторой степени сонный характеръ. 40-тысячное населеніе города собственно только разъ въ году совершенно просыпается на время Сборной ярмарки, которая ко второй половинѣ нынѣшняго столѣтія развилась на столько, что стала имѣть весьма серьезное значеніе и обороты ея простираются до 15 милліон. руб. Названіе *Сборной* произошло отъ того, что ярмарка открывалась на первой недѣлѣ Великаго поста послѣ сборнаго воскресенья.

57 верстъ ниже Симбирска, на правомъ берегу Волги, расположенъ маленькій уѣздный городъ Сенгилей (4000 жителей). Самъ городъ болѣе чѣмъ скроменъ; только зданіе присутственныхъ мѣстъ да пожарная каланча даютъ понятіе о томъ, что небольшое скопище построекъ, именуемое Сенгилеемъ, есть городъ, а не деревня. Но у самаго берега здѣсь много хлѣбныхъ амбаровъ, принадлежащихъ иногороднимъ самарскимъ и симбирскимъ купцамъ, которые, скупая хлѣбъ въ городѣ и его окрестностяхъ, съ открытіемъ навигаціи отправляютъ его въ Рыбинскъ; хлѣбъ этотъ перемалывается здѣсь же водяными мельницами, расположенными на рѣчкахъ Сенгилейкѣ и Тушкинкѣ. Сенгилей оживляется только въ началѣ навигаціи, когда происходитъ нагрузка хлѣба и начинается всякая суета среди мѣстнаго населенія по части пріисканія себѣ мѣстъ приказчиковъ, конторщиковъ и т. п. должностей по торговымъ дѣламъ; но къ окончанію навигаціи обычная жизнь вступаетъ въ свои права и Сенгилей снова обращается въ невѣроятно глухое сонное захолустье.

Ниже Сенгилея, на правомъ же берегу Волги, расположено, имѣющее пристань, богатое село Новодѣвичье. Населеніе его (до 1500 душъ)—народъ зажиточный и торговый; торгуетъ Новодѣвичье лѣсомъ (исключительно дровянымъ), яйцами, которыхъ отправляется отсюда не одинъ милліонъ, и ведетъ сверхъ того обширную хлѣбную торговлю. Что касается лѣса, то главная выгода этого дѣла состоитъ въ томъ, что лѣсъ крестьяне покупаютъ на корню, непосредственно отъ Удѣльнаго вѣдомства, минуя всякихъ кулаковъ и скупщиковъ, почему и пользуются прибылью отъ 15 до 20%, а то и болѣе. Землепашествомъ жители Новодѣвичья занимаются также весьма охотно; наряду съ окрестными селеніями Новодѣвичье и по этой части имѣетъ важное подспорье въ Удѣльномъ вѣдомствѣ, всячески избѣгающемъ кулаковъ и сдающемъ удѣльныя земли въ аренду крестьянамъ по самой дешевой цѣнѣ. Благосостояніе Новодѣвичья настолько велико, что ярмарка, бывающая въ немъ 8-го іюля, постоянно отличается бойкостію торговли.

Нѣсколько ниже Новодѣвичья расположенъ на лѣвомъ берегу Волги уѣздный городъ Ставрополь, въ исторіи происхожденія котораго имѣется весьма оригинальная черта, что городъ этотъ возникъ прямо таки вслѣдствіе различныхъ рапортовъ, донесеній, отзывовъ, такъ сказать, во исполненіе предписаній гораздо болѣе, чѣмъ во имя дѣйствительной надобности; случилось это, разумѣется, въ тѣ блаженныя времена, когда было достаточно какому-нибудь предсѣдателю коллегіи дойти своимъ

умомъ до убѣжденія въ необходимости постройки новаго *присутственнаго города* въ томъ или другомъ мѣстѣ—и городъ этотъ возникалъ.

Дѣло произошло такъ: внукъ калмыцкаго хана Аюки принялъ святое крещеніе подъ именемъ князя Петра Тайшина. Обиженный родственниками при раздѣлѣ наслѣдства, Петръ Тайшинъ въ 1736 году прибылъ въ Петербургъ и началъ тамъ хлопотать о возвращеніи отнятаго у него родственниками улуса и кстати о томъ, чтобъ ему отдали всѣхъ крещеныхъ калмыковъ и позволили въ пригодномъ для того мѣстѣ построить имъ городъ. Просьба эта поступила на разсмотрѣніе Румянцева, немедленно признавшаго изъ Петербурга, что самое удобное мѣсто для водворенія калмыковъ въ городской жизни будетъ на рѣкѣ Икъ—притокѣ Сакмары, нѣсколько восточнѣе Оренбурга. Исполненіе этого дѣла было возложено на статскаго совѣтника Кириллова, тоже петербургскаго чиновника. Послѣдній, прежде чѣмъ водворить калмыковъ на рѣкѣ Икъ, „усмотрѣлъ“, что поселить ихъ надо не тамъ, а по рѣкѣ Току, о чемъ и подалъ „особое мнѣніе“. Коллегія иностранныхъ дѣлъ согласилась съ мнѣніемъ Кириллова и разрѣшила ему осуществить водвореніе калмыковъ по рѣкѣ Току. Затѣмъ дѣло перешло изъ области канцелярскихъ разсужденій въ область дѣйствительности и новый начальникъ Оренбургскаго края Татищевъ нашелъ съ своей стороны, что водворять калмыковъ нужно не на рѣкѣ Икъ и не по рѣкѣ Току, а прямо таки въ степи, между Волгою, Черемшаномъ и Сокомъ, причемъ городъ для нихъ построить на волжскомъ протокѣ, называемомъ Куньею Воложкою, гдѣ до того времени ютились воровскія шайки. Если читатель взглянетъ на карту, то онъ убѣдится, какъ огромны разстоянія между тремя пунктами, назначенными для водворенія однихъ и тѣхъ-же калмыковъ тремя разными администраторами и какъ велика разница условій этихъ трехъ мѣстностей.

Какъ бы то ни было, но построеніе калмыцкаго города совершилось въ 1738 году на мѣстѣ, избранномъ для того Татищевымъ. Такъ какъ одною изъ цѣлей его основанія было распространеніе христіанства среди калмыковъ, то городу было дано имя „Ставрополь“, т. е. „городъ святого креста“. Татищевъ предлагалъ даже назвать его „Просвѣщеніе“—недурное названіе для захолустнаго городишки, въ который суждено было обратиться Ставрополю.

Вновь построенный городъ изъ всѣхъ силъ старались сдѣлать калмыцкой столицей; ради этой цѣли было заведено нѣсколько канцелярій, учреждено множество разныхъ должностей, учреждено калмыцкое войско; вѣроятно того-же ради между знатнѣйшими калмыками и кстати между мѣстными чиновниками были раздѣлены огромные участки казенныхъ земель и лѣсовъ верстъ на 100 вокругъ Ставрополя; далѣе казна ассигновала значительныя суммы на постройки. Словомъ, сдѣлано было все, что по тогдашнему времени чиновный Петербургъ считалъ необходимымъ въ данномъ случаѣ. Въ результатѣ ровно черезъ 100 лѣтъ, прошедшихъ въ разныхъ дорого стоющихъ мѣропріятіяхъ, императоръ Николай I убѣдился, что всѣ эти мѣропріятія есть только безполезный расходъ; комендантская и калмыцкая канцеляріи были закрыты, а калмыцкое войско переведено на оренбургскую пограничную линію. Созданный совершенно искусственно городъ, какъ и слѣдовало того ожидать, обратился въ ничтожество. Конечно, въ настоящее время о калмыкахъ въ Ставрополѣ нѣтъ и помину. Единственное воспоминаніе о нихъ—большой песчаный островъ, отдѣлающій Ставрополь отъ Волги и называемый калмыцкимъ. Торговое значеніе Ставрополя состоитъ лишь въ томъ, что этотъ захудалый городокъ занимается отпускомъ хлѣба въ незначительномъ количествѣ. Въ половодье пароходы подходятъ

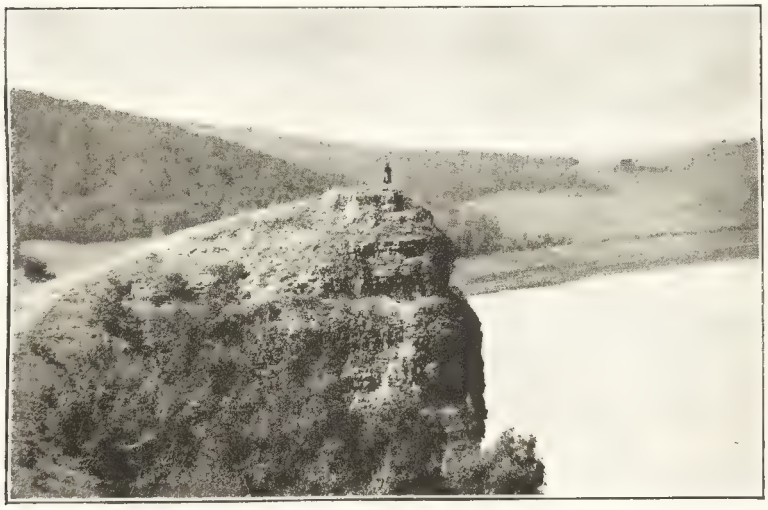
по Волжку къ самому городу. Въ числѣ другихъ мѣстъ, куда ѣздятъ лѣчиться кумысомъ, можно, пожалуй, назвать и Ставрополь; тамъ тоже есть нѣкоторымъ образомъ „курортъ“, такъ или иначе посѣщаемый публикой, жаждущей подкрѣпленія кумысомъ. Нечего и говорить о томъ, что на зиму совершенно исчезаетъ въ городѣ всякое оживленіе, и Ставрополь обращается въ совершенно мертвое царство.

Немного выше Ставрополя, недалеко отъ села Усолья, тамъ, гдѣ Волга поворачиваетъ влѣво, начиная образовывать, такъ называемую, Самарскую луку, на правомъ берегу возвышается бугоръ, извѣстный подъ именемъ Караульнаго бугра; именно отсюда начинаются знаменитыя на всю Волгу и извѣстныя далеко за ея предѣлами Жегулевскія горы, въ общежитіи называемыя просто „Жегули“.

Относительно этого названія существуютъ два мнѣнія: одни принимаютъ его, какъ сказано выше, въ видѣ „Жегули“, другіе же называютъ горы—„Жигулями“. Мы будемъ придерживаться перваго правописанія, такъ какъ находимъ, что происхожденіе названія Жегулей всего правдоподобнѣе въ томъ видѣ, какъ разъясняютъ его г. Монастырскій и отчасти г. Демьяновъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ блаженныя времена, въ которыя сложилась извѣстная пѣсня:

Волга-рѣченька бурлива, говорятъ,
Подъ Самарою разбойнички шалитъ...

„Разбойнички“ дѣйствительно сильнѣе всего „шалили“ именно въ районѣ Жегулей.



Гора Лейшка, недалеко отъ Самары.

Говорятъ, что попадавшихъ въ ихъ руки проѣзжающихъ разбойники поджаривали, допытываясь у нихъ денегъ, причемъ расправу эту устраивали такъ: жертву раздѣвали до нага и сѣкли зажженными вѣниками до тѣхъ поръ, пока не могли добиться отъ нея, гдѣ спрятаны деньги и всякое добро; операція эта называлась „жечь на вѣникахъ“. Весьма естественно послѣ этого признавать названіе мѣстности въ видѣ „Жегулей“ отъ слова „жечь“, вопреки существующему въ Самарѣ и ближайшемъ районѣ обыкновенію признавать его въ видѣ „Жигулей“.

„Жегули“, говоритъ г. Демьяновъ, „художественная слава Волги. Истинный

волгарь преклоняется предъ Жегулями, какъ индусъ предъ Гималаями". И дѣйствительно, эта часть Волги поразительно красива! Мы не ошибемся, сказавъ, что на всемъ протяженіи великой рѣки нѣтъ мѣстности живописнѣе Жегулевскихъ горъ. Тянутся онѣ по обѣимъ сторонамъ Волги на протяженіи около 90 верстъ. Глядя на нихъ съ парохода, вы видите самую причудливую и притомъ безъ всякихъ искусственныхъ прикрасъ красоту природы. Здѣсь нѣтъ ничего подчищеннаго, подстриженнаго, приглаженнаго; все естественно и все красиво въ своей естественности. Съ причудливыми и самыми разнообразными очертаніями группируются здѣсь живописные холмы; въ однихъ мѣстахъ вы видите словно башни и замки или, коли хотите, руины башенъ и замковъ, которыя высятся надъ сосѣдними вершинами; въ другихъ мѣстахъ выступаетъ рядъ грандіозныхъ террасъ; а вотъ передъ вами высятся такіе обрывы у самаго берега Волги, что вы съ парохода, идущаго на поря; дочномъ отъ нихъ разстояніи, измѣряете ихъ высоту невольно закидывая наверхъ голову. Въ обрывахъ кое-гдѣ чернѣются пещеры; онѣ глубоки и длинны, но вырыты онѣ не руками человѣка, а созданы самой природой. Кое-гдѣ горная цѣпь прерывается узкими долинами, называемыми „буераками". Тамъ то, въ этихъ буеракахъ, въ этихъ глубокихъ пещерахъ, находила себѣ пріютъ поволжская вольница и вообще всѣ тѣ, кому тяжко жилось въ родныхъ селахъ и городахъ.

Жегули, Молодецкій камень.

Съ Караульнаго бугра, которымъ, какъ мы сказали выше, начинаются Жегули, отстоящаго отъ фарватера Волги верстъ почти на 5 и имѣющаго болѣе 100 саженъ высоты, видѣнъ Симбирскъ и вообще вся мѣстность верстъ на 100 въ каждую сторону. Въ былыя времена именно отсюда наблюдали за движеніемъ татаръ, имѣвшихъ укрѣпленный пунктъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится деревня Александровка на Самарской лукѣ. Не менѣе красивая и интересная горная масса выдвинулась въ Волгу у впаденія рѣки Усы, противъ Ставрополя; высшая точка ея называется „Молодецкимъ камнемъ"; здѣсь когда-то было на вершинѣ укрѣпленіе.

Съ востока эта горная масса отдѣляется отъ сосѣднихъ холмовъ глубокимъ ущельемъ, называемымъ „Жегулевской трубой". Еще ниже, по теченію Волги, ту-

риста поразитъ долина, извѣстная подъ именемъ „Морквашинскаго буерака“; здѣсь, въ уютной низинѣ, пріютился старинный поселокъ Морквашн, а съ двухъ сторонъ близъ него высятся цѣпи возвышенностей, изъ которыхъ одна—обрывистая—отличается чрезвычайно своеобразными очертаніями. Между Жегулевской трубой и Морквашинскимъ буеракомъ, на утесистомъ берегу, вздымаются вверхъ нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ; изъ нихъ отмѣтимъ „Дѣвичій курганъ“ и „Два брата“; каждая изъ нихъ возвышается надъ уровнемъ Волги на сто слишкомъ саженъ. Далѣе, близъ Морквашей, поднимается отдѣльнымъ утесомъ помянутая уже возвышенность, щеголяющая оригинальными очертаніями: это—отдѣльный утесъ, называемый „Лысою горою“; вершина его, нависшая надъ Волгою обрывомъ, лежитъ на 125 саженъ высоты надъ уровнемъ рѣки. Существуетъ преданіе, что на Лысую гору всходилъ Петръ Великій, который и надписалъ тамъ на камнѣ „1720 г.“ Надписи этой теперь нѣтъ и слѣда, такъ какъ туристы поодбивали ее по кусочкамъ и растащили на память.

За Лысой горой на востокъ, до самаго „Ширяева буерака“ тянется почти необитаемый утесистый берегъ, тамъ и сямъ прорѣзанный глубокими ущельями. А

Дѣвья гора.

еще далѣе, уже напротивъ „Царева кургана“, лежащаго ниже, и о которомъ рѣчь будетъ въ концѣ настоящей главы, Жегули поворачиваютъ на югъ и затѣмъ на западъ.

Жизни въ горахъ сравнительно мало; на всемъ 90-верстномъ протяженіи имѣются какіе-нибудь четыре-пять поселковъ, которые, конечно, не въ состояніи оживить величественную и нѣсколько суровую красоту Жегулей. Да въ сущности и селиться то здѣсь было бы не легко: горы такъ круто обрываются къ Волгѣ, что только кое-гдѣ выдается внизу узкая береговая полоса, да и та, разумѣется, заливается въ половодье водой. На западной сторонѣ луки протекаетъ рѣчка Уса; у села Переволоки она очень близко подходитъ къ Волгѣ, отъ которой отдѣляется всего трехверстнымъ пространствомъ; въ этомъ то мѣстѣ, во время оно, разбойники переволакивали свои

ладьи съ Волги на Усу (отсюда названіе села), а на противоположномъ концѣ луки снова спускали ихъ въ Волгу; такимъ образомъ Самара оставалась въ сторонѣ, но купеческія суда, благополучно миновавшія Переволоку и Самару, подвергались неожиданному нападенію разбойниковъ уже близъ Ставрополя.

Интересныя своей картинностью, Жегули замѣчательны и въ историческомъ отношеніи. Если принять во вниманіе, что въ прежнія времена здѣшніе лѣса были непроходимы, дорогъ здѣсь не существовало, населеніе сплошь состояло изъ разбойниковъ и бродягъ, то станетъ ясно, почему Жегули въ прежнія времена внушали такъ много страха и почему о нихъ сложилось такъ много удивительныхъ легендъ и разсказовъ. Сама природа, создавая Жегули, словно задалась намѣреніемъ создать именно первоклассное разбойничье гнѣздо. Начиная съ XVI вѣка, на всемъ протяженіи Волги не было мѣста страшнѣе Жегулей.

Всѣ наиболѣе выдающіеся атаманы волжскихъ разбойниковъ побывали въ Жегуляхъ. Здѣсь каждый бугоръ, каждое ущелье, каждая пещера, связаны по воспоминаніямъ съ именами такихъ героевъ, какъ Стенька Разинъ, Ѳедька Шелудякъ, Заметаевъ, Булавинъ и другіе. Разгуливалъ здѣсь въ свое время и покоритель Сибири Ермакъ Тимоѳеевичъ; побывалъ и сподвижникъ его Иванъ Кольцо; даже понынѣ существуютъ двѣ деревни, изъ которыхъ одна называется Ермаково, а другая Кольцовка.

Жегули были по истинѣ обѣтованной землей для разбойниковъ: съ одной стороны рѣка Уса служила прекраснымъ путемъ и средствомъ для переволакиванія лодокъ и внезапнаго появленія тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидали; съ другой стороны вершины Жегулей представляли собой прекрасные пункты для обзора окрестностей на большое разстояніе. Всегда было возможно устроить незамѣтный для глазъ сторожевой постъ, съ котораго виднѣлись идущія вдали суда; стоило лишь спуститься съ возвышенности, спрятаться въ густой поросли низины, отвязать тамъ свои ладьи и поджидать появленія медленно ползущей барки, которую тянули бичевой измученные бурлаки. Раздавался столь извѣстный на Волгѣ крикъ „сарынь на кичку“ и дѣйствіе его имѣло въ себѣ что-то магическое; на берегу моментально ложились бурлаки на землю, а на суднѣ, на носовой части его, моментально ложились на палубу судорабочіе. Среди мертвой тишины хозяинъ судна вручалъ деньги старшему рабочему для передачи разбойникамъ, а самъ спускался въ каюту и со страха отбивалъ тамъ земные поклоны передъ образомъ. Совершенно покойно, внѣ всякой мысли о какомъ бы то ни было сопротивленіи, разбойники собирались на палубу, получали деньги отъ старшаго рабочаго и брали вообще то, что имъ понравилось; при этомъ хозяинъ обрѣтался по прежнему въ каютѣ, а судорабочіе неподвижно лежали на палубѣ: извѣстно было, что стоило кому-либо пошевелиться, чтобъ быть убитымъ, и что сопротивленіе влекло за собой поголовное избіеніе всѣхъ, разграбленіе всего добра и потопленіе судна.

Судорабочіе, конечно, всегда симпатизировали гораздо болѣе разбойникамъ, чѣмъ своимъ хозяевамъ, а что касается бурлаковъ, то они весьма часто дѣйствовали прямо таки за одно съ разбойниками, бывшими ихъ вѣрными заступниками во многихъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что если бурлаки бывали обсчитаны, или вообще обижены судохозяиномъ, то жаловаться они шли не къ рѣчной администраціи и вообще не къ мѣстнымъ властямъ, а къ разбойникамъ; у послѣднихъ они находили болѣе симпатичный имъ судъ надъ хозяиномъ-обидчикомъ; въ обыкновенныхъ судахъ имъ предстояла бы обычная въ тѣ времена волокита; и сильный богатый хозяинъ всегда

тамъ выходилъ сухъ изъ воды, а судъ жегулевскихъ молодцовъ былъ кратокъ и удобенъ для бурлаковъ: виновнаго судохозяина, или приказчика, если не убивали, то по малой мѣрѣ драли на палубѣ жесточайшимъ образомъ при хохотѣ бурлаковъ-жалобщиковъ.

Очень многіе судохозяева, желая задобрить своихъ рабочихъ и бурлаковъ заблаговременно, еще задолго до Жегулей начинали щедро угощать ихъ водкой и кормить до отвала; всякій зналъ, что малѣйшая жалоба бурлаковъ, принесенная жегулевскимъ молодцамъ, можетъ принести весьма печальные для него результаты, а поэтому иной судохозяинъ, бывшій истиннымъ аспидомъ на всемъ протяженіи нижняго плесса, дѣлался отцомъ и благодѣтелемъ своихъ рабочихъ уже верстъ за 200 до Жегулей. Если случалось на пути, что съ ползущаго по Волгѣ судна виднѣлось, какъ грабили другое судно, остановленное разбойниками, ни о какомъ поданіи помощи не могло быть рѣчи; этого не сдѣлалъ бы ни одинъ судохозяинъ со страха (всякому своя рубашка ближе къ тѣлу) и не допустили-бы никакіе судорабочіе и бурлаки; всякій въ этихъ случаяхъ разсуждалъ такъ: „его грабятъ, а мнѣ то что-жъ изъ того? Лишь-бы мнѣ-то проскользнуть какъ-нибудь!“

Крестьянство, заселявшее Самарскую луку, относилось къ разбойникамъ частію безразлично, а въ большинствѣ случаевъ сочувственно. Въ общемъ все оно поголовно боялось гнѣва жегулевскихъ удальцовъ, гнѣва, могшаго всегда пустить на вѣтеръ и дома, и все имущество крестьянъ. Поэтому, когда правительство принимало энергичныя мѣры для искорененія разбоевъ и обѣщало большія денежныя награды за поимку разбойниковъ, отъ мѣстныхъ крестьянъ оно почти не видѣло помощи. Оно и понятно! Какая выгода была бы крестьянамъ той или другой деревни, хотя бы за большую награду, выдать правительству мирно разгуливавшихъ по деревнѣ разбойниковъ, если всякій крестьянинъ зналъ навѣрное, что никакое начальство не спасетъ затѣмъ деревни отъ совершеннаго сожженія ея до тла. Всякій зналъ, что за выданными и пойманными десятью разбойниками стояла сотня разгуливающихъ на свободѣ молодцовъ, способныхъ отмстить за своихъ товарищей. Весьма естественно поэтому, что властямъ приходилось считаться и вѣдаться съ разбойниками единственно только при посредствѣ посланныхъ противъ нихъ отрядовъ; между этими отрядами и жегулевской вольницей происходили порой цѣлыя сраженія, далеко не всегда оканчивавшіяся въ пользу правительственныхъ солдатъ.

Такъ шло дѣло до начала нынѣшняго столѣтія. Указомъ 21 октября 1829 года былъ сформированъ полубаталіонъ военно-рабочей команды; этому полубатальону, преобразованному черезъ 9 лѣтъ въ гаршкоутный экипажъ, была поручена охрана судовъ, плавающихъ по Волгѣ. Экипажъ состоялъ изъ 300 человѣкъ, дѣлился на 3 эскадры, располагалъ 28 шлюпками, вооруженными пушками, и состоялъ въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія.

Но, увы, цѣли своего назначенія экипажъ достигалъ очень мало, „непорядковъ“ же отъ него возникло очень много; въ концѣ концовъ экипажъ сдѣлался въ глазахъ судохозяевъ гораздо страшнѣе разбойниковъ; послѣдніе брали только дань и, получивъ ее, оставляли человѣка въ покоѣ, а экипажъ тоже бралъ дань, отъ разбойниковъ защитить не могъ и не оставлялъ въ покоѣ судохозяина, постоянно требуя отъ него паспортовъ всѣхъ рабочихъ и бурлаковъ. Весьма естественно, что предъявить такіе паспорта было тѣмъ болѣе невозможно, что въ большинствѣ случаевъ ихъ не оказывалось въ природѣ, такъ какъ большинство бурлаковъ и рабочихъ набиралось изъ бездомныхъ бродягъ и разной невѣдомой, безпаспортной го-

лытьбы. Между тѣмъ, разъ что судохозяинъ не предъявилъ всѣхъ требуемыхъ паспортовъ, начиналось невѣроятное взяточничество, тасканье по судамъ, перевѣдыванье съ полиціей и прочее.

Очень часто экипажъ, разгуливая мимо Жегулей подъ предлогомъ охраны плывущихъ судовъ, высаживался гдѣ-нибудь по близости поселенія и добирался до ближайшаго кабака; тамъ начиналось невѣроятное пьянство, самый безобразный разгулъ, и нерѣдко бывало такъ, что пьяная команда, водворившись на своихъ шлюпкахъ въ состаяніи, граничащемъ съ безпамятствомъ, начинала ни съ того, ни съ сего палить изъ пушекъ, отнюдь не соображая въ кого и чего ради направляется эта пальба.

Сухопутная земская полиція во всѣхъ отношеніяхъ была полезнѣе для дѣла и дѣйствовала противъ разбойниковъ много успѣшнѣе. Она устраивала на нихъ цѣлыя облавы и весьма часто достигала такихъ результатовъ, о которыхъ и не снилось гаршкоутному экипажу. Собственно прекращеніе разбоевъ у Жегулей началось съ развитіемъ пароходства, т. е. примѣрно съ 1845 года; но, однако, въ 1847 году было еще ограблено 9 судовъ. Конечно, и это было *ничто*, но въ сравненіи съ прежнимъ, оно было совершенное *ничто*. Годъ спустя удалось разорить самыя гнѣзда разбойниковъ и тогда наступила такая тишина, что за цѣлый навигаціонный періодъ не было ни одного случая ограбленія судовъ, „чему“, какъ говорится въ оффиціальномъ отчетѣ за этотъ годъ, „дотолѣ не было примѣра“. Разбойничьи шайки были искоренены, а разбѣжавшіеся одиночки-разбойники выродились въ мелкихъ воровъ и бѣглыхъ безпаспортныхъ бродягъ. Мѣстное крестьянство, мирволившее въ прежнее время разбойничьимъ шайкамъ, отнюдь не было склонно мирволить отдѣльнымъ ворамъ и бродягамъ; достигшее къ половинѣ нынѣшняго столѣтія значительнаго благосостоянія, оно тѣмъ болѣе охотно принимало дѣятельное участіе въ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ. Со времени уничтоженія крѣпостного права и самому контингенту бѣглыхъ уже некѣмъ было пополняться, и потому жегулевскіе разбои и грабежи отошли въ это время въ область преданій и плыть хотя бы одному въ лодкѣ вдоль Жегулей въ настоящее время такъ же безопасно, какъ учинить большую прогулку solo по Жегулевскимъ лѣсамъ.

Что касается минеральныхъ богатствъ Жегулей, описанныхъ Палласомъ во время его путешествія по Самарской лукѣ въ 1769 году, то они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ горнаго известняка; кромѣ того, въ горахъ много сѣры и соленыхъ ключей. Въ прошломъ столѣтіи между деревнями Ширяевой и Подгорной даже существовалъ сѣрный заводъ, вырабатывавшій ежегодно свыше 400 пудовъ чистой сѣры. До сего времени въ Жегуляхъ бываютъ случаи золотоискательства, которые, впрочемъ, всегда остаются безплодными; поводомъ къ нимъ служитъ находимый въ горахъ колчеданъ, по внѣшнему виду смахивающій на золото, хотя ничего общаго съ нимъ не имѣющій. Въ настоящее время многіе поселки Жегулей промышляютъ обжиганьемъ извести, направляемой въ значительномъ количествѣ въ Самару, Саратовъ и другіе низовые города; особенно много добывается ея въ Ширяевскомъ буеракѣ и въ Морквашахъ.

Жегулевскіе лѣса представляютъ собою также значительныя богатства. Стройно и величественно раскинулись они по вершинамъ и оврагамъ Жегулей, захвативъ огромныя пространства. Въ лѣсахъ этихъ встрѣчаются всевозможныя породы деревьевъ: вы видите тамъ и вѣковые дубы, и густыя грандіозныя липы, и сосны, украшающія отвѣсныя скалы и террассы; въ изобиліи встрѣчаете вы кленъ и осину;

Фотохимитрофія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

ЖИГУЛИ.

ближе къ берегу раскидистыя ветлы и ольхи шумятъ своими широкими кронами; тамъ-же встрѣчается и высокій вязъ, а въ самомъ низу различныя кустарныя поросли переплелись такъ, что сквозь нихъ почти не продерешься.

Пріятно прогуляться въ лѣтнее время по Жегулевскому лѣсу въ прохладной тѣни его густой листвы. Хорошо полюбоваться съ вершины дикихъ Жегулевскихъ скалъ роскошными широкими видами на Волгу; дали раскинуты тамъ передъ вами на необозримое пространство. Съ большимъ интересомъ можно поохотиться на Жегуляхъ по тамошнимъ лѣсамъ и оврагамъ на постоянныхъ обитателей этихъ лѣсовъ: бураго медвѣдя стервятника, волка, лисицу и зайца. У самыхъ береговъ великой рѣки можно успѣшно осуществить охоту другого вида: тамъ въ камышахъ и затонахъ живутъ громадныя стада дикихъ утокъ и бекасовъ.

Въ виду того, что мы съ читателемъ въ нашемъ слѣдованіи по Волгѣ отъ Нижняго достигли Самары и того, что во всѣхъ прослѣдованныхъ нами губерніяхъ, а частью и сосѣднихъ съ ними, самый многочисленный контингентъ инородческаго населенія составляетъ мордва, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ племени.

Мордва въ сущности принадлежитъ къ Чудскому, или Финскому племени и подъ общимъ этимъ наименованіемъ разумѣется цѣлая группа племенъ, изъ коихъ главнѣйшія Эрзя и Мокша. Эрзя—болѣе многочисленно, сосредоточено все въ южной части нижегородской и сѣверо-восточной части Симбирской губерній; Мокша—племя чрезвычайно разбросанное по всѣмъ тѣмъ губерніямъ, гдѣ встрѣчается мордва; въ VIII и IX вѣкѣ оно было извѣстно подъ именемъ Буртасовъ.

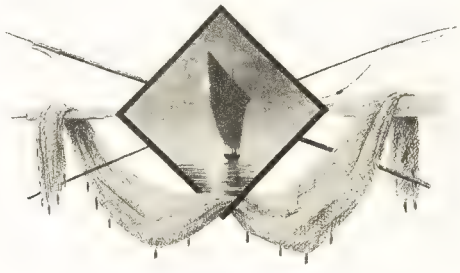
Послѣ покоренія Казани и Астрахани, русскія власти обратили особенное вниманіе на мордву; племя это болѣе смирное, оказавшее не мало склонности къ принятію христіанства, естественно вызывало стремленіе распространить среди него христіанскую религію. Понятно поэтому, что и администрація и миссіонеры усердно дѣйствовали именно въ этомъ направленіи. При патріархѣ Никонѣ, который самъ былъ сыномъ крестьянина-мордвина, мѣры къ обращенію мордвы въ христіанство достигли небывалой энергіи. Конечно, все это способствовало до извѣстной степени къ обрусенію мордовскаго племени, но еще болѣе дѣйствительной оказалась мѣра, предпринятая въ XVII столѣтіи, когда подъ разными предлогами начали селить русскихъ среди мордовскихъ селъ, а мордву среди русскихъ. Въ такой совмѣстной жизни естественный перевѣсъ оказался на сторонѣ болѣе сильнаго племени; мордва мало-по-малу сжилась съ русскими и, забывая понемногу свой родной языкъ, наводняла его русскими словами. Этотъ способъ обрусенія привелъ къ тому, что даже та часть мордвы, которая осталась вѣрна язычеству, начала мѣшать въ свою религію имена православныхъ святыхъ и въ свои молитвы и религіозные обряды—массу русскихъ словъ. Теперь большая часть мордовскаго населенія говоритъ въ сущности не по мордовски съ примѣсью русскихъ словъ, а, напротивъ того, испорченнымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью словъ мордовскихъ. Мордва—всѣ православные, но древніе языческіе обычаи сохранились среди нея въ значительной степени; такъ, напримѣръ, до сихъ поръ мордва празднуетъ Келу-Модя, что у нихъ замѣняетъ русскій семикъ; мордовская коляда такова же, какъ и у русскихъ. Г. Мельниковъ находитъ по этому поводу, что вообще древнія мордовскія вѣрованія вѣроятно имѣли большое сходство съ древними языческими вѣрованіями русскихъ славянъ; быть можетъ даже, что и у тѣхъ, и у другихъ языческія вѣрованія были тождественны, но у русскихъ, принявшихъ христіанство 9 вѣковъ тому назадъ, вѣрованія эти со-

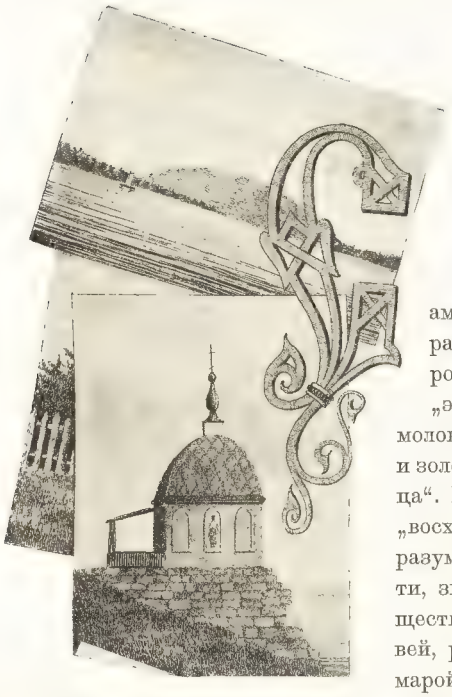
вершенно забыты, хотя все-же нѣкоторыя воспоминанія о нихъ сохранились въ разныхъ обрядахъ, мордва-же, обращенная въ христіанство сравнительно недавно, нѣсколько свѣжѣе помнитъ свою старую вѣру.

Немного не доѣзжая Самары, на низменной плоскости луговой стороны, возвышается весьма оригинальный курганъ, называемый „Царевъ курганъ“, расположенная по сѣверную его сторону деревня, называется „Царевщина“. Форма кургана, виднаго очень издалека, весьма оригинальна: она представляетъ собою сферическій сегментъ и притомъ настолько правильный, что самая эта правильность намекаетъ какъ бы на искусственность происхожденія кургана. По поводу Царева кургана существуетъ сказаніе такого рода: здѣсь Іоаннъ Грозный свое несметное войско считалъ; приказалъ онъ каждому воину горсть земли принести на мѣсто ночлега, и вотъ войско его, Царевъ курганъ, насыпало. Сказаніе это—не русскаго происхожденія; заимствовано оно изъ мордовскихъ пѣсенъ о царѣ Іоаннѣ Грозномъ, а пѣсенъ этихъ существовало и существуетъ до нынѣ нѣсколько. Замѣчательно, что у мордвы сохранилась особенно свѣжая память объ Іоаннѣ Грозномъ. Всякая мордовская пѣсня о немъ, будучи переведена на правильный русскій языкъ, начинается такими словами (см. С. Монастырскій, стр. 205):

„Грозенъ былъ великъ-царь, нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ!
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ землю мордовскую,
Себѣ царство взялъ Казанское,
Мимоходомъ—Астраханское,
Вывелъ Герфила изъ Новгорода,
Не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы“.

Ниже Царева кургана долина Волги нѣсколько съуживается и оба берега дѣлаются крутыми, образуя какъ бы ущелье; мѣсто это называется Самарскими воротами. Самыя ворота образуютъ собой: съ одного берега Сѣрная гора, выдающаяся надъ уровнемъ Волги на 100 саж. высоты, а съ другого—окончаніе хребта Соколиныхъ горъ, направляющихся по лѣвой сторонѣ рѣки Соки.





Глава VI.

Отъ Самары до Царицына.

Самара—по выраженію П. Алабина—„цвѣтокъ, распустившійся на нашихъ глазахъ“. В. Немировичъ-Данченко характеризуетъ Самару такъ: „это городъ будущаго, это здоровый—кровь съ молокомъ—юноша, предъ которымъ все розовѣетъ и золотится въ лучахъ восходящаго для него солнца“. Въ то время, когда это было сказано, подъ „восходящимъ солнцемъ по всей вѣроятности подразумѣвалась прокладка громаднаго желѣзнаго пути, значительная часть котораго теперь уже существуетъ и еще вдобавокъ въ видѣ двухъ вѣтвей, раздѣляющихся въ Кинелѣ (недалеко за Самарой): одинъ путь, менѣе длинный, идетъ отъ Самары черезъ Бузулукъ на Оренбургъ, другой же, главнѣйшій, направляется отъ нея черезъ Бугурусланъ, Уфу на Златоустъ, Челябинскъ и т. д. Такимъ образомъ „восходящее солнце“, можно сказать, взошло въ значительной степени. Что-же изображаетъ теперь изъ себя Самара, этотъ городъ, истинная карьера котораго началась такъ недавно и такъ успѣшно?

Прежде чѣмъ говорить о настоящемъ Самары, скажемъ нѣсколько словъ о ея прошломъ.

„Самарская страна“ становится извѣстной въ XIII вѣкѣ. Тотъ періодъ, когда мѣстность, составляющая нынѣ Самарскую губернію, была достояніемъ кочевни-

ковъ, представляетъ очень скудный матеріалъ для исторіи; извѣстно лишь, что въ XI и XII столѣтіяхъ мѣстность эта переходила изъ рукъ въ руки все тѣхъ же дикихъ кочевниковъ, отдѣльныя группы которыхъ безпрестанно отвоевывали одна у другой право владѣнія землями Самарской страны. Въ XIII столѣтіи существовала уже Золотая Орда, главная ставка которой помѣщалась на Ахтубѣ (одинъ изъ рукавовъ Волги), въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится городъ Царевъ, Астраханской губерніи. Ханы этой орды распространили власть и на земли, составляющія нынѣшнюю Самарскую губернію.

Существуетъ разсказъ, относящійся къ мѣстности, гдѣ стоитъ нынѣ Самара. Разсказъ этотъ гласитъ слѣдующее.

Святой митрополитъ Алексѣй, исцѣлившій ханскую жену Тайдулу, лишившуюся зрѣнія, пользовался большимъ уваженіемъ и почетомъ среди дикихъ кочевниковъ. Много оказалъ онъ услугъ Московскому княжеству вообще и православному духовенству въ особенности, будучи постояннымъ ходатаемъ передъ ханомъ и защитникомъ русскихъ интересовъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ ханскую ставку, какъ кажется между 1360 и 1370 годами, святой митрополитъ Алексѣй встрѣтилъ пустынника на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Самара, и пустынникъ этотъ предсказалъ ему, что здѣсь выростетъ большой и богатый городъ.

Въ 1586 году о Самарѣ, или вѣрнѣе сказать, о Самарскомъ устьѣ упоминается въ грамотахъ царя Ѳеодора Іоанновича, данныхъ на имя воеводы князя Засѣкина и другихъ воеводъ; этими грамотами имъ поручалась постройка новыхъ городовъ въ степи и постройка на Волгѣ Самары. Татарскіе ханы, весьма основательно подозрѣвая, что постройка Самары и другихъ городковъ есть посягательство на ихъ свободу и представляетъ собою распространеніе русской власти въ ихъ владѣніяхъ, хотя и протестовали противъ этого, но протестовали крайне слабо. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ ногайскихъ князей Урусъ протестъ свой выражалъ въ неоднократныхъ посланіяхъ къ царю, жалуясь на самовольные захваты земель, но на всѣ эти посланія царь отвѣчалъ Урусу лишь совѣтомъ: „оставить свою старую дурость“.

Какъ бы то ни было Самарскій городокъ былъ основанъ въ 1586 году при сліяніи рѣки Самары съ Волгой, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Хлѣбная площадь и театръ. Въ запискахъ-же Олеарія, посѣтившаго Самару въ 1633 году, сказано, что городъ Самара расположенъ въ 30 верстахъ отъ устья Самары; такимъ образомъ является какъ бы противорѣчіе, объяснить которое всего естественнѣе тѣмъ путемъ, какъ это дѣлаетъ г. Монастырскій: рѣка Самара впадала прежде въ Волгу тѣмъ русломъ, которое называется нынѣ Сухой Самаркой и отстоитъ отъ нынѣшняго устья рѣки на 30 верстъ. Слѣдовательно мнѣніе, что городокъ Самара впослѣдствіи былъ перенесенъ на 30 верстъ, какового мнѣнія отчасти придерживается г. Демьяновъ, едва-ли справедливо. Крѣпостной валъ древняго городка, судя по нѣкоторымъ источникамъ, начинался близъ нынѣ существующей Преображенской церкви и примыкалъ къ рѣкѣ Самарѣ, а на мѣстѣ нынѣшней Александровской площади было озерцо.

Въ качествѣ крайняго пункта русскихъ поселеній на луговой сторонѣ Волги, Самарская крѣпостца не мало терпѣла отъ калмыковъ, башкиръ, ногаевъ и въ особенности отъ понизовой волжской вольницы. Отъ инородцевъ-кочевниковъ городокъ отбивался успѣшно, но въ тяжелую пору развитія поволжскаго разбойничества, когда огромныя шайки ихъ безшабашно распоряжались на побережьяхъ Волги, Самарѣ приходилось круто. Такъ въ 1671 году городомъ овладѣлъ Стенька Разинъ,

Фотохимитография С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

САМАРА.

казнившій воеводу Алфимова и утопившій въ Волгѣ всѣхъ дворянъ и начальныхъ людей, оказавшихся въ наличности. Нѣсколько времени спустя преемникъ Стеньки Разина, Ѳедька Шелудякъ, снова завладѣлъ городомъ, въ которомъ вновь произведена была ужасная рѣзня. Ко времени Пугачева Самара, располагавшая всего какой-нибудь сотней солдатъ и тремя офицерами, въ сущности также была лишена возможности защищаться, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что черезъ сто лѣтъ послѣ взятія города Стенькою Разинымъ, Самара сдалась безъ боя Пугачеву. Къ числу крупныхъ бѣдствій въ исторіи существованія города можно отнести и громадный пожаръ 1703 года, истребившій Самару почти до тла.

Городомъ Самара названа была въ 1658 году; приэтомъ самарскіе дворяне, ратные люди и обыватели были надѣлены землею въ количествѣ 120 тысячъ десятинъ. Въ 1719 году Самара, считавшаяся до того городомъ Казанской губерніи, была причислена къ губерніи Астраханской, а въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, потерявъ въ сущности значеніе города, она была отнесена къ Сызранскому уѣзду. Въ 1781 году Самара была переименована въ уѣздный городъ съ причисленіемъ ея къ Симбирской губерніи. Въ качествѣ уѣзднаго города оставалась она до 1851 года, когда съ учрежденіемъ Самарской губерніи она сдѣлалась губернскимъ городомъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ данныхъ, которыя характеризуютъ быстрый ростъ Самары со времени переименованія ея въ губернскій городъ. Въ 1851 г. жителей въ Самарѣ считалось 15 тысячъ, теперь ихъ около 80 тысячъ. Въ первое десятилѣтіе, считая съ 1851 года, городскіе доходы Самары возросли съ 21 тысячи руб., на 65 тысячъ руб., во второе—они выросли до 184 тысячъ руб., въ третье—они достигли 358 тысячъ рублей, а въ четвертое—они уже превышали $^1/_2$ милліона. Въ моментъ учрежденія Самарской губерніи городъ Самара былъ расположенъ по берегу Волги полосою отъ устья рѣки Самарки на 3 версты длины. Тамъ, гдѣ теперь Троицкая площадь, въ то время разстилалась степь, а пространство, занимаемое нынѣ Струковскимъ садомъ и прилегающее къ нему, было покрыто лѣсомъ, называлось „дубровой“ и служило мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ для тогдашнихъ обывателей. Хорошихъ зданій въ городѣ не было, окраины его походили на деревню, представляя собою коллекцію домишекъ, крытыхъ соломой, съ плетнями вмѣсто забора. Чтобы дать лучшее понятіе о томъ, чѣмъ была тогдашняя Самара, достаточно сказать, что тогда въ ней былъ всего только одинъ докторъ, не было легковыхъ извозчиковъ, не было гостиницъ для пріѣзжающихъ и не было уличнаго освѣщенія. Все это было сорокъ лѣтъ тому назадъ. Взглянувъ на теперешнюю Самару, поневолѣ поразишься быстротою роста этого города.

Торговля Самары была, однако, значительна и въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; такъ, напримѣръ, въ 1850 году съ самарской пристани увезено 560 тысячъ четвертей пшеницы, 5 тысячъ четвертей льняного семени и свыше 50 тысячъ пудовъ сала. Уже и тогда въ Самарѣ работали 40 вѣтряныхъ мельницъ, а на салотопенныхъ заводахъ ежегодно вытапливалось до 70 тысячъ пудовъ сала.

Что касается самаго города, то за 40 послѣднихъ лѣтъ своего существованія, онъ сталъ совершенно неузнаваемъ,—до такой степени увеличился онъ по части занимаемаго имъ пространства и до того измѣнился внѣшній видъ его. Причина быстраго развитія вполнѣ понятна; богатство края высшими сортами хлѣбовъ и продуктами скотоводства само по себѣ уже ставитъ Самару въ чрезвычайно выгодныя условія со стороны развитія ея торговли; къ этому надлежитъ еще прибавить другое важное условіе—счастливое положеніе города на путяхъ сообщенія. Имѣя съ одной

стороны Волгу, съ другой—желѣзныя дороги, пролегающія черезъ богатый и обширный районъ и связывающія ее съ важными торговыми центрами Россіи, Самара естественно имѣла всѣ шансы для быстраго развитія. Тяготѣніе къ ней предметовъ торговли огромнаго края вполнѣ естественно: въ Самарѣ всегда имѣются покупатели на этотъ товаръ, благодаря удобству путей для сбыта; зимою желѣзнодорожный путь, а лѣтомъ водяной служатъ Самарѣ хорошую службу, особенно если принять въ разсчетъ, что самарская пристань по справедливости считается удобнѣйшей на всей Волгѣ для такихъ товаровъ, какъ хлѣбъ и вообще громоздкіе продукты.

Самарскія пристани, буксирная, пассажирская и лѣсная, расположены на Волгѣ, а по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары расположены пристани—у хлѣбныхъ амбаровъ хлѣбная и у салотопни—для нагрузки продуктовъ скотоводства. Пристани на рѣкѣ Самарѣ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что рѣка эта вскрывается ранѣе Волги, и суда, зимующія въ ней, могутъ грузиться въ то время, когда Волга еще покрыта льдомъ; тотчасъ, по окончаніи волжскаго ледохода, суда эти выходятъ первыми на великую рѣку и самарскіе караваны выигрываютъ такъ много времени, что приходятъ въ Рыбинскъ не только ранѣе симбирскихъ, но даже ранѣе казанскихъ, грузящихся лишь по окончаніи ледохода. Въ результатѣ для крупныхъ торговыхъ домовъ является прямой разсчетъ заготовлять товаръ именно въ Самарѣ—причина, по которой многія торговыя фирмы держатъ тамъ своихъ агентовъ и имѣютъ комиссіонеровъ среди коренныхъ торговцевъ города.

Хлѣбная торговля Самары постоянно растетъ, такъ какъ съ увеличеніемъ въ краѣ населенія увеличивается и количество распахиваемыхъ земель; конечно, послѣднее обстоятельство, вліяя на сокращеніе пастбищъ, отражается нѣкоторымъ уменьшеніемъ скотоводства, а слѣдовательно препятствуетъ развитію торговли продуктами скотоводства. Но принимая въ разсчетъ, что хлѣбное дѣло имѣетъ важнѣйшее для Самары значеніе, въ общемъ все-таки выходитъ, что торговля города постоянно растетъ. Съ самаго переименованія Самары въ губернскій городъ она начала быстро заселяться всевозможнымъ пришлымъ промышленнымъ и торговымъ людомъ; представляя нѣкоторымъ образомъ непочатый уголъ для предпріимчивости, городъ до сихъ поръ даетъ не мало простора для торговой и промышленной энергіи человѣка. Люди этого класса богатѣли и богатѣютъ въ Самарѣ быстро, такъ что едва-ли можно назвать много губернскихъ городовъ, въ которыхъ имѣлось бы такое количество капиталистовъ какъ въ Самарѣ; не только, такъ называемые „среднички“ (по мѣстному выраженію, такъ называютъ обладателей сотенъ тысячъ рублей), но и заправскіе милліонеры проживаютъ почти безвыѣздно въ Самарѣ.

Подъѣзжая къ Самарѣ на пароходѣ, человѣкъ получаетъ странное впечатлѣніе: издали онъ любуется городомъ, приблизившись же къ пристани, поражается прежде всего невѣроятной пылью, которая не только стоитъ надъ всѣмъ городомъ, но и ощущается даже пока вы находитесь на пароходѣ, надъ самою Волгою. Пыль эта бѣловато-сѣрая, несущаяся на васъ цѣлыми облаками, составляетъ истинное бѣдствіе Самары, бѣдствіе, быть можетъ, не очень замѣтное для коренного жителя, но совершенно одолѣвающее человѣка пріѣзжаго. Почему-то, несмотря на существованіе въ городѣ водопровода, подающаго весьма значительное количество воды, мостовыя большинства улицъ не поливаются и классическая пыль носится надъ ними равно такъ же, какъ и въ блаженныя времена отсутствія водопровода. Единственнымъ убѣжищемъ отъ пыли служитъ въ Самарѣ Струковскій садъ, помѣщающійся въ концѣ главной улицы города—Дворянской, идущей параллельно Волгѣ. Въ этомъ

саду, который г. Монастырскій не безъ остроумія называетъ „легкими Самары“, мѣстные жители всѣхъ званій по вечерамъ отдыхаютъ отъ трудовъ, любуясь видомъ на Волгу.

Изъ зданій и сооруженій Самары назовемъ старый соборъ во имя Казанской Божіей Матери, построенный въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія; въ храмѣ этомъ имѣется древнее евангеліе, отпечатанное въ Москвѣ въ 1657 году. Другой древній храмъ—Спасо-Преображенская церковь, оконченная постройкой въ 1685 году; въ ней двѣ чудотворныя иконы. Новый соборъ, обращающій вниманіе своей красивой архитектурой и выстроенный по проекту профессора архитектуры Жибера, заложенъ въ 1869 году во имя св. Александра Невскаго; помѣщаясь на высокомъ мѣстѣ, соборъ занимаетъ господствующее въ городѣ положеніе и хорошо видѣнъ съ Волги, съ площади же, его окружающей, открывается прекрасный широкій видъ. Въ настоящее время городъ украшенъ прекраснымъ памятникомъ „Александру II—Царю-Освободителю“; памятникъ очень выгодно помѣщенъ среди сквера и по разнымъ сторонамъ его значатся надписи историческихъ событій царствованія Александра II.

Памятникъ Александру II, Царю-Освободителю.

Иверскій женскій монастырь, расположенный на скатѣ крутого волжскаго берега въ сѣверной части города, началъ свое существованіе въ 1852 году въ видѣ общины; частныя пожертвованія, поступившія въ него, были на столько значительны, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ община выстроила двѣ церкви, кельи и заложила большой каменный храмъ. Въ 1860 году община была переименована въ женскій монастырь и теперь Иверская обитель представляетъ собою какъ бы отдѣльный городокъ, церкви и жилыя постройки котораго содержатся крайне чисто и заботливо.

Изъ торгово-промышленныхъ зданій отмѣтимъ грандіозную паровую мельницу братьевъ Башкировыхъ, недавно выстроенный элеваторъ, вмѣщающій до 300,000 пудовъ зерна и Жегулевскій пивоваренный заводъ, снабжающій прекраснымъ пивомъ

не только Самару, но и огромный районъ Поволжья, а частію даже и города, отстоящіе отъ Волги на далекое разстояніе по желѣзнодорожному пути.

Въ Самарѣ издаются двѣ газеты: „Самарская Газета“ и „Справочный Листокъ“.

Очень живописный видъ представляетъ собою ближайшая къ Самарѣ часть берега Волги выше города; окруженныя рощами и садами ютятся тамъ дачи, между которыми особенно привлекаетъ вниманіе, возвышающаяся среди парка и цвѣтниковъ, цѣлая огромная вилла; это—дача и кумысолѣчебное заведеніе Анаева.

Самара есть собственно колыбель кумысолѣчебнаго дѣла и несомнѣнно, что именно Самарѣ обязанъ кумысъ своей теперешней популярностью въ качествѣ, всѣми признаннаго, весьма полезнаго лѣчебнаго средства. Какъ напитокъ, кумысъ есть весьма древнее изобрѣтеніе. Кочевымъ народамъ извѣстенъ онъ былъ съ незапамятныхъ временъ. Когда Батый въ знакъ особой чести угощалъ имъ князя Данилу Романовича Галицкаго, русскіе считали питье кумыса величайшимъ для себя наказаніемъ и угощеніе кумысомъ въ Золотой Ордѣ было для нихъ самой крупной непріятностью, самымъ тяжелымъ униженіемъ изъ всего, что доводилось имъ

Самарскія окрестности, Анаевскія дачи.

тамъ переносить. „О, злѣе зла честь татарская!“ восклицаетъ лѣтописецъ по поводу такихъ кумысныхъ угощеній. Да и князь то Данило Романовичъ, выпившій кумыса въ угожденіе Батыю, вѣроятно только тогда нѣсколько утѣшился въ этой бѣдѣ, когда Батый послалъ ему вина въ награду за его покорность.

Но „мѣняются времена, мѣняются и нравы“; напитокъ, причинявшій такую непріятность нашимъ предкамъ и по существу дѣла очень вкусный и освѣжающій, оплачивается теперь весьма недурно массою заѣзжаго люда, чающаго именно отъ кумыса исцѣленія своихъ недуговъ.

Собственно лѣченіе кумысомъ имѣетъ множество пунктовъ, разбросанныхъ по обширной степи, гдѣ больнымъ приходится ютиться въ кибиткахъ, жариться на припекѣ палящаго солнца и изнывать въ тоскѣ ничего недѣланья и отсутствія развлеченій. Дѣло, доказанное опытомъ, что подобный лѣчебный режимъ приноситъ несомнѣнную пользу, но выдержать его, конечно, могутъ лишь люди, болѣзненное состояніе которыхъ таково, что имъ ужъ не до комфорта и развлеченій—лишь бы

Фотолитография С. В. Кульженко въ Кіевѣ

САМАРА.

Видъ съ Волги близъ пристани.

повѣрнѣе вылѣчиться. А вылѣчиться въ степи, проживая въ кибиткѣ и пользуясь первосортнымъ кумысомъ, можно лучше, чѣмъ гдѣ нибудь; страшная жара и постоянное питаніе бараниной, возбуждаютъ такую жажду, что человѣкъ выпиваетъ необъятное количество кумыса, дѣйствующаго на него не только какъ освѣжающій напитокъ, но и какъ прекрасное усыпляющее средство.

Иное, конечно, дѣло лѣченіе въ кумысолѣчебныхъ заведеніяхъ. Тамъ больной обставленъ извѣстнымъ комфортомъ: онъ имѣетъ и настоящую комнату, и садъ для прогулки, и удобную постель; обѣдъ его не состоитъ изъ одной баранины; онъ не изнываетъ въ тоскѣ отъ отсутствія развлеченій; можно заняться и музыкой, и винтомъ, и разговорами. Конечно, лѣчиться при такихъ условіяхъ пріятнѣе, но что касается самаго кумыса, то онъ, за очень рѣдкими исключеніями, хуже, чѣмъ кумысъ въ степяхъ, гдѣ производительницы кумыса—кобылицы—питаются безпримѣрно превосходнымъ кормомъ и производители кумыса—калмыки и киргизы,—что называется, всѣ зубы съѣли въ умѣньѣ его приготовлять. Во всякомъ случаѣ, для желающихъ назовемъ самарскія кумысолѣчебныя заведенія. Старѣйшее изъ нихъ, расположенное въ шести верстахъ отъ Самары, заведеніе доктора Постникова; кумысолѣчебное заведеніе Анаева, названное выше; заведеніе Чернышева—близъ Самары по той же дорогѣ, которая ведетъ къ Постникову; въ верстѣ отъ послѣдняго—заведеніе Среднева; Военный кумысъ—иначе Барабашина поляна—въ 15 верстахъ отъ Самары, на берегу Волги; имѣется и еще нѣсколько кумысныхъ заведеній менѣе значительныхъ, которыя мы перечислять не станемъ.

Кибитки калмыковъ.

Лучшее время для пользованія кумысомъ—начало лѣта и особенно весна, когда степь представляетъ своею сочной свѣжей травой лучшій кормъ для кобылицъ; кумысъ этого періода особенно вкусенъ и несомнѣнно болѣе полезенъ.

Разъ уже мы заговорили о лѣчебныхъ пунктахъ Самары и Самарской губерніи, нельзя не сказать нѣсколько словъ о Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, находящихся въ 120 верстахъ отъ Самары. Ѣхать туда изъ Самары можно по Оренбургской желѣзной дорогѣ до станціи Смышляевки и далѣе на лошадяхъ. Болѣзни, какъ напримѣръ, ревматизмъ, золотуха, геморрой, женскія болѣзни и послѣдствія меркуріальнаго лѣченія весьма удачно излѣчиваются Сергіевскими минеральными водами.

Но довольно о Самарѣ и всемъ самарскомъ. Мы снова—на пароходѣ, снова пользуемся тѣмъ комфортомъ, той роскошью обстановки, которые можетъ доставить пароходъ и которыхъ не доставитъ ни одна изъ губернско-городскихъ гостиницъ. Снова, послѣ прекрасно проведенной ночи, наслаждаемся мы утреннимъ кофе на широкой палубѣ-верандѣ, снова запасаемся, благодаря дивному волжскому воздуху,

такимъ аппетитомъ, который одинъ можетъ помочь намъ справиться съ пароходными порціями кушаній. Прекрасно пообѣдавъ, причемъ, конечно, дѣло обошлось не безъ грандіознаго ломтя осетрины, такой осетрины, которой не получишь даже въ лучшихъ московскихъ трактирахъ, мы вышли на палубу и, попивая Жегулевское пиво, любуемся пробѣгающими мимо насъ видами. Съ шумомъ вертится пароходное колесо, крупныя волны идутъ отъ парохода по сторонамъ и мы быстро несемся внизъ по Волгѣ.

Въ 25 верстахъ ниже Самары село Винновка открываетъ собою рядъ живописныхъ ландшафтовъ. Еще не доходя до Самары, Жегули удаляются на юго-западъ отъ праваго берега и подъ именемъ Шемкмешевскихъ горъ сплошною каменной стѣной тянутся именно до Винновки. За этимъ селомъ, на правомъ берегу, виднѣются деревни Ермаково и Кольцовка; между ними высится одинокая церковь Преображенія, противъ которой, на лѣвомъ берегу Волги, расположена пристань Майна, или Екатериновка, одна изъ выдающихся хлѣбныхъ пристаней и первая пароходная станція ниже Самары. Самое село Екатериновка на рѣкѣ Майнѣ лежитъ въ пяти

Окрестности Самары.

верстахъ отъ пристани. Ниже виднѣются селенія и деревни: Мордовка, Брусина, Рязань, Переволока, Печерское и Костычи. Названіе Печерскаго произошло отъ множества пещеръ (по мѣстному—„печоръ“), вымытыхъ водою въ береговомъ мергелѣ. Отсюда же и наименованіе Печерскими горами цѣлаго ряда возвышенностей, цѣпь которыхъ тянется на десятки верстъ, до самыхъ Костычей.

Печерскія горы содержатъ громадное количество чернаго известняка, иначе говоря асфальта, залегающаго пластами между слоями бѣлаго известняка и ярко обозначающагося по крутымъ береговымъ обрывамъ. Въ половодье Волга, подмывая крутой обрывистый берегъ и слегка обрывая его, тѣмъ способствуетъ асфальтовой промышленности, облегчая добываніе этого важнаго матеріала. По величинѣ пластовъ асфальта и по качеству его, по богатству содержанія въ немъ битума (горной смолы) Печерскія асфальтовыя залежи—богатѣйшія въ Европѣ; конкуррировать съ ними могутъ развѣ только копи въ Абруццахъ (въ Италіи). Первый слой асфальта

въ Печерскихъ горахъ, очень богатый битумомъ (до 29%), лежитъ всего на глубинѣ полусажени; ниже его залегаетъ рядъ другихъ слоевъ, содержащихъ битумъ въ количествѣ отъ 12% до 18%. Всего асфальта въ Печерскомъ районѣ предполагаютъ до 30 мил. пудовъ. Довольно удачная разработка его доставляетъ этотъ важный матеріалъ не только въ ближайшіе, но и въ отдаленные центры. Московскіе тротуары, мостовыя, множество половъ въ различныхъ общественныхъ зданіяхъ,—все это покрыто именно асфальтомъ, добытымъ въ Печерскихъ горахъ. Большая часть этихъ асфальтовыхъ залежей открыта г. Воейковымъ, не мало израсходовавшимъ денегъ на производство серьезныхъ изысканій и усовершенствованія обработки асфальта. Въ настоящее время имѣются два асфальтовыхъ завода въ Сызрани: основанный въ 1873 году заводъ Товарищества Печерской Асфальтовой Промышленности и другой, открытый въ 1875 году, бывшій Воейкова, нынѣ Сызранскаго Асфальтоваго Товарищества. Асфальтовое производство въ Россіи въ сущности очень молодо, но все же въ какіе-нибудь 25 лѣтъ своего существованія оно успѣло побѣдить предразсудокъ относительно преимуществъ всего заграничнаго: сызранскій асфальтъ не только вытѣснилъ заграничный изъ всѣхъ городовъ Россіи, но и самъ проникъ за-границу. Въ Поволжьѣ, гдѣ онъ удачно замѣняетъ собою и дерево, и чугунъ (тротуары, водосточныя трубы и т. п.) и гдѣ, сверхъ того, онъ стоитъ крайне дешево, благодаря дешевизнѣ провоза, сызранскій асфальтъ очень распространенъ.

Въ 20 верстахъ выше Сызрани, у села Новые Костычи, черезъ Волгу перекинутъ гигантскій желѣзнодорожный мостъ, являющій собою одно изъ величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ въ мірѣ сооруженій. Даже англійскіе техники, высшіе авторитеты въ этомъ дѣлѣ, находятъ, что мостъ этотъ есть поражающій образецъ строительнаго искусства *). Мостъ открытъ 30 августа 1880 года, въ день тезоименитства въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, и потому названъ „Александровскимъ“.

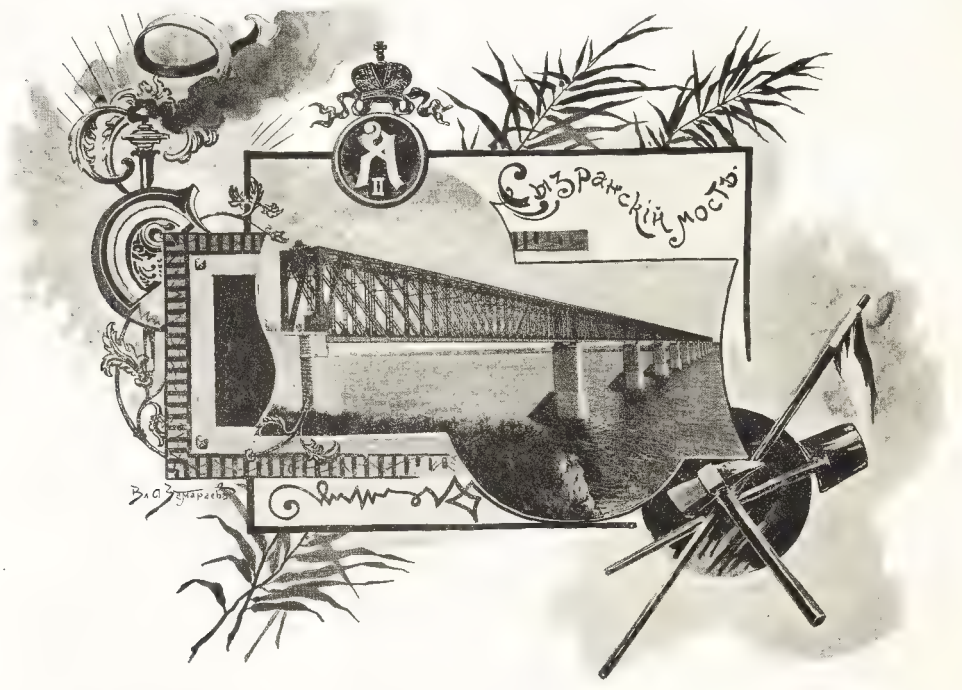
Постройка Александровскаго моста представляла собой тѣмъ большія трудности, что Волга, при огромной ширинѣ ея и при массѣ несомой ею воды, бываетъ порою весьма капризна въ половодье, съ высокимъ уровнемъ котораго пришлось весьма и весьма считаться какъ при проектированіи, такъ и при постройкѣ моста. Инженеръ профессоръ Бѣлелюбскій, авторъ проекта моста, вынужденъ былъ трижды составлять этотъ проектъ, невольно увеличивая конечную цыфру смѣты въ борьбѣ съ предстоявшими и все вновь представлявшимися трудностями. Первый предприниматель работъ, извѣстный строитель мостовъ А. Е. Струве, принявшій на себя обязательство выстроить мостъ, не справился съ этой задачею и, понеся по дѣлу убытки, ушелъ изъ предпріятія. Слѣдовавшій за нимъ предприниматель инженеръ Михайловскій былъ счастливѣе: благодаря главному сотруднику предпріятія инженеру Березину, который и есть именно строитель моста, Александровскій мостъ былъ начатъ и оконченъ постройкою по третьему проекту профессора Бѣлелюбскаго, причемъ работы продолжались три года, такъ какъ первый кессонъ былъ опущенъ въ воду 11 августа 1877 года, а открытіе моста, какъ сказано выше, послѣдовало 30 августа 1880 года.

Александровскій мостъ во всѣхъ отношеніяхъ грандіозенъ; и общая длина его, и высота надъ водою, и высота устоевъ, считая отъ подошвы фундамента, и ширина пролетовъ,—все въ немъ являетъ крайнюю смѣлость и мастерскую побѣду

*) Англійскій техническій журналъ „Enginering“.

надъ препятствіями. Сообщимъ цыфровыя данныя, его касающіяся,—данныя, полученныя изъ самовѣрнѣйшаго источника.

Мостъ построенъ въ одинъ путь и имѣетъ тротуаръ для пѣшеходовъ; онъ желѣзный, голландской системы съ ѣздою по низу. Вся длина его 696 саженъ, чистыхъ пролетовъ надъ водою 674 сажени. Правый устой его—на скалѣ, лѣвый—на сваяхъ. Площадь основанія каждаго устоя 66,72 кв. саж. Быки на желѣзныхъ кессонахъ длиною 11,20 саж., шириною 3,30 съ площадью основанія 33,56 кв. саж.; быкъ № 11 на двухъ кессонахъ съ площадью основанія 39,91 кв. саж. Площадь основанія всѣхъ кессоновъ 409 кв. саж., а общая площадь основаній быковъ и устоевъ 542 кв. саж.; общій вѣсъ кессоновъ 105,193 пуда. Тамъ гдѣ построенъ мостъ, дно Волги есть твердый известнякъ, покрытый слоемъ песку, наибольшая толщина котораго четыре сажени; глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ въ межень до 7 саженъ, средняя—



5,70 саж., при высокихъ водахъ—12 саж. Основаніе быковъ опущено въ скалу; среднее опусканіе кессоновъ отъ бывшаго во время опусканія средняго горизонта 9,22 саж., причемъ среднее опусканіе въ самую скалу одна сажень. Изъ кессоновъ вынуто грунта 1250 куб. саж., третью часть какового количества составляетъ выемка скалы. Опоры выведены изъ цѣльнаго известняка Жегулевскихъ горъ, а ледорѣзы и передняя часть быковъ облицованы на высоту 5,40 саж. гранитомъ твердыхъ породъ, полученнымъ частью изъ Финляндіи, частью съ береговъ Шексны. Высота быковъ надъ меженной водой 11,35 сажени, средняя же высота ихъ отъ подошвы 18,57 саж.; наибольшую высоту имѣетъ быкъ № 10, отъ подошвы основанія котораго до верха 20,10 саж. Всей каменной кладки въ быкахъ и устояхъ 6,680 куб. саж.; изъ нихъ гранита 230 куб. саж. Верхнее строеніе желѣзное; состоитъ оно изъ три-

Фотохимиграфія С. В. Калиженко въ Кіевѣ.

БАТРАКИ КОСТАЧИ.

надцати пролетовъ, по 52 саж. каждый. Высота фермы 5,40 саж.; верхъ ея надъ горизонтомъ межени 17,65 саж. Средняя высота отъ подошвы основанія быковъ —24,87 саж., а у быка № 10—26,40 саж. Ширина полотна съ тротуарами—4,07 саж., площадь полотна 2828,65 кв. саж. Общій вѣсъ верхняго строенія 425,112 пудовъ, а съ кессонами—530,305 пудовъ. Вся стоимость моста—4,773,487 руб. 32 коп. метал., что по курсу того времени, когда былъ выстроенъ мостъ, составляло кредитныхъ 7,022,698 руб. 20 коп. При постройкѣ моста около него пришлось выстроить цѣлый поселокъ, болѣе чѣмъ въ 150 зданій, для помѣщенія администраціи и 2,500 рабочихъ. Такъ какъ предметы, необходимые для работъ пріобрѣтались издалека, то не мѣшаетъ сообщить еще нѣсколько цыфръ, касающихся стоимости постройки моста; черезъ Петербургъ доставлено 530,305 пудовъ желѣза для кессоновъ и верхняго строенія, 45,000 пудовъ сортового желѣза и 715,000 пудовъ цемента, изъ Финляндіи и Рыбинска доставлено 450,000 пуд. гранита; всего подвезено для постройки моста до 2,000,000 пудовъ разнаго матеріала. На эту перевозку вмѣстѣ съ постройкой бараковъ и поселка, считая сверхъ того доставку камней съ Жегулей, израсходовано около седьмой части всей стоимости моста.

Чрезвычайно эффектна картина, представляющаяся человѣку, ѣдущему по желѣзной дорогѣ изъ Сызрани въ Самару. Доѣхавъ до Батраковъ, онъ видитъ передъ собою и красавицу-Волгу, несущую свои воды въ глубокой и широкой долинѣ, и изящную кружевную безконечную ленту Александровскаго моста. Когда онъ подъѣзжаетъ къ самому мосту, передъ нимъ раскидываются такія рѣчныя и зарѣчныя дали, созерцаніе которыхъ не можетъ не производить впечатлѣнія на самаго малочуткаго человѣка. Почти не менѣе интересна картина Александровскаго моста, перекинутаго надъ могучей рѣкой, и съ парохода, особенно если вы ѣдете вверхъ по рѣкѣ; видѣнъ онъ за много верстъ съ обоими устоями, съ своими высокими быками и съ кружевной лентой своего верхняго строенія. На нервныхъ людей Александровскій мостъ въ обоихъ случаяхъ производитъ крайне сильное впечатлѣніе; направляясь по немъ, сидя въ вагонѣ, при тихомъ ходѣ поѣзда, люди эти испытываютъ почти непобѣдимое чувство страха предъ тою высотою, на которой они находятся, и передъ громадной шириной пролетовъ, подъ которыми катитъ свои мутныя воды гигантская рѣка. Тѣ же люди, ѣдучи на пароходѣ, испытываютъ ощущеніе положительнаго ужаса въ моментъ, когда пароходъ подходитъ подъ мостъ, а на огромной высотѣ надъ нимъ грохочетъ движущійся по мосту поѣздъ.

Собственно любоваться самимъ мостомъ, конечно, лучше съ парохода, любоваться же далекими видами выгоднѣе съ поѣзда желѣзной дороги, идущаго здѣсь на значительной высотѣ надъ Волгой.

На 20 верстъ ниже Александровскаго моста расположенъ городъ Сызрань, уѣздный городъ Симбирской губерніи. Раскинулся онъ не на самой Волгѣ, а на Воложкѣ, протокъ котораго бываетъ судоходенъ только въ весеннее время. Такимъ образомъ Сызранская пристань лѣтомъ бываетъ на островѣ и лишь весною передвигается ближе къ городу. Главная часть города раскинута по крутому лѣвому берегу рѣки Сызрана, при впаденіи въ нее маленькой рѣчки Крымзы.

Сызрань основана въ 1683 году въ интересахъ огражденія русскихъ поселеній отъ инородцевъ-кочевниковъ. До настоящаго столѣтія городъ развивался очень плохо; прилегающій къ нему край былъ мало населенъ и не устроенъ. Только съ начала текущаго вѣка началось развитіе Сызрани, которое особенно сильно замѣчается со времени постройки пролегающей черезъ нее желѣзной дороги. Въ на-

стоящее время городъ считаетъ до 30 тысячъ жителей и постоянно растетъ; распространяясь преимущественно къ востоку, по направленію къ селу Батраки, раскинутому на огромномъ протяженіи по берегу Волги въ 10-ти верстахъ отъ города и составляющему станцію желѣзной дороги, послѣднюю передъ Александровскимъ мостомъ.

На мѣстѣ прежней крѣпостцы въ Сызрани находится теперь три каменныхъ церкви, древняя каменная башня, зданіе присутственныхъ мѣстъ и нѣсколько частныхъ домовъ; весь этотъ небольшой районъ города до сего времени носитъ названіе кремля. На востокъ, между рѣками Крымзою и Сызраномъ—городская площадь, обставленная каменными постройками; отсюда же, до самаго выѣзда изъ города, тянется длинная, въ 2½ версты, Симбирская улица. Въ сущности если считать съ слободами Ильинской, Покровской и Преображенской, то выдетъ, что Сызрань за-

нимаетъ пространство немного менѣе обширное, чѣмъ какое занимаетъ Симбирскъ но со стороны презентабельности только центръ города да Симбирская улица имѣютъ сравнительно щеголеватый видъ, окраины же его скорѣе напоминаютъ село, чѣмъ уѣздный городъ. Въ промышленномъ отношеніи, однако, быть можетъ, недалеко то время, когда Сызрань перещеголяетъ Симбирскъ; Сызранская пристань лучше Симбирской, да и проходящій черезъ городъ желѣзный путь тоже имѣетъ не малое значеніе.

Главная торговая дѣятельность Сызрани пріурочивается къ четыремъ мѣстнымъ ярмаркамъ, изъ коихъ самая важная—Сборная ярмарка. Главнѣйшій предметъ

вывоза—хлѣбъ и въ особенности, извѣстное по всей Россіи подъ именемъ „сызранскаго“, пшено превосходной мѣстной обработки.

Такъ какъ мы упомянули уже о селѣ Батракахъ, то здѣсь кстати будетъ сказать, что село это, нынѣ бойкое и торговое, раскинутое на большомъ протяженіи, и въ качествѣ желѣзнодорожной станціи очень оживленное, въ прошломъ столѣтіи было мѣстопребываніемъ главарей хлыстовской секты; пресловутый Шамбаровъ вмѣстѣ съ его лжеапостолами даже похороненъ въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Батраковъ, на такъ называемой Сіонской горѣ, и по поводу могилы его имѣется среди мѣстныхъ жителей довольно оригинальное слѣдующее повѣрье.

Какъ то разъ, во время сильной засухи крестьяне села Батраковъ разсудили, что бѣдствіе накликано на нихъ могилою Шамбарова, и что если его прахъ вырыть изъ земли и бросить въ Волгу, то засуха минуетъ; но когда начали рыть могилу, то на мѣстѣ ея оказалась невѣроятной глубины ямина, дна которой нельзя было достать никакими веревками. Съ того времени всѣмъ стало ясно, что Шамбаровъ провалился сквозь землю въ преисподнюю.

Въ качествѣ одного изъ поволжскихъ центровъ хлѣбной торговли и, по правдѣ сказать нѣсколько болѣе, чѣмъ другіе подобные центры, городъ Сызрань является такъ называемымъ „мартышечьимъ гнѣздомъ“. Но читателю нужно объяснить, что вообще разумѣется подъ названіемъ волжскаго или сызранскаго мартышки.

По мѣткому опредѣленію г. Демьянова, мартышка есть новый типъ, воспитанный въ традиціяхъ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и К°. По своей оффиціальной профессіи мартышка есть не болѣе, какъ приказчикъ у хлѣбнаго торговца. Въ сущности же онъ есть изобрѣтатель и выполнитель всѣхъ тѣхъ хитроумныхъ плутней, цѣлая система которыхъ украшаетъ собою хлѣбную торговлю. Идеалы мартышки—какъ можно хитрѣе надуть, какъ можно ловчѣе эксплоатировать мелкихъ хлѣбныхъ продавцовъ, каковыми большею частію оказываются крестьяне. Чѣмъ изобрѣтательнѣе съ этой стороны мартышка, тѣмъ выше ему цѣна въ глазахъ патрона. Нѣкоторые торговцы держатъ при своемъ дѣлѣ цѣлыя стаи мартышекъ. Эти стаи усиленно работаютъ, стараясь мошенничать на легальной почвѣ и предоставляя патрону загребать жаръ ихъ руками. При этомъ работающій мартышка всегда знаетъ: если его штуки кончатся удачно, хозяинъ наградитъ его какъ слѣдуетъ, если же паче чаянія онъ махнетъ черезъ край и, сплутуя, попадетъ въ уголовную бѣду, хозяинъ первый отъ него откажется. Часто бываетъ, что покинутый своимъ патрономъ мартышка выноситъ на своихъ плечахъ всѣ злополучныя послѣдствія своей подлой профессіи, но въ концѣ концовъ, такъ или иначе вывернувшись изъ напасти, начинаетъ снова мартышничать и даже, быть можетъ, на прежняго патрона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что терпѣть отъ мартышекъ приходится больше всего крестьянамъ, такъ какъ крупные производители хлѣбнаго товара—помѣщики—имъ не подъ силу.

Нѣсколько ниже по Волгѣ мартышками называются спеціально „водяные“ воры, но тѣ мартышки уже до Сызрани никакого касательства не имѣютъ. Слово „водяной“ мы прибавили потому, что мартышки-воры совершаютъ кражи исключительно на водѣ, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшится на самую обычную кражу на сушѣ; крадутъ они съ баржъ, лодокъ, иногда и съ пароходовъ, конечно, преимущественно буксирныхъ, на которые забраться легче; подбираются же къ обкрадываемому судну въ легонькой лодкѣ, выбравъ, конечно, самую темную ночь.

Села, расположенныя по Волгѣ ниже Сызрани до Балакова и даже до Вольска, всѣ безъ исключенія обязаны своимъ происхожденіемъ раскольникамъ. Первый городъ, попадающійся здѣсь на пути ниже Сызрани, расположенный на правомъ берегу,—Хвалынскъ, уѣздный городъ Саратовской губерніи.

Названіе свое Хвалынскъ получилъ въ воспоминаніе о древнѣйшихъ обитателяхъ хвалиссахъ, заселявшихъ пространство волжскаго побережья отъ мѣстонахожденія теперешняго Хвалынска до Каспійскаго моря. Свое существованіе въ качествѣ города Хвалынскъ началъ съ 1780 года, когда, по царскому указу, онъ былъ переименованъ въ городъ изъ села Сосновый Островъ, получивъ притомъ и настоящее свое названіе. Жителей въ городѣ до 25 тысячъ и изъ этого числа до 3 тысячъ раскольниковъ; послѣдніе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ крупные капиталы, и потому составляютъ главную силу мѣстной торговли.

25 верстъ ниже Хвалынска, на правомъ берегу Волги, расположено городище Лысая гора; форма горы продолговата, поверхность ея ровная; съ запада она окружена оврагами, съ востока и сѣвера валами. Все это намекаетъ на то, что въ стародавнія времена на горѣ существовалъ какой-нибудь городокъ или крѣпостца, впослѣдствіи исчезнувшіе съ лица земли. Въ 3 верстахъ отъ Лысой горы расположено большое село Алексѣевское съ 8 тысячами жителей, а близъ села имѣется затонъ, въ которомъ зимуютъ пароходы общества „Самолетъ“; тутъ же находится и принадлежащій обществу механическій заводъ. Въ Алексѣевскомъ бываетъ ярмарка на Троицкой недѣлѣ.

Одна изъ важнѣйшихъ пристаней Самарской губерніи—село Балаково, по справедливости считаемое въ числѣ самыхъ богатыхъ и крупныхъ селъ не только Поволжья, но и цѣлой восточной Россіи; жителей въ немъ около 13 тысячъ, изъ которыхъ болѣе 2 тысячъ мѣщанъ, до 150 купцовъ и до 10 тысячъ крестьянъ. Въ селѣ имѣется нѣсколько заводовъ, дѣлающихъ серьезный оборотъ. Торговля его—главнымъ образомъ хлѣбная—очень значительна. По своему общему виду село скорѣе напоминаетъ большой уѣздный городъ. Что касается изобилія мѣщанъ, цыфра которыхъ приведена выше, то большинство ихъ состоитъ въ качествѣ мартышекъ у крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ, такъ что съ этой стороны Балаково, по справедливости, слѣдуетъ причислить къ коллекціи мартышечьихъ гнѣздъ, въ которой оно занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Несмотря на свое богатство, Балаково являетъ полное отсутствіе благоустройства: грязь, дѣлающаяся въ немъ въ извѣстную пору года, знаменита въ лѣтописяхъ хлѣбной торговли; бываетъ, что по улицамъ Балакова приходится протаскивать возы, впрягая въ каждый по нѣсколько паръ воловъ.

Въ 50 верстахъ отъ Балакова расположено водолѣчебное заведеніе Столыпино, предоставлающее посѣтителямъ лѣчебныя средства въ видѣ желѣзныхъ источниковъ, минеральной грязи и степного кумыса.

Раскинутое на правомъ берегу Волги въ стародавнія времена дворцовое селеніе Малыковка было переименовано въ уѣздный городъ Вольскъ въ 1780 году, при учрежденіи саратовскаго намѣстничества. Въ настоящее время Вольскъ—уѣздный городъ Саратовской губерніи, съ 40 тысячами жителей. Раскинутъ городъ въ котловинѣ, образуемой тремя горными мѣловыми хребтами. Соборная площадь и лучшія его улицы находятся въ сѣверной части города. Подобно тому какъ оно есть въ Хвалынскѣ и здѣсь даютъ всему тонъ „ревнители древняго благочестія“, такъ что главная торговля и главные капиталы и здѣсь сосредоточены въ рукахъ рас-

Фотохимитипія С. В. Кульженко въ Кіевѣ

ВОЛЬСКЪ.

глаза каждому погубила его; собственный языкъ сослужилъ ему плохую службу, и Злобинъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ родной городъ.

Подъѣзжая къ прежней Малыковкѣ, старикъ вышелъ изъ экипажа и, припавъ на колѣни къ родной землѣ, воскликнулъ: „Господи, помоги мнѣ сдѣлать это мѣсто богатымъ и счастливымъ!“ И дѣйствительно, послѣдующая дѣятельность Злобина ясно доказывала искренность его намѣренія обогатить Вольскъ. Онъ началъ въ немъ строить большіе каменные дома, началъ усердно помогать мѣстнымъ торговымъ людямъ и совѣтомъ, и деньгами, началъ всячески награждать своихъ собственныхъ служащихъ....

Кончилось все это тѣмъ, что къ 1813 году, обманутый большинствомъ всѣхъ тѣхъ, кому онъ помогалъ, Злобинъ разорился, а имущество его было продано съ публичнаго торга. Въ 1818 году умеръ онъ бѣднымъ человѣкомъ, а на развалинахъ его, когда-то огромнаго богатства, возникли капиталы многихъ вольскихъ богатствъ, создавшіе торговлю и промышленность города и даже впослѣдствіи вывезенные въ другія мѣста.

Въ прежнее время Вольскъ славился богатыми лѣсами, которыхъ теперь осталось немного. Около версты отъ пароходныхъ конторокъ раскинутъ прекрасный Сапожниковскій садъ, въ которомъ помѣщается мѣстный вольскій клубъ.

Съ обѣихъ сторонъ Вольска высятся оригинальными очертаніями мѣловыя горы, представляющія собою очень красивую картину какъ при солнечномъ, такъ и лунномъ освѣщеніи.

„За Вольскомъ—нѣмецъ пошелъ“,—говорятъ поволжане. На всемъ протяженіи между Вольскомъ и Екатериншадтомъ (Баронскомъ) имѣется всего четыре русскихъ села: Рыбное, Бѣлогродня, славящееся своими вишневыми садами, Воскресенское и Березняки; всѣ эти села расположены на правомъ берегу. На лѣвомъ же берегу виднѣется цѣлая вереница нѣмецкихъ колоній; начиная отъ Вольска рядъ ихъ наименованій странно звучитъ въ ушахъ русскаго человѣка, сознающаго, что онъ находится на великой русской рѣкѣ, въ томъ восточномъ районѣ Россіи, цивилизовать который русскій духъ стремился искони вѣковъ. Колоніи эти: Шафгаузенъ, Гларусъ, Базель, Цюрихъ, Золотурнъ, Цугъ, Луцернъ, Унтервальденъ, Сузенталь, Брокгаузенъ, Гокельбергъ, Клейнъ-Обернонжъ и, наконецъ, глава всѣхъ нѣмецкихъ колоній, расположенныхъ въ Самарской губерніи, Екатериншадтъ. Истинной столицей всего поволжскаго нѣмецкаго царства, конечно, надлежитъ считать Саратовъ, являющійся въ мечтахъ каждаго колониста самымъ вожделѣннымъ пунктомъ обширной Россіи, которая хоть и пріютила колониста, но о которой онъ считаетъ нужнымъ имѣть самыя смутныя представленія.

Въ Екатериншадтѣ благодарные нѣмцы поставили памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая указомъ своимъ 1765 года приглашала въ Россію иностранцевъ, предлагая имъ всевозможныя льготы. Красивая бронзовая статуя изображаетъ Екатерину сидящею и держащею въ рукѣ свитокъ съ надписью: „Manifest, den 25 juni 1765“. На пьедесталѣ надпись гласитъ слѣдующее: „Der Kaiserin Katharina II aus dankbarkeit von den Saratowschen Ansiedlern. D. 24 november 1840“.

Жителей въ Екатериншадтѣ болѣе 2500; все это нѣмцы, большею частію лютеране; изрѣдка католики; занимаются они хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, разведеніемъ табачныхъ плантацій и торговлей. Въ качествѣ хлѣбной пристани, Екатериншадтъ занимаетъ довольно видное мѣсто.

Г. Велицынъ въ напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ„ его статьѣ „Нѣмцы на Волгѣ“ рисуетъ довольно мрачную картину нравовъ колонистовъ Самарской губерніи. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ пало былое богатство приволжскихъ колоній съ тѣхъ поръ, какъ уничтожена контора опекунства надъ ними; онъ говоритъ о безпросвѣтномъ пьянствѣ колонистовъ, о запустѣніи ихъ церквей, о развитіи среди нихъ преступленій противъ нравственности, о томъ, какъ среди нихъ пошли растраты мірскихъ капиталовъ, какъ народъ началъ разлѣниваться, какъ обработка полей ухудшилась и какъ въ массѣ колонистовъ стали пробуждаться дремавшіе въ нихъ долгое время инстинкты той безпорточной голи, какою были ихъ предки во время пріѣзда въ Россію.

Не знаемъ, въ какой степени все выше сказанное является вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности и въ какой мѣрѣ оно окрашено нѣкоторой предвзятостью мнѣнія, заранѣе не расположеннаго въ пользу нѣмца-колониста за то только, что онъ нѣмецъ-колонистъ. Не беремся судить, въ какой степени велико было богатство колоній до уничтоженія конторы, но во всякомъ случаѣ и теперь всѣ названныя колоніи представляются достаточно зажиточными и цвѣтущими даже по сравненію ихъ съ русскими раскольничьими селеніями, положеніе которыхъ тоже весьма удовлетворительно. Въ каждой колоніи есть кирка (церковь), школа; по наружному виду колоніи представляютъ собою нѣчто крайне приличное и опрятное, улицы ихъ прямы и широки, домики весьма презентабельны, имѣютъ чистенькій видъ и очень часто обсажены деревьями. Жизнь въ колоніяхъ аккуратная тихая—совсѣмъ таки въ нѣмецкомъ вкусѣ—неизмѣнно однообразная, по-нѣмецки педантичная, погруженная главнымъ образомъ въ ближайшіе интересы домашняго очага. Такою жизнью живетъ большинство обывателей названныхъ колоній. Конечно, семья не безъ урода, и среди этого большинства есть меньшинство иного пошиба. Меньшинство это двухъ видовъ—богатое, имѣющее чисто русскія широкія замашки, любящее порой кутнуть и кутнуть съ такимъ размахомъ, который по существу дѣла нѣмцу совсѣмъ не свойствененъ, и бѣдное, которое въ своей безпріютности дѣйствительно имѣетъ склонность кстати и не кстати нализаться, что называется, „до зеленаго змія“. Не такіе ли колонисты бросились въ глаза г. Велицыну и нарушили вѣрность его впечатлѣній отъ колоній вообще?

Спускаясь ниже по Волгѣ, мы приближаемся къ столицѣ нѣмецкаго волжскаго царства—Саратову.

Саратовъ въ семьѣ русскихъ губернскихъ городовъ съ его 165 тысячами жителей, съ его щеголеватыми улицами, красивыми домами, съ его конкой и хорошимъ уличнымъ освѣщеніемъ, съ его сѣтью телефоновъ и вообще всякимъ благоустройствомъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ губернскихъ городовъ какъ по своей величинѣ, такъ и по своему изящному внѣшнему виду; если же изъ этого небольшого числа щеголеватыхъ губернскихъ городовъ исключить города университетскіе, то окажется, что Саратовъ среди неуниверситетскихъ губернскихъ городовъ есть выхоленный красавчикъ-городъ, какихъ встрѣчается на Руси крайне мало. Онъ очень оживленъ, на главныхъ его улицахъ кишитъ постоянное движеніе, торговля его обширна и бойка, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ Саратовъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы туристъ, странствующій по Волгѣ, сошелъ здѣсь съ парохода и пожертвовалъ денька два-три на ознакомленіе съ городомъ.

Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи“ (изд. Цент. Стат. Ком. М. В. Д.) значится, что Саратовъ основанъ татарами въ видѣ маленькой деревушки,

называвшейся Сари-Тау, что обозначаетъ по-татарски „желтая гора“. Родоначальникомъ нынѣшняго Саратова можно считать укрѣпленный городокъ, построенный въ 1591 году на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки Саратовки, верстахъ въ 10-ти отъ нынѣшняго города, какъ разъ тамъ, гдѣ была „Желтая гора“; городокъ этотъ существовалъ всего не болѣе 13 лѣтъ и былъ разрушенъ татарами до основанія. Въ 1605 году былъ заложенъ русскими теперешній Саратовъ на его настоящемъ мѣстѣ—на правомъ берегу Волги. Такимъ образомъ, хотя въ 1891 году городъ Саратовъ и праздновалъ трехсотлѣтіе своего существованія, но на самомъ дѣлѣ существованіе это началось съ 1605 года, предшествовавшія же 13—14 лѣтъ до теперешняго Саратова не имѣли никакого касательства, относясь къ существованію другого городка, стоявшаго на другомъ берегу Волги и имѣвшаго общимъ съ нимъ только одно названіе.

Фонтанъ въ Скобелевскомъ скверѣ, въ Казани.

До XVI столѣтія Саратовскій край принадлежалъ татарамъ, что подтверждается не только названіемъ города и историческими данными, но и оставшимися до сего времени памятниками въ видѣ, напримѣръ, кургановъ, въ которыхъ при раскопкахъ находятъ серебряныя монеты съ татарскими надписями, разную татарскую утварь и т. п. Многія села и рѣчки этой мѣстности до сего времени носятъ татарскія названія. Кому принадлежалъ край прежде татаръ, не установлено исторіей, окончательное же присоединеніе его къ русскимъ владѣніямъ послѣдовало въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Съ первыхъ годовъ своего существованія до 1780 года, когда, по указу Екатерины II, учреждена Саратовская губернія, городъ Саратовъ перенесъ не мало невзгодъ.

Фотохимиграфія С. К. Кулиженко въ Кіевѣ.

УТЕСЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Несмотря на перенесеніе перваго укрѣпленнаго городка Саратова съ лѣваго берега на правый, набѣги татаръ и калмыковъ-кочевниковъ и нападенія ихъ на Саратовъ не прекратились. Скоро послѣ того къ исконнымъ врагамъ мирнаго развитія новаго города присоединилась и понизовая волжская вольница, особенно развившаяся въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Главный контингентъ этой вольницы составляли бѣглые крестьяне и казаки; всякая голытьба, искавшая воли, простора и разгула, охотно вступала въ шайки разбойниковъ. Все это жгло и грабило тамъ, гдѣ можно, а въ концѣ концовъ, собираясь въ огромныя шайки, чуть не маленькія арміи, нападало и на города, почти не имѣвшіе средствъ защищаться отъ разбойниковъ. Память о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ до сего времени не умерла въ Саратовской губерніи, сохранившись въ народныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ.

Что касается Стеньки Разина, то онъ овладѣлъ Саратовымъ хитростью: подойдя къ городскимъ стѣнамъ, разбойникъ умолялъ пустить его въ городъ помолиться въ церкви, обѣщаясь притомъ не сдѣлать никакого зла. Оробѣвшіе жители, воображая такъ легко отдѣлаться отъ страшной участи, постигавшей города, взятые Разинымъ, повѣрили его обѣщаніямъ и впустили Разина въ городъ; но вмѣстѣ съ нимъ ворвалась и вся его громадная шайка и городъ былъ разграбленъ. Больше всего Саратовъ пострадалъ отъ Пугачева.

Въ то время, когда Пугачевъ двинулся къ Саратову отъ Пензы, только что разгромленной его полчищами, городъ располагалъ менѣе чѣмъ пятьюстами человѣкъ регулярнаго войска. Трудно было защищаться съ такими ограниченными силами противъ безчисленной ватаги безшабашнаго сброда, составлявшаго армію Пугачева, а тутъ еще саратовскіе власти увеличили затрудненіе, занявшись несвоевременнымъ споромъ о томъ, кому слѣдуетъ принять начальство въ дѣлѣ защиты города,—споромъ, продолжавшимся и въ то время, когда Пугачевъ стоялъ уже подъ стѣнами города. Полковникъ Бошнякъ и статскій совѣтникъ Ладыженскій препирались о томъ, какой чинъ выше, чинъ ли полковника, или статскаго совѣтника. Въ спорѣ принималъ довольно дѣятельное участіе и поэтъ Державинъ, состоявшій въ чинѣ гвардіи поручика. Благородное состязаніе между этими тремя лицами, а главнымъ образомъ между двумя изъ нихъ, кончилось побѣдой полковника; Бошнякъ принялъ начальство надъ саратовскимъ войскомъ, а Державинъ и Ладыженскій сочли за благо удалиться изъ города, прежде чѣмъ ворвется въ него Пугачевъ. Вопросъ о судьбѣ Саратова былъ рѣшенъ очень скоро: войско полковника Бошняка, вступившее въ битву съ Пугачевымъ подъ стѣнами города, было совершенно подавлено громадной численностію пугачевцевъ, и Саратовъ преданъ самому варварскому разграбленію и всякому насилію со стороны разбойничьихъ шаекъ. Было это 5 августа 1774 года.

Не мало испыталъ невзгодъ Саратовъ отъ всякихъ внутреннихъ безпорядковъ, которымъ способствовали мѣстные воеводы, частенько являвшіе образцы такого лихоимства и творившіе такія дѣла, что хоть бы и Пугачеву впору; напримѣръ, когда Саратовымъ управлялъ воевода Хованскій, жители его не были гарантированы, какъ говорятъ, даже отъ травли медвѣдями. Уже и въ то время, когда сдѣлавшись губернскимъ городомъ, Саратовъ началъ быстро расти и богатѣть, онъ подвергался не разъ весьма серьезнымъ бѣдствіямъ; такъ, въ 1807 году онъ сильно пострадалъ отъ чумы, въ 1810 году страшный пожаръ истребилъ всю лучшую часть города, а въ 1830 году, невѣдомая до того времени болѣзнь, холера косила въ Саратовѣ че-

ловѣкъ по триста въ день, такъ что всего вымерло тогда въ городѣ до 10 тысячъ жителей; въ 1848 году холера повторилась въ еще болѣе ужасныхъ размѣрахъ.

Несмотря на всѣ напасти, народонаселеніе Саратовскаго края и города Саратова росло очень быстро, чему отчасти помогало искусственное населеніе губерніи; такъ, напримѣръ, въ 1828 году въ Саратовъ были посланы 500 семействъ, бывшихъ питомцевъ воспитательнаго дома; изъ нихъ впослѣдствіи образовались 5 селъ: Михайловское, Маріинское, Константиновское, Николаевское и Александровское. Въ торговопромышленномъ отношеніи развитіе Саратова шло также очень быстро и теперешнее его экономическое положеніе совершенно справедливо характеризуется присвоеннымъ Саратову названіемъ волжской столицы. Благодаря своей черноземной почвѣ и обширному пространству, ею занимаемому, Саратовская губернія недаромъ называется одною изъ житницъ Россіи. Главный предметъ саратовской торговли—хлѣбъ во всѣхъ его видахъ, и поэтому заводская промышленность края направлена въ особенности на обработку продуктовъ сельскаго хозяйства. Не лишнимъ будетъ также упомянуть о широко распространенномъ въ краѣ производствѣ сар-

Императорская 1-я гимназія въ Казани.

пинковыхъ издѣлій ручного ткачества, издѣлій довольно замѣчательныхъ по своей доброкачественности. Конечно, проведеніе желѣзныхъ путей къ Самарѣ, Сызрани и Царицыну является обстоятельствомъ, до извѣстной степени сокращающимъ районъ торговаго вліянія Саратова, но съ другой стороны надо принять въ разсчетъ, что Сызрань и Самара по самому своему положенію на Волгѣ могутъ лишь въ незначительной степени мѣшать торговому развитію Саратова. Гораздо болѣе сильнымъ конкуррентомъ является Царицынъ, перехватывающій у Саратова низовые волжскіе грузы, какъ рыба и соль, а за послѣднее время нефть и керосинъ. Во всякомъ случаѣ главнѣйшія статьи торговли Саратовскаго края—хлѣбъ и продукты скотоводства—остаются всегда за нимъ и составляютъ нѣчто такое, чего достаточно для развитія торговаго положенія города и губерніи.

Злобу дня для Саратова составляетъ обмелѣніе Волги, все отступающей отъ города, оставляя между собой и прежнимъ берегомъ пространство песчаной отмели,

разросшейся до такихъ предѣловъ, что въ настоящее время Саратовъ, расположенный въ прежнее время на самомъ берегу Волги, теперь отстоитъ отъ нея въ сущности безъ малаго на двѣ версты. Не мало было потрачено денегъ, не мало изобрѣталось „мѣропріятій“ и проектовъ къ устраненію такого обстоятельства, но покамѣстъ капризъ могучей рѣки продолжаетъ торжествовать надъ измышленіями разныхъ техниковъ.

Другимъ вопросомъ дня являются постоянные толки объ основаніи въ Саратовѣ университета. Слухи о томъ, что волжская столица будетъ наконецъ украшена университетомъ, носятся уже давно, и, по правдѣ сказать, университетъ въ Саратовѣ былъ бы въ высшей степени на мѣстѣ не только въ интересахъ самого города, но и въ интересахъ цѣлаго огромнаго юго-восточнаго края. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на развитіи значенія самого Саратова открытіе въ немъ университета отразилось бы въ самомъ выгодномъ видѣ.

Главная улица въ городѣ—Нѣмецкая, на которой помѣщаются главнѣйшіе магазины, а самая видная площадь—Соборная, окруженная съ трехъ сторонъ бульваромъ, называемымъ Липками. Изъ частныхъ зданій, обращающихъ на себя вниманіе своею огромностію и внѣшнимъ видомъ, мы назовемъ семиэтажный мукомольный заводъ Рейнеке, расположенный близъ такъ называемыхъ тріумфальныхъ воротъ, на берегу Волги. Тутъ же, близъ завода Рейнеке, пріютилось еще нѣсколько мукомольныхъ заводовъ. Затѣмъ отмѣтимъ богато отдѣланный домъ Кокуева на Сергіевской улицѣ и Борыкинскій вокзалъ, построенный на берегу Волги на сваяхъ и служащій однимъ изъ лѣтнихъ увеселительныхъ заведеній Саратова.

Какъ на выдающуюся достопримѣчательность города, укажемъ на Радищевскій музей, устроенный средствами и заботами города и профессора Боголюбова (Радищевъ былъ его дѣдомъ); открытъ музей 29 іюня 1885 года. Всѣхъ предметовъ въ Радищевскомъ музеѣ насчитываютъ до 4000; многіе изъ нихъ пожертвованы Высочайшими особами, Императорской Академіей художествъ, Эрмитажемъ, Боголюбовымъ, К. М. Радищевой, А. Н. Пыпинымъ и другими. Такимъ образомъ въ музеѣ сосредоточилась весьма интересная коллекція самыхъ разнообразныхъ предметовъ; въ немъ вы увидите, напримѣръ, два прекрасныхъ портрета Тургенева, маску, снятую съ лица покойнаго писателя, слѣпокъ съ его руки, небольшое кресло, въ которомъ онъ проводилъ свои послѣдніе дни (все это пожертвовано г-жей Віардо); далѣе вы найдете коллекцію пожертвованныхъ профессоромъ Боголюбовымъ рисунковъ, въ числѣ которыхъ имѣется 39 прекрасно исполненныхъ акварелей; затѣмъ вы увидите пожертвованныя А. Н. Пыпинымъ (саратовскій уроженецъ) гипсовую маску, снятую съ покойнаго Шевченко и коллекцію автографовъ различныхъ русскихъ писателей, какъ-то: Тургенева, Салтыкова, Некрасова, Костомарова, Помяловскаго, Дружинина, Даля, Кавелина и другихъ; въ музеѣ же находятся пожертвованный В. Л. Нарышкинымъ портретъ старика начетчика работы Крамского, богатый поясъ Пугачева, подаренный имъ сыну священника въ селѣ Ровномъ, и много другихъ предметовъ.

Изъ саратовскихъ храмовъ замѣчательны: Казанская церковь, основанная при основаніи самого города; при церкви этой былъ позднѣе учрежденъ мужской монастырь, переведенный въ 1822 году къ мѣстности, называемой Лысой горой; Троицкій соборъ, бывшій прежде деревяннымъ и выстроенный каменнымъ въ 1697 году по повелѣнію царей Петра и Іоанна.

Въ Саратовѣ издаются двѣ газеты—„Саратовскій Дневникъ“ и „Листокъ“.

Правый берегъ Волги, начиная отъ Саратова внизъ, представляетъ очень живописный видъ: онъ унизанъ множествомъ дачъ, хуторовъ, деревень; все это утопаетъ въ зелени садовъ, все это оживляетъ мѣстность. Далѣе же, 20 верстъ ниже Саратова, берегъ рѣзко измѣняетъ свой характеръ: онъ представляетъ рядъ голыхъ утесовъ, носящихъ общее названіе Столбичей.

Столбичи немногимъ менѣе знамениты на Волгѣ, чѣмъ Жегули; отъ нихъ собственно начинается низовой плесъ Волги. Ширина рѣки достигаетъ здѣсь до четырехъ верстъ. Картина Столбичей въ высшей степени эффектна. Вы видите здѣсь то колоссальные брустверы, изрѣзанные пещерами, то выдающіеся бугры, съ профилемъ въ высшей степени оригинальнымъ, то какія то стѣны, срывающіяся къ Волгѣ съ огромной высоты. Многіе изъ отдѣльныхъ бугровъ, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, шихановъ носятъ особыя названія, связанныя съ легендами о прежнихъ разбойникахъ. Въ ряду утесовъ бугры эти рѣзко выдѣляются своею высотою, крутыми обрывами къ Волгѣ и глубокими оврагами, отдѣляющими ихъ отъ сосѣднихъ возвышенностей.

Верстахъ въ десяти отъ Банновки, близъ деревни Лапоть, туристъ увидитъ съ парохода высокій шиханъ, круто обрывающійся къ Волгѣ и имѣющій въ высоту

Столбичи на Волгѣ.

болѣе 60 саженей. Шиханъ этотъ есть бугоръ Стеньки Разина. Говорятъ, что въ имѣющейся на бугрѣ ямѣ во время оно содержались плѣнные; правда ли это или нѣтъ, сказать, разумѣется, трудно, но вѣрно то, что яма дѣйствительно есть и что въ ней при раскопкахъ находили много костей; если эти кости остатки разинскихъ плѣнныхъ, то не трудно сообразить въ какихъ удобствахъ они содержались. По преданію, Стенька Разинъ долго жилъ на этомъ бугрѣ, причемъ жилище его было отдѣлано съ неимовѣрной роскошью, а на самой высокой точкѣ шихана стояло въ видѣ трона роскошно выдѣланное кресло. Съ этого кресла пресловутый разбойникъ слѣдилъ за проходящими по Волгѣ судами, съ него же дѣлалъ онъ распоряженія и чинилъ всякую расправу: махнетъ онъ платкомъ и судно останавливается....

Народъ твердо вѣритъ въ то, что въ бугрѣ Стеньки Разина зарытъ большой кладъ. Не мало было охотниковъ открыть этотъ кладъ, но, къ сожалѣнію, онъ никому до сего времени не дался, такъ какъ онъ заколдованъ.

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ

УРАКОВА ГОРА.

Здѣсь кстати будетъ привести мѣстную легенду, относящуюся къ бугру Стеньки Разина и зарытому въ немъ кладу.

Было это давно. Шло по Волгѣ судно, влекомое бурлаками. Когда поравнялись съ бугромъ Стеньки Разина, одинъ изъ бурлаковъ опросилъ товарищей, нѣтъ-ли среди нихъ желающихъ побывать съ нимъ на бугрѣ. Охотникъ нашелся. Сошли на берегъ,—первый бурлакъ и говоритъ товарищу: „смотри ты, что бы ни увидѣлъ, что бы ни услышалъ,—молчи“. Забрались на бугоръ и увидѣли тамъ отверстіе, прикрытое дверью; дверь была не заперта и, отворивъ ее, оба вошли въ подземелье, имѣвшее видъ роскошно убранной комнаты; въ углу помѣщался образъ Спасителя, золотая риза котораго сверкала брилліантами и самоцвѣтными камнями. Передъ образомъ теплилась лампадка, а посреди комнаты стоялъ гробъ, окованный тремя желѣзными обручами. Какъ бы нарочно припасенные, лежали возлѣ гроба огромный желѣзный молотъ и желѣзные прутья. Вдоль стѣнъ виднѣлся цѣлый рядъ боченковъ, до верху наполненныхъ золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями, а на полкахъ стояла драгоцѣнная утварь и посуда. Бурлаки помолились передъ образомъ Спасителя, а затѣмъ вожатый изъ нихъ схватилъ молотъ и разбилъ имъ обручи на гробѣ. Крышка сорвалась и ослѣпительной красоты дѣвица встала изъ гроба. „Что вамъ нужно, братцы“, спросила она—„денегъ или камней самоцвѣтныхъ? Берите всего по стольку, сколько душа ваша проситъ“. Къ удивленію своего товарища вожатый бурлакъ въ отвѣтъ на такой ласковый вопросъ красавицы схватилъ желѣзные прутья и началъ ими нещадно стегать дѣвицу, бывшую никѣмъ инымъ, какъ безбожной Маришкой. Сколько ни умоляла она его о пощадѣ,—все было напрасно: жестокіе удары сыпались на ея стройный станъ, извивавшійся отъ боли. Не вытерпѣлъ товарищъ и вскрикнулъ: „Да полно тебѣ, что ты ее хлещешь, али жалости въ тебѣ нѣтъ?“ Едва успѣлъ онъ произнести эти нѣсколько словъ, какъ невидимая сила подхватила его и выкинула за дверь, которая тотчасъ же исчезла до такой степени, что передъ глазами опомнившагося бурлака была гладкая обрывистая стѣна утеса на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ только-что передъ тѣмъ находился въ подземельѣ; и подземелье, и входъ въ него, и приведшій его сюда товарищъ все исчезло. Перепуганный бурлакъ еле добрался къ своему судну и три года послѣ того оставался нѣмымъ; когда же впослѣдствіи разсказалъ о всемъ съ нимъ случившемся, то добавилъ, что еслибъ онъ не былъ глупъ и сумѣлъ бы молчать, то они съ товарищемъ успѣли бы завладѣть иконою, что было, по словамъ вожатаго, непремѣнной необходимостью, такъ какъ только завладѣвъ иконой, можно было получить въ свои руки и весь разинскій кладъ. Что касается самого Стеньки Разина, то преданіе гласитъ, что онъ живъ по сей часъ: земля не принимаетъ его, и онъ живетъ на островахъ въ вѣчныхъ мукахъ за свое прежнее окаянство, такъ какъ и умереть онъ не можетъ и змѣя сердце его сосетъ.

Три версты ниже бугра Стеньки Разина виднѣется ущелье, называемое Дурманомъ или Тюрьмой; въ стародавнія времена ущелье это было окружено безпросвѣтнымъ лѣсомъ, попавъ въ который невозможно было изъ него выбраться. Конечно, лѣсъ этотъ съ ущельемъ служили также становищемъ разбойниковъ.

Еще ниже виднѣется огромный бугоръ, называемый Уракова гора, по имени разбойника Урака, у котораго Стенька Разинъ въ теченіе десяти лѣтъ состоялъ въ должности кашевара. Объ этомъ времени подневольнаго служенія Стеньки преданіе гласитъ слѣдующее.

Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ пришелъ Стенька сверху по Волгѣ, чуть ли не отъ Ярославля, и изъявилъ желаніе поступить въ шайку Урака, имѣвшаго свой притонъ на бугрѣ, носящемъ теперь его имя. „Ишь ты!“ ухмыльнулся Уракъ,—„Мальченка, сосунокъ,—а тоже разбойничать хочетъ! Ну, да ладно—будешь ты кашеваромъ“. Прошло нѣсколько лѣтъ и юный кашеваръ проявилъ такую наблюдательность, такую острую сообразительность и беззавѣтную храбрость, что даже самъ Уракъ былъ порою не прочь выслушать отъ него совѣтъ и замѣчаніе. Однажды Уракъ захотѣлъ задержать судно, шедшее по Волгѣ, а Стенька закричалъ ему: „брось—не стоитъ: бѣдно!“ Уракъ послушался, судно пропустилъ, но пригрозилъ Разину. Идетъ другое судно,—Стенька опять тоже. Уракъ снова послушался и пригрозилъ еще сильнѣе. Идетъ третье,—Стенька опять тоже. Тогда атаманъ, взбѣшенный окончательно, выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета. Не пошатнулся Стенька, а вынувъ изъ груди пулю, отдалъ ее Ураку, проговоривъ: „На,—пригодится“. Упалъ Уракъ отъ страха предъ такимъ чудомъ, выронилъ изъ рукъ пистолетъ, а разбойники въ ужасѣ разбѣжались. Стенька поднялъ Ураковъ пистолетъ и, даже не зарядивъ его, застрѣлилъ изъ него Урака. Съ этого момента и сдѣлался Стенька Разинъ атаманомъ Ураковой шайки. Уракъ былъ схороненъ на своемъ бугрѣ; и преданіе гласитъ, что въ теченіе 7 лѣтъ послѣ того раздавался изъ могилы его зычный крикъ—„приворачивай!“ обращенный къ проходившимъ по Волгѣ судамъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ краѣ, возрастившемъ такихъ типичныхъ разбойниковъ, какъ Уракъ, Стенька Разинъ, Ѳедька Шелудякъ и др., существуетъ множество народныхъ повѣрій о кладахъ, зарытыхъ разбойниками то тамъ, то сямъ, кладахъ, разумѣется, огражденныхъ всевозможными заговорами и колдовствомъ. Поэтому вполнѣ естественно, что весь районъ нагорнаго берега великой рѣки на томъ протяженіи, гдѣ особенно широко разгуливала волжская вольница, т. е. начиная отъ Симбирска вплоть до Царицына, переполненъ повѣрьями, легендами и разсказами о разбойникахъ и зарытыхъ ими кладахъ; при этомъ, конечно, имя Стеньки Разина фигурируетъ чаще другихъ. Таково повѣрье о шатрапскомъ кладѣ, зарытомъ, по преданію, въ селѣ Шатрапахъ, Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи; зарыто въ этомъ кладѣ 40 мѣръ-пудовокъ золота да два сундука жемчуга, да 4 пуда мѣди и принадлежало это все брату Стеньки—Ивану Разину. Кому достанется кладъ, кто сумѣетъ заговоръ его побѣдить, тотъ можетъ золото и жемчугъ себѣ взять, а мѣдь раздать нищей братіи; послѣднее, конечно, исполнить было бы не трудно, особенно имѣя въ виду 40 пудовокъ золота, но дѣло въ томъ, что кладъ до сего времени никому не дался въ руки. Другой кладъ, зарытый, по преданію, въ деревнѣ Матюниной, Сенгилейскаго уѣзда, Симбирской губерніи, еще богаче: цѣнность этого клада народное повѣрье опредѣляетъ въ 104 мил. руб. Проживавшая въ шестидесятыхъ годахъ въ селѣ Подвальи полусумасшедшая кладоискательница крестьянка Абрамова-Азовская, вѣчно старавшаяся добыть ту „разрывъ-траву“, посредствомъ которой можно овладѣть кладомъ, сообщала о немъ разсказъ до такой степени характерный, что мы считаемъ нужнымъ привести его дословно, заимствуя изъ книги г. Демьянова (206 стр.). „На дворѣ Филиппа Самсонова положенъ кладъ въ 104,000,000 рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба. Въ выходѣ стоитъ столъ; на столѣ лежитъ евангельская книга, тутъ же стоитъ и блюдо, а на блюдѣ лежитъ камень-самосвѣтъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ ихъ мѣдная шпонычка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ

да тутъ же Арсидима Божія Матерь и Никола Милостивый; передъ ихъ иконами горитъ большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро—все крестовики, жемчугъ и мѣдныя деньги—все съ конями. Около клада стоитъ приставъ (чертъ) и никому не даетъ денегъ: внезапно трава найдется съ восхода и казна туда пойдетъ,—есть подвалъ, туда и пойдетъ казна. Кто возьметъ этотъ кладъ, тому построить соборъ-церковь и поставить въ ней животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидимы Божіей Матери отнести въ Соловецкій монастырь, гдѣ она была раньше".

Въ четырехъ верстахъ отъ села Труслейки, по преданію, Разинъ также положилъ кладъ и икону Божіей Матери на пчельникѣ подъ порогомъ избушки. Кто найдетъ икону, тому дастся и кладъ; кто же станетъ искать кладъ безъ иконы, тотъ уснетъ на вѣчныя времена.

Въ двухъ верстахъ отъ села Кувая, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, имѣется небольшой курганъ въ долинѣ межъ двухъ возвышенностей, покрытыхъ лѣсомъ; въ курганѣ этомъ также зарытъ кладъ, а надъ кладомъ виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ. Въ шатрапскомъ кладѣ, о которомъ рѣчь была выше, стоитъ также икона Богородицы съ неугасимой передъ нею лампадой.

Спасскія ворота въ Казани.

Во всякомъ случаѣ самымъ цѣннымъ кладомъ въ народномъ повѣрьи является тотъ, который зарытъ въ бугрѣ Стеньки Разина и который не дался въ людскія руки, благодаря легкомысленности бурлака, не сдержавшаго обѣта молчанія. Оцѣнить его хотя бы въ такую удивительную цыфру, въ какую оцѣненъ Абрамовой-Азовской кладъ въ деревнѣ Матюниной, отказывается даже народное воображеніе.

Замѣчательно въ исторіи всѣхъ этихъ кладовъ то, что хотя они положены съ извѣстными заговорами, слѣдовательно при участіи нечистой силы, которая иногда даже присутствуетъ при кладѣ въ видѣ пристава-черта, какъ это есть въ матюнинскомъ кладѣ,—все же каждый кладъ не обходится безъ священной иконы, отысканіе и взятіе которой являются непремѣннымъ условіемъ того, чтобы кладъ дался въ руки человѣка. Трудно сказать, какъ то и другое совмѣщается въ народномъ воображеніи, но тѣмъ не менѣе оно такъ.

Къ числу не изслѣдованныхъ до сего времени памятниковъ старины въ описываемомъ районѣ принадлежитъ Укекское городище, находящееся на крутомъ берегу Волги, въ 15 верстахъ ниже Саратова.

Прошлое его остается крайне мало выясненнымъ и единственными источниками его исторіи служатъ восточные писатели; на основаніи этихъ источниковъ, Укекское городище можно считать не то буртасскимъ, не то татарскимъ поселеніемъ. Знаменитый путешественникъ Марко-Поло дѣлаетъ о немъ также упоминаніе; въ 1263 году, отправляясь изъ Константинополя ко двору сильнаго государя западныхъ татаръ по имени Барка, имѣвшаго пребываніе въ Болгарѣ, Марко-Поло прослѣдовалъ на возвратномъ пути черезъ городъ, лежавшій въ предѣлахъ государства западныхъ татаръ, который онъ и называетъ Укакъ; судя по названію и по мѣстонахожденію это и есть Укекъ, иначе говоря теперешнее Укекское городище.

Единственная небольшая раскопка, произведенная въ Укекѣ въ 1878 году профессорами Кесleромъ и Гриммомъ, открыла здѣсь остатки линіи водопровода, идущаго по направленію къ Волгѣ, устроеннаго изъ гончарныхъ трубъ, тщательно спаянныхъ цементомъ. Въ то же время находимыя здѣсь въ значительномъ количествѣ серебряныя и мѣдныя монеты, украшенія, глиняная и мѣдная посуда съ восточными орнаментами, склепы и могильныя плиты древняго кладбища и вообще различные предметы старины приводятъ къ убѣжденію, что когда-то Укекъ былъ крупнымъ центромъ древней жизни и что въ его развалинахъ хранятся слѣды древнѣйшихъ культуръ. Почти несомнѣнно, что татарское названіе Укекъ было присвоено гораздо болѣе древнему буртасскому городу, который лишь былъ взятъ татарами и ими переименованъ. По крайней мѣрѣ на укекскихъ могильныхъ памятникахъ оріенталисты находятъ слѣды погребенія до-татарскаго періода; попадающіяся тамъ кости животныхъ, выстланныя кирпичемъ площадки надъ поверхностью укекскихъ могилъ, угли и зола,—все это намекаетъ на языческое сожженіе жертвъ надъ могилами; кувшины, зарытые при могилахъ, являются также очевидными признаками не магометанскихъ обычаевъ, а скорѣе языческой тризны.

Весьма правдиво будетъ предположеніе, что именно на мѣстѣ Укека существовалъ въ до-христіанскія времена городъ Гелонъ, построенный тѣми выходцами изъ Греціи, о которыхъ еще упоминаетъ Геродотъ. Городъ этотъ былъ сожженъ Даріемъ Гистаспомъ во время его похода противъ скиѳовъ и въ то время занималъ собою пространство, имѣвшее свыше 20 верстъ въ окружности. Въ виду того, что съ одной стороны Гелонъ находился на Волгѣ, и съ другой стороны, что во всемъ районѣ, описываемомъ нами въ настоящей главѣ, есть только одно обширное городище, именно Укекское, и можно предположить, что подобно тому какъ Укекъ было лишь татарское наименованіе древняго буртасскаго города, такъ и буртасскій городъ въ свою очередь былъ ничѣмъ инымъ, какъ древнимъ Гелономъ, и что такимъ образомъ подъ теперешнимъ Укекскимъ городищемъ хранятся остатки древняго города греческихъ выходцевъ, лежавшаго на пути тогдашней ихъ широкой факторской дѣятельности. О позднѣйшей судьбѣ Укека нѣтъ точныхъ указаній и имѣются лишь нѣкоторые намеки арабскихъ писателей, что онъ былъ разрушенъ Тамерланомъ.

Изъ памятниковъ старины, въ разное время найденныхъ на Укекѣ и описанныхъ княземъ Л. Л. Голицынымъ и С. С. Краснодубровскимъ, можно особенно отмѣтить идоловъ, изъ которыхъ 7 или 8 каменные и одинъ серебряный, имѣющій видъ женщины, сидящей въ креслѣ съ руками, сложенными на животѣ, и съ подобіемъ короны на головѣ; гладко обтесанные плитняки около аршина величиной, изъ ко-

Фотоэлитография С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

САРАТОВЪ.

торыхъ нѣкоторые украшены вырѣзными полосками въ видѣ трехугольниковъ и трапецій, звѣздочками и кружочками; большой восьмиконечный крестъ древней работы; старинную печать изъ какого-то темнаго камня съ вырѣзанною на ней славянскими буквами надписью „Печать Михаила князя Черниговскаго".

Вообще нельзя не сказать, что Укекское городище давно ожидаетъ тщательныхъ раскопокъ и изслѣдованій, способныхъ освѣтить прошлую его исторію, и которыхъ оно по всѣмъ предположеніямъ вполнѣ достойно.

Изъ поселеній на пути между Саратовымъ и Камышинымъ отмѣтимъ слѣдующія.

Сосновка—на правомъ берегу Волги—нѣмецкая колонія; Ахматовка (также на правомъ берегу Волги), въ которой существуетъ постоянная переправа черезъ рѣку; Ровное—нѣмецкая колонія на лѣвомъ берегу Волги, замѣчательная въ качествѣ хлѣбной пристани и имѣющая осеннюю ярмарку съ весьма изрядным оборотомъ; Золотое—село на правомъ берегу Волги, славящееся своими вишневыми и яблочными садами, съ двумя ежегодными ярмарками: зимней Никольской и лѣтней въ Духовъ день; Банновка и Щербаковка—оба села на правомъ берегу Волги. Въ семи верстахъ подъ Камышинымъ, на покатой къ юго-западу плоскости, рѣзко видѣляются три каменныя горы, называемыя „ушами", замѣчательныя по своему геологическому строенію изъ сплошной каменной массы и по своей оргинальной формѣ.

Камышинъ—уѣздный городъ Саратовской губерніи съ 18 тысячами жителей, расположенъ на правомъ берегу Волги. Относительно качества почвы Камышинскій уѣздъ считается однимъ изъ лучшихъ въ губерніи и только южная часть его, прилегающая къ Царицынскому уѣзду, представляетъ выжженную солнцемъ степь. Имѣющій удобную пристань Камышинъ, какъ городъ, ничѣмъ особенно не замѣчателенъ.

Въ стародавнія времена, въ эпоху развитія волжскихъ разбоевъ, Камышинъ игралъ видную роль, такъ какъ рѣка Камышинка представляла для безшабашной вольницы много удобствъ и служила какъ бы столбовой дорогой, по которой легко было перебраться съ Дона на Волгу. Ею же намѣренъ былъ воспользоваться и Петръ Великій для соединенія Волги съ Дономъ путемъ прорытія канала отъ верховьевъ Камышинки къ притоку Дона, Иловли. Дѣло это не удалось, какъ кажется благодаря невѣроятному казнокрадству со стороны лицъ, которымъ было поручено выполненіе предпріятія; по крайней мѣрѣ извѣстно, что каналъ прорытъ не былъ, несмотря на большія истраченныя на него суммы, а начальникъ работъ лишилъ себя жизни въ моментъ, когда понадобилось сдавать казнѣ отчетъ въ своей дѣятельности. Способъ самоубійства былъ избранъ крайне оригинальный, совершенно въ духѣ размашистой русской натуры: проворовавшійся начальникъ сѣлъ въ экипажъ, запряженный тройкой бѣшеныхъ лошадей, взялъ въ руки вожжи и, разогнавъ всю тройку къ волжскому берегу, слетѣлъ съ кручи въ рѣку.

Вопросъ о каналѣ возбуждался и послѣ Петра Великаго; производились изысканія, составлялись проекты, но дѣло все-таки не клеилось. Кончилось все это тѣмъ, что въ 1870 году была построена желѣзная дорога, связавшая Донъ съ Волгою у Царицына.

На пути отъ Камышина къ Дубовкѣ встрѣчаются богатыя большія села, изъ которыхъ, напримѣръ, слобода Николаевская и Быковы хутора, лежащіе на лѣвомъ берегу Волги, соперничаютъ съ Камышинымъ и размѣрами торговыхъ оборотовъ, и отчасти степенью населенности. Даже въ области своей спеціальности—Камышинъ

славится арбузами, которыхъ идетъ отсюда великое множество по Волгѣ—уѣздный городъ съ трудомъ борется съ селеніемъ: Быковы хутора поставляютъ арбузовъ чуть-ли не больше Камышина и притомъ арбузы эти, извѣстные подъ именемъ „быковскихъ“, правда, не крупны, но замѣчательно вкусны и сладки; въ извѣстную пору года такихъ арбузовъ имѣется на ближайшихъ волжскихъ пристаняхъ цѣлыя горы и продаются они копѣекъ по 40 за десятокъ.

Противъ Быковыхъ хуторовъ расположено село Короваинка, названіе котораго произошло отъ оригинальной особенности праваго берега Волги въ этомъ мѣстѣ: онъ весь усѣянъ камнями-валунами, по своему цвѣту, формѣ и величинѣ до смѣшного похожими на короваи чернаго хлѣба; валуны эти очень тверды, разбивать ихъ крайне трудно, и потому они не идутъ даже на мощеніе улицъ.

Памятникъ Лобачевскому въ Казани.

Расположенный на правомъ берегу Волги ниже Камышина посадъ Дубовка былъ когда-то главнымъ городомъ волжскаго казачьяго войска; изъ этого почетнаго положенія онъ былъ разжалованъ послѣ Пугачевскаго бунта въ званіе посада, въ каковомъ и пребываетъ до настоящаго времени, не удостоиваясь чести быть хотя бы уѣзднымъ городомъ Саратовской губерніи.

Какъ волжская пристань и какъ торгово-промышленный пунктъ, Дубовка въ прежнее время игралъ очень видную роль; положеніе это измѣнилось къ худшему съ проведеніемъ Волго-Донской желѣзной дороги, нанесшей Дубовкѣ такой экономическій ударъ, отъ котораго посадъ оправится развѣ только въ томъ случаѣ, если когда-либо рельсовый путь соединитъ его съ Грязе-Царицынской желѣзной дорогой; иначе посадъ навсегда потерялъ путь сообщенія, связывающій его съ Дономъ и портами Азовскаго моря. Надо правду сказать, что все это печальное обстоятельство въ основаніи своемъ имѣло удивительную халатность и отсутствіе предпріимчивости самого посада Дубовки. Дѣло въ томъ, что еще до проведенія желѣзной дороги отъ Калача до Царицына въ Дубовкѣ существовала конно-желѣзная дорога, соединяющая посадъ

съ Дономъ; но только дорога эта отличалась весьма странной чертой: будучи проложена на всемъ протяженіи, она не доходила версты 2 до берега Волги и оканчивалась въ такомъ же, примѣрно, разстояніи отъ берега Дона. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ для грузоотправителей возникало столько лишнихъ хлопотъ и расходовъ въ видѣ нагрузокъ и разгрузокъ, что они предпочитали перевозить товары первобытнымъ способомъ, на волахъ. При видѣ длинныхъ воловьихъ поѣздовъ, направляющихся параллельно ихъ конкѣ, дубовскіе воротилы въ наивности своей не догадывались о необходимости довести оба конца конки до дѣйствительнаго конца; не догадывались они и о томъ, что какова бы ни была ихъ конка, но ею былъ до извѣстной степени подготовленъ путь для паровой желѣзной дороги, устроить которую по готовому полотну было бы, конечно, вдвойнѣ выгодно. Такая недогадливость и повела за собой естественныя послѣдствія въ видѣ экономическаго удара, отъ котораго посадъ не можетъ оправиться и до настоящаго времени.

По развитію фабрично-заводского дѣла Дубовка занимаетъ очень видное мѣсто въ Саратовской губерніи; главнѣйшій предметъ ея производства—хлѣбъ. Въ посадѣ имѣется до 20 мукомольныхъ мельницъ, сверхъ того Дубовка вырабатываетъ въ изрядномъ количествѣ ковры, по своему виду и качеству схожіе съ такъ называемыми сибирскими; продажа цвѣтовъ, и въ особенности олеандра, составляетъ тамъ также нѣкоторую отрасль промышленности; если во время навигаціи туристъ обратитъ вниманіе на изобиліе олеандровъ на различныхъ пароходныхъ конторкахъ, то пусть онъ знаетъ, что все это множество цвѣтовъ доставлено изъ Дубовки. Мѣстоположеніе посада очень красиво и видъ, открывающійся на него съ Волги, весьма недуренъ. Въ Дубовкѣ бываетъ разъ въ году такъ называемая Троицкая ярмарка, длящаяся съ 9 мая по 9 іюня. Обороты ея, бывшіе когда то довольно значительными, начали замѣтно падать съ того времени, когда посаду и его торговому значенію былъ нанесенъ указанный выше экономическій ударъ.

Глава VII.

Отъ Царицына до Астрахани.

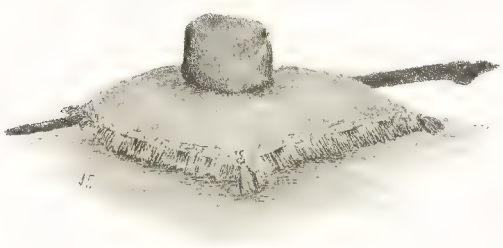
Царицынъ—уѣздный городъ Саратовской губерніи съ тридцатью пятью тысячами жителей—расположенъ на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее крошечной рѣчки Царицы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга ближе всего сходится съ Дономъ.

Относительно основанія Царицына существуетъ нѣсколько легендъ; одна изъ нихъ гласитъ, что городъ получилъ свое названіе отъ рѣки, называвшейся Царицей, потому, что по берегу ея любила гулять ханская жена; по другой легендѣ на берегу этой рѣки окончила мученической смертью одна изъ дочерей хана, тайно принявшая православіе; въ память о ней рѣчка была названа Царицей, а отсюда—названіе города. Въ сущности же Царицынъ, подобно Саратову, получилъ свое названіе отъ татарскаго слова Сари-чинъ, что обозначаетъ желтый песокъ. Въ XI вѣкѣ вся мѣстность того района, гдѣ расположенъ Царицынъ, составляла владѣнія Золотой Орды, главная ставка которой помѣщалась въ 50 верстахъ отъ Царицына, тамъ, гдѣ теперь находится городъ Царевъ Астраханской губерніи, расположенный на Ахтубѣ (главномъ протокѣ Волги).

Въ 1558 году, слѣдовательно вскорѣ послѣ покоренія Казани, была выстроена, по повелѣнію Іоанна Грознаго, на лѣвомъ берегу Волги, пять верстъ ниже теперешняго Царицына, Царицынская крѣпостца; избранное для нея мѣсто оказалось весьма неудобно, будучи каждое половодье заливаемо водой; въ виду этого, крѣпостца была перенесена на правый берегъ, на то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Царицынъ. Служба этого сторожевого пункта, стоявшаго на самой окраинѣ тогдашней Россіи, была

крайне тяжела, и полудикіе ногаи, и кочевники киргизы, и воровскія шайки казаковъ, являвшихся сюда съ Дона, и чистокровные волжскіе разбойники,—все это тѣснило Царицынъ по мѣрѣ силъ. Только съ водворенія нѣкотораго спокойствія на Волгѣ и особенно съ 1780 года, когда Царицынъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ учрежденной тогда Саратовской губерніи, начался мало-по-малу ростъ его; но и то ростъ этотъ въ первыя три четверти вѣка шелъ довольно медленно. Особенно замѣтнымъ сдѣлался онъ съ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда въ немъ было отъ 5 до 6 тысячъ жителей. За послѣдующія 40 лѣтъ населеніе это увеличилось въ 7 разъ.

Когда вы подъѣзжаете къ Царицыну, глазамъ вашимъ представляется издали широко раскинувшійся городъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ передъ нимъ. Имѣя понятіе о значеніи Царицына, расположеннаго на великомъ водномъ пути, связывающаго желѣзной дорогой Волгу съ Дономъ и въ свою очередь связаннаго желѣзными путями съ главнѣйшими центрами Россіи, зная о быстромъ ростѣ его за послѣднее время, вы ожидаете увидѣть нѣчто замѣчательное, что отвѣчало бы вашимъ мечтамъ, основаннымъ на вышеуказанныхъ соображеніяхъ; но увы, мечты ваши обманчивы! Едва вы подъѣхали къ берегу, какъ васъ поражаетъ прежде всего самый этотъ берегъ, являющій полное отсутствіе благоустройства; рытвины, канавы, ямы и никакого проѣзда во время дождей; ничѣмъ неогороженная, немощеная набережная, подмываемая ежегодно Волгой, а за нею расположенъ городъ, имѣющій видъ, съ какой бы стороны вы на него не посмотрѣли, громаднаго русско-азіатскаго селенія, къ которому пріютилось нѣсколько деревень. Все сѣро, незатѣйливо и грязно или пыльно, смотря по сезону; мостовыхъ нѣтъ, уличнаго освѣщенія почти не полагается и только торговая площадь, на которой сосредоточены магазины, лавки и пр., хоть сколько-нибудь напоминаетъ собою городъ и то городъ, лишенный всякихъ заботъ о внѣшней красотѣ, порядкѣ и опрятности.



Шапка и палка Петра I.

Рѣчка Царица раздѣляетъ городъ на 2 части, причемъ дальная часть „за Царицей“ небольшая—особенно неказиста; тамъ вокзалъ Волго-Донской желѣзной дороги. Другой вокзалъ Грязе-Царицынской дороги, служащій для царицынцевъ торговой биржей, находится въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ пароходныхъ конторъ. По части зелени Царицынъ бѣднѣе бѣднаго; безъ ежедневной обильной поливки зелень отказывается въ немъ существовать, поэтому единственный садъ города расположенъ у вокзала Грязе-Царицынской желѣзной дороги, имѣющей свой водопроводъ. Другой садъ, или правильнѣе садишка, именуемый „Конкордія“, имѣется на берегу рѣки Царицы; здѣсь подъ кущами 15—20 чахлыхъ деревьевъ ютится царицынскій лѣтній клубъ.

Изъ памятниковъ старины отмѣтимъ только палку и картузъ Петра Великаго, хранящіеся въ Царицынской городской думѣ. Исторія этихъ вещей такова: Петръ Великій въ 1723 году, передъ отъѣздомъ изъ Царицына, обратился къ народу съ фразой, характеризующей великаго преобразователя Россіи: „Вотъ вамъ моя палка! Какъ я управлялся ею съ своими друзьями, такъ и вы обороняйтесь ею отъ вра-

Фотохимитография С. В. Булыженко въ Кіевѣ.

ЦАРИЦЫНЪ.

говъ вашихъ. Какъ никто не смѣетъ картузъ сей снять съ головы моей, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить". По правдѣ сказать, этотъ историческій картузъ, прикрывавшій когда-то геніальную голову, сильно испорченъ молью, благодаря небрежному его храненію въ думѣ.

Въ Царицынѣ бываетъ, такъ называемая, „сплавная" ярмарка, обороты которой, рѣдко превышающіе четверть милліона, не очень то значительны для такого города. По части періодической печати здѣсь издается „Волго-Донской Листокъ".

Пароходы, идущіе внизъ по Волгѣ, стоятъ у Царицына довольно долго, поджидая поѣзда Грязе-Царицынской желѣзной дороги. Поэтому туристъ имѣетъ достаточно времени для осмотра Нобелевскаго городка, находящагося въ двухъ верстахъ отъ пароходныхъ пристаней и отдѣленнаго отъ города Царицына оврагомъ.

Нобелевскій городокъ занимаетъ очень изрядную площадь. Со стороны, обращенной къ городу, отдѣляется онъ каменной стѣной, а съ остальныхъ окруженъ рвомъ; нижняя часть его есть пристань, соединяющаяся съ берегомъ прочными сходнями, рядомъ съ которыми помѣщается паровая качка, подающая изъ судовъ керосинъ отъ 50 до 60 тысячъ пудовъ въ сутки. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пристани—складъ, изъ котораго керосинъ переливается въ цистерны-вагоны, направляющіеся потомъ по рельсовому пути до вокзала Грязе-Царицынской желѣзной дороги. Наливъ каждаго вагона длится не болѣе 8 минутъ и вѣсъ нагруженнаго въ него керосина съ точностью опредѣляется посредствомъ особаго механизма, расположеннаго подъ рельсами. Большой каменный корпусъ, помѣщающійся влѣво отъ склада керосина, есть складъ судовыхъ и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Далѣе туристъ поднимается по лѣстницѣ на среднюю террасу городка, гдѣ онъ увидитъ большой двухъэтажный каменный домъ, окруженный высокими тополями; въ домѣ этомъ квартиры главныхъ служащихъ, библіотека для нихъ и конторa. Поднявшись еще выше, вы увидите хорошенькіе чистенькіе домики, въ которыхъ живутъ остальные служащіе бр. Нобель; тутъ разбиты два сада—простой и фруктовый; первый изъ нихъ съ фонтаномъ посрединѣ. Это изобиліе зелени въ такомъ мѣстѣ, гдѣ поддержать ее труднѣе труднаго, въ горячей пустынѣ, гдѣ почва трескается отъ жгучихъ лучей солнца, доказываетъ болѣе всего степень заботливости о работающихъ здѣсь людяхъ. Такіе сады подъ Царицынымъ являются истиннымъ раемъ и за разведеніе ихъ, за постоянное поддержаніе въ нихъ зелени нельзя достаточно возблагодарить собственниковъ городка.

Правѣе помѣщается механическая бондарка, производившая въ былое время ежедневно до 400 керосиновыхъ бочекъ, вмѣстимостью по 20 пудовъ каждая; въ настоящее время, благодаря перевозкѣ керосина въ цистернахъ, производство бочекъ сильно сократилось и бондарный промыселъ, можно сказать, умираетъ, такъ какъ лишь самыя мелкія партіи керосина покупаются съ посудой.

Менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ конторы, отдѣленныя рвомъ и валомъ, находятся желѣзныя цистерны, вмѣщающія въ себѣ до 2 милліоновъ пудовъ керосина; каждую изъ нихъ можно соединить съ желѣзной трубой, начинающейся отъ паровой качки. Такимъ образомъ наполняются цистерны весьма легко и скоро; на случай пожара керосинъ изъ каждой цистерны можно выпустить до самаго дна не болѣе какъ въ три минуты времени по подземнымъ каменнымъ трубамъ въ особый огромный резурвуаръ. Среди площади, гдѣ цистерны расположены, стоитъ громоотводъ; вся она, какъ и склады, какъ и вообще весь Нобелевскій городокъ освѣщаются электричествомъ.

Кто видѣлъ эту мѣстность лѣтъ около 20 тому назадъ, тотъ долженъ удивиться, взглянувъ на нее теперь. Какъ много можетъ сдѣлать энергія человѣка, умно и добросовѣстно взявшагося за дѣло! Когда-то страшные овраги—притонъ бѣглыхъ и воровъ—сдѣлались неузнаваемыми по милости братьевъ Нобель; по отлогостямъ ихъ вымощены удобные каменные спуски, о которыхъ не имѣетъ понятія Царицынъ; въ бывшихъ притонахъ бѣглой голытьбы закипѣла правильная жизнь, повсюду видѣнъ слѣдъ труда и энергіи... Мѣстность Нобелевскаго городка всего 20 лѣтъ тому назадъ была довольно таки удалена отъ Царицына, но прошло какихъ-нибудь 6—7 лѣтъ дѣятельности „нефтяныхъ королей“, и городъ Царицынъ потянулся къ ней такъ, что постройки его стали почти примыкать къ Нобелевскому городку.

Весьма интересный во всѣхъ отношеніяхъ пунктъ поселенія на Волгѣ представляетъ расположенная ниже Царицына на правомъ берегу колонія Саратовской губерніи Сарепта, считающая въ настоящее время свыше 6 тысячъ жителей. Населеніе ея принадлежитъ къ религіозно-экономической ассоціаціи, извѣстной подъ именемъ гернгутеровъ, иначе евангелическаго братства (Brüderunität). Ассоціація эта первоначально сложилась изъ послѣдователей Іоанна Гусса. Въ извѣстномъ трудѣ А. Клауса (Сектаторы-колонисты Россіи) можно почерпнуть слѣдующія свѣдѣнія о прошломъ гернгутеровъ.

Отстаивая свои религіозныя убѣжденія, гусситы подвергались страшнымъ гоненіямъ со стороны римско-нѣмецкихъ императоровъ и католическаго духовенства; множество ихъ было истреблено въ Богеміи и Моравіи, скудные же остатки разбѣжались по разнымъ государствамъ. Одна изъ такихъ группъ бѣглецовъ основала въ 1722 году колонію Гернгутъ въ обширномъ имѣніи графа Цинцендорфа (въ Саксоніи), извѣстнаго въ то время покровителя всевозможныхъ сектантовъ. Въ первыя же пять лѣтъ своего существованія колонія такъ разрослась, привлекла такъ много жителей, принадлежавшихъ къ числу тѣхъ или другихъ отщепенцевъ отъ католической религіи, что въ Гернгутѣ оказались сразу люди, принадлежавшіе къ тремъ сектамъ: моравской, лютеранской и реформатской. Всѣ эти колонисты порѣшили принять вновь составленный ими статумъ и такъ явилось на свѣтъ евангелическое братство гернгутеровъ. Первоначальной цѣлью его было осуществленіе на землѣ благочестивой жизни Христа и его апостоловъ. Управленіе новой сектой было ввѣрено синодальному собранію, обязанному собираться однажды въ 7 или 8 лѣтъ, а исполнительная власть сосредоточилась въ рукахъ дирекціи. Собственность общинная, согласно статуту, была поставлена независимо отъ личной собственности, а населеніе Гернгута по поламъ; возрастамъ и другимъ условіямъ было раздѣлено на отдѣльныя корпораціи; такимъ образомъ были корпораціи: мальчиковъ, дѣвочекъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, вдовцовъ, вдовъ; каждая корпорація имѣла свое общежительство, свою экономію, отдѣльнаго попечителя, наблюдавшаго за нравственностью членовъ и отдѣльнаго старшину, вѣдавшаго внѣшними дѣлами корпораціи ея хозяйствомъ.

Братство гернгутеровъ своею безукоризненною нравственностію, трудолюбіемъ своихъ членовъ пріобрѣло множество послѣдователей, раскинувшихъ свои поселенія не только въ сѣверной и средней Германіи, но проникшихъ даже въ Англію и Сѣверную Америку. На сколько разрослось оно въ теченіе одного столѣтія своего существованія, можно судить изъ того, что лѣтъ 40 тому назадъ отъ братства работало уже до 300 миссіонеровъ, обратившихъ, напримѣръ, въ 1850 году въ христіанство до 70 тысячъ язычниковъ. Члены братства повсюду упрочили за собой славу

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

САРЕПТА.

самыхъ честныхъ мирныхъ, добросовѣстно-притязательныхъ людей. Ихъ торговыя фирмы, обезпеченныя постоянной взаимной порукой, всегда пользовались такимъ всеобщимъ довѣріемъ, такимъ широкимъ кредитомъ, которые уже сами по себѣ составляли богатство ассоціаціи. Однимъ изъ членовъ этой-то именно ассоціаціи и состоитъ наша Сарепта.

Ознакомившись съ манифестомъ Екатерины II, приглашавшей иностранцевъ-поселенцевъ въ Россію, гернгутеры тотчасъ-же откликнулись на него. Ихъ уполномоченные, по осмотрѣ довольно обширнаго района въ низовьяхъ Волги, облюбовали мѣсто ниже Царицына, при впаденіи рѣки Сарпы въ Волгу, гдѣ нынѣ находится Сарепта. Очень возможно, что названіе колоніи произошло именно отъ рѣки Сарпы, но во всякомъ случаѣ первые основатели колоніи твердо вѣрили въ то, что и мѣстность, ими облюбованная, и даже само названіе рѣки есть Божіе произволеніе, напоминавшее собою событіе изъ библейской жизни: путешествіе свое по степямъ Поволжья гернгутеры примѣнили къ странствованію пророка Иліи черезъ пустыню въ Сарепту и, дойдя до мѣста, на которомъ они рѣшили основать колонію, они основанную колонію назвали Сарептой.

Встрѣчены были гернгутеры въ Россіи, какъ самые дорогіе гости; мѣстныя власти безъ всякаго, свойственнаго тому времени волокитства, поступившись на сей разъ даже обычнымъ тогда взяточничествомъ, отрѣзали уполномоченнымъ гернгутеровъ 4443 десятины удобной земли съ придачей 11,377 десятинъ солончаковъ и предложили имъ всякое содѣйствіе по части первоначальнаго обзаведенія. Уполномоченные тотчасъ приступили къ заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ и къ постройкѣ домовъ, а въ 1770 году прибыли съ своими семействами первыя двѣсти душъ переселенцевъ-гернгутеровъ.

Удивительно энергично и разумно начали свою дѣятельность братья гернгутеры въ новой колоніи! Не прошло и двухъ лѣтъ со времени поселенія въ Сарептѣ, какъ въ колоніи, словно по мановенію волшебнаго жезла, явились и гостиница, и магазинъ, и кондитерская, и табачная фабрика, и красильня, и бойня, и заводы свѣчной и кожевенный, а въ корпораціяхъ устроились различныя мастерства: портняжное, сапожное, башмачное, столярное, плотничное, кузнечное, горшечное и пекарное. Скоро оказалась потребность въ сбытѣ предметовъ издѣлій и ремеслъ, превышавшихъ потребность самой Сарепты; братья этимъ не смутились; они учредили склады не только въ главныхъ городахъ Поволжья, но даже въ Москвѣ и Петербургѣ. Принявшись съ полнымъ усердіемъ за хлѣбопашество, новые колонисты однако скоро убѣдились, что по случаю засухъ хлѣбопашество въ этой мѣстности не представляетъ особенныхъ выгодъ; скотоводство, благодаря конкурренціи калмыковъ-кочевниковъ, также оказалось невыгоднымъ; поэтому разсудительные братья гернгутеры налегли на садоводство и табаководство. И вотъ скоро въ Сарептѣ появились каменные домики и вся колонія украсилась деревьями различныхъ породъ и клумбами цвѣтовъ, представляя собою какъ бы прелестный оазисъ въ голой степи. Единственной помѣхой служили калмыки-кочевники. Въ самой Сарептѣ, являясь туда одиночками, они не осмѣливались причинять вредъ, но это не мѣшало имъ не признавать границъ сарептскихъ владѣній, травить сарептскіе поля и луга своимъ скотомъ, угонять сарептскій скотъ и даже красть сарептскихъ дѣтей. Не легко было мирнымъ поселенцамъ бороться съ такимъ положеніемъ дѣла и крайне невыгодно было для нихъ сосѣдство дикихъ кочевниковъ, но ихъ трудолюбіе и энергія, казалось, все превозмогали. Къ счастью для нихъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ

прошлаго вѣка, калмыки ушли къ Уралу; передъ своимъ удаленіемъ они собирались было снести Сарепту съ лица земли и, конечно, исполнили бы это намѣреніе, если-бы не правительство, принявшее противъ того серьезныя мѣры.

Затѣмъ начались набѣги на низовья Волги кавказскихъ татаръ, начались разбойничества киргизовъ, перешедшихъ съ лѣваго берега Волги на правый. Казалось, положеніе маленькаго культурнаго центра предъ ежеминутно возможнымъ нападеніемъ цѣлыхъ ордъ дикарей сдѣлалось вполнѣ отчаяннымъ; но энергичные гернгутеры и тутъ не растерялись: окопавъ свою колонію рвомъ, окруживъ ее валомъ, они украсили этотъ валъ выпрошенными у правительства 12 пушками; сверхъ того, имъ было милостиво отпущено 20 человѣкъ солдатъ. Конечно, пушки и солдаты очень мало отвѣчали основной идеѣ мирнаго братства, но рѣшились къ нимъ прибѣгнуть гернгутеры въ виду положительно непреоборимой, такъ сказать, необходимости. 12 пушекъ и 20 солдатъ было немного, но отъ разбойниковъ колонисты могли защищаться и этими средствами. Иное дѣло Пугачевъ, громадныя шайки котораго приближались къ Сарептѣ въ 1773 году; тутъ уже братья всѣ поголовно бѣжали изъ колоніи, захвативъ съ собой, что было можно, и оставивъ свой хорошенькій культурный центръ на расхищеніе. Разбитый въ 40 верстахъ отъ Сарепты, Пугачевъ бѣжалъ, и поэтому колонія не была сожжена, но за то остатки пугачевскихъ шаекъ въ компаніи съ добрыми сосѣдями Сарепты, киргизами, до такой степени разграбили колонію, до того переломали и перепортили все, что не могли унести, что возвратившіеся колонисты не нашли ничего изъ оставшихся предметовъ своего хозяйства; пришлось заводиться сызнова.

Правительство, чтобы помочь братьямъ, отсрочило имъ уплату долга и продлило льготу отъ платежа податей еще на 9 лѣтъ, а заграничныя братскія общины прислали сарептскимъ гернгутерамъ 12 тысячъ рублей, что составляло большую по тогдашнему времени сумму. То и другое снова поставило колонію на ноги.

Изъ самаго Гернгута—этой столицы братскихъ общинъ—явились ревизоры и послѣдствіемъ ихъ пребыванія въ Сарептѣ оказались важныя реформы, много способствовавшія ея дальнѣйшему процвѣтанію; открывъ два училища, прибывшіе старшіе братья насадили тѣ двѣ новыя отрасли промышленности, которыя впослѣдствіи доставили Сарептѣ всероссійскую извѣстность, а именно тканье сарпинки и выдѣлку горчицы.

Немного лѣтъ прошло съ основанія Сарепты, и колонія успѣла сдѣлаться умственнымъ и промышленнымъ центромъ всѣхъ остальныхъ приволжскихъ колоній; она снабжала ихъ учителями, врачами, мастерами всевозможныхъ цеховъ, а сарептскіе магазины были въ Поволжьи единственными въ своемъ родѣ, такъ какъ изъ нихъ огромный край получалъ доброкачественные товары по нормальной цѣнѣ и безъ малѣйшаго обмана.

Въ 1775 году въ 8 верстахъ отъ Сарепты братья открыли минеральный источникъ, изъ котораго оказалось возможнымъ добывать глауберову соль и магнезію; мѣсто это не принадлежало колоніи, но сарептяне выпросили его себѣ у правительства и оно увеличило собою и безъ того многочисленныя производства Сарепты. Въ первые годы по открытіи источника въ Сарепту даже начали наѣзжать люди съ лѣчебными цѣлями, такъ что она угрожала обратиться въ курортъ; но скромная, тихая жизнь Сарепты совершенно не отвѣчаетъ тому, чего жаждетъ большинство ѣдущихъ на воды, и потому пріѣздъ лѣчащихся все сокращался ежегодно, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія сократился до нуля. Съ начала же нынѣшняго столѣтія

приходится отмѣтить и постепенное паденіе общиннаго хозяйства въ Сарептѣ. Началось дѣло съ того, что въ 1803 году пожаръ истребилъ въ Сарептѣ лѣсопильный заводъ и двѣ мельницы. Само по себѣ несчастье это было поправимо, но оно какъ бы открыло за собой цѣлую серію другихъ бѣдъ и напастей: скотскій падежъ, свирѣпствовавшій въ 1805, 1808 и 1812 годахъ, причинилъ много убытковъ; карантинъ, по случаю чумы устроенный въ 1806 году въ Астрахани и существовавшій до 1823 года, до извѣстной степени подрывалъ торговлю Сарепты; пожаръ Москвы въ 1812 году нанесъ колоніи до 400 тысячъ убытка благодаря прекращенію московскими купцами платежей; сильная торговая конкурренція со стороны развившихся къ тому времени другихъ приволжскихъ колоній. Все это вмѣстѣ взятое поставило Сарепту въ положеніе, казалось бы, безвыходное: долгъ ея возросъ до 600 тысячъ рублей и ежегодныя пособія изъ Гернгута были недостаточны для его погашенія, хотя бы медленнаго. Сарептѣ угрожало полное и окончательное банкротство, но заграничные братья снова ее выручили: центральная дирекція прислала 120 тысячъ рублей въ пособіе, 100 тысячъ рублей въ ссуду и, сверхъ того, разсрочило прежній долгъ. Къ 1820 году колонія снова и совершенно оправилась, но въ 1821 году обанкротилось ея комиссіонерство съ Саратовѣ и обанкротилось не на одну сотню тысячъ, а въ 1823 году пожаръ почти истребилъ всю колонію, нанеся ей убытокъ свыше 600 тысячъ рублей.

На сей разъ всѣ ремесленныя и промышленныя производства сразу прекратились; исчезла послѣдняя возможность произвести хоть-бы какой нибудь срочный платежъ; ни въ русскую казну, ни въ центральную дирекцію, ни по торговымъ обязательствамъ русскимъ и заграничнымъ вносить было нечѣмъ, и честные братья гернгутеры, искони вѣковъ привыкшіе аккуратно оправдывать свои обязательства, стали въ положеніе въ истинномъ смыслѣ слова отчаянное. Явился прямо таки вопросъ: быть или не быть Сарептѣ?

Гернгутъ рѣшилъ: быть. Снова были присланы денежныя пособія и сама дирекція вошла въ соглашеніе съ заграничными кредиторами Сарепты о разсрочкѣ долговъ за ея, дирекціи, поручительствомъ. Въ то же время русское правительство выдало ссуду въ 100 тысячъ рублей, да изъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ пожара на долю Сарепты выпало въ послѣдующія за пожаромъ 20 лѣтъ свыше 150 тысячъ рублей. Такимъ образомъ колонія была снова спасена.

На сей разъ центральная дирекція братства сдѣлала вторичное очень важное преобразованіе внутренняго управленія колоніи, допустивъ между прочимъ нѣкоторыя отступленія отъ статута въ смыслѣ отмѣны различныхъ ограниченій, стѣснявшихъ промышленную дѣятельность колоніи; такъ, напримѣръ, статутомъ не особенно одобрялась конкурренція, способная подрывать „приватныя“ *) ремесла, существовавшія какъ бы въ видѣ личнаго монопольнаго права; статутъ прямо воспрещалъ открытіе рядомъ съ существующимъ однороднаго съ нимъ промышленнаго заведенія. Отмѣна такого рода стѣсненія въ пользу допущенія свободной конкурренціи освободила колонію отъ множества стѣсненій и обезпечила ея благосостояніе въ будущемъ; результаты реформъ дали себя знать очень скоро: къ началу шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Сарепта не только выплатила всѣ свои долги казенные, частные и дирекціи, но и имѣла изрядный запасной капиталъ.

*) „Приватными“ назывались семейные братья общины, которые могли имѣть личную собственность, будучи членами ассоціаціи.

Правда, что отрасли промышленности, составлявшія прежде спеціальность Сарепты, какъ, напримѣръ, производства сарпинки, горчицы, сарептскаго бальзама, стали теперь достояніемъ и другихъ, развившихся уже колоній, являющихся въ этомъ дѣлѣ сильными конкуррентами Сарепты, но все же торговля ея мало-по-малу развивается. Гораздо болѣе жаль для Сарепты, перенесшей столько невзгодъ и вышедшей изъ нихъ побѣдительницей, что многіе братья гернгутеры изъ среды сарептянъ перестали удовлетворяться скромной сферой своей дѣятельности и, проникнувшись желаніемъ болѣе широкой наживы, покидали родное гнѣздо и даже отчасти порывали всѣ связи съ нимъ, унося, конечно, съ собою и свои капиталы, нажитые въ Сарептѣ; это отражается на торговомъ развитіи Сарепты гораздо вреднѣе всякой конкурренціи со стороны другихъ колоній и городовъ. Причины столь печальнаго явленія быть можетъ надо искать въ томъ, что та часть сарептской молодежи, которую отцы отправляли на выучку въ Саратовъ, Казань и т. д., возвращаясь подъ родной кровъ, послѣ привычекъ, развившихся въ нихъ отъ жизни большого города, перестаютъ удовлетворяться тихой, не въ мѣру скромной жизнью Сарепты. Жизнь эта, правда, скучновата по своему однообразію, и русскій человѣкъ не ужился бы въ ней, но все же ее отличаютъ черты чрезвычайно почтенныя.

Пройдитесь по Сарептѣ, осмотрите ее, полюбуйтесь красивыми домами, множествомъ высокихъ тополей и тѣнистыхъ деревьевъ, украшающихъ городъ, и вы восхититесь царствующими повсюду аккуратностью и порядкомъ. Куда бы вы ни кинули взглядъ, повсюду вы увидите слѣды труда, энергіи и строгой дисциплины. Среди той знойной степи, въ которой выросла Сарепта, она есть какъ бы отрадный оазисъ и, надо правду сказать, несмотря на нѣкоторыя новшества, старыя традиціи этого оазиса не пали еще до сихъ поръ. И теперь истинный сарептянинъ не только при встрѣчѣ съ своимъ, но и при встрѣчѣ съ чужимъ человѣкомъ, не скажетъ „господинъ“, а скажетъ „братъ“ и поистинѣ жаль, что такихъ настоящихъ сарептянъ становится все меньше и меньше.

По внѣшности своей Сарепта есть одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ уголковъ Поволжья: опрятная, съ мощеными улицами, съ тротуарами, обсаженными тополями, съ бассейнами чистой, прекрасной воды, она утопаетъ въ зелени, и рядомъ съ окружающей ее степью представляется путешественнику самымъ симпатичнымъ миражемъ. Во время высокой воды пароходы пристаютъ въ полуверстѣ отъ Сарепты, а по спадѣ водъ пристань переводится за двѣ версты отъ колоніи. Едва-ли нужно говорить объ одномъ изъ главнѣйшихъ производствъ Сарепты—горчицѣ; по всей вѣроятности, всякому читателю извѣстно, что Сарепта, по мѣткому выраженію, весьма популярному на Волгѣ, „огорчаетъ“ не только все Поволжье, но и всю Россію. Конечно, мы не будемъ рекомендовать читателю при остановкѣ парохода у пристани запастись этимъ мѣстнымъ продуктомъ, но тамъ найдется не мало и другихъ, въ родѣ извѣстныхъ на Волгѣ сарептскихъ пряниковъ и знаменитаго на всю Россію сарептскаго бальзама.

Правый берегъ Волги, ниже Сарепты, представляетъ картину полную довольно унылаго однообразія; мѣста поселеній удалены другъ отъ друга на большія разстоянія и, лишенныя всякой растительности, имѣютъ видъ столь же безжизненный, какъ безжизненна вся мѣстность, въ которой выжженная солнцемъ степь очередуется съ горячими песками. На лѣвомъ берегу попадаются кое-гдѣ луга и поросли дубняка. Изрѣдка предъ взглядами туриста мелькнетъ рыбачья ватага, какъ называются здѣсь маленькіе отдѣльные хутора рыбаковъ, или виднѣется вдали пара-другая ки-

битокъ кочевниковъ, кибитокъ, одиноко теряющихся въ пустынѣ, а потомъ снова унылая степь, снова раскаленный воздухъ, горячее дыханіе котораго чувствуется даже на пароходѣ, идущемъ на версту и болѣе отъ берега, особенно если дуетъ береговой, юго-восточный вѣтерокъ, несущій съ собою совершенно раскаленную атмосферу. На всемъ этомъ протяженіи Волга представляетъ картину на столько скучную, что путешественникъ, находясь на томъ же пароходѣ, съ котораго онъ только что любовался видами одинъ роскошнѣе другого, теперь ждетъ не дождется, когда его путешествію будетъ конецъ и когда онъ доберется до Астрахани. Еще пустыннѣе, и потому еще унылѣе берега главнаго протока Волги Ахтубы, тянущейся почти параллельно коренной Волгѣ на всемъ своемъ огромномъ протяженіи; Ахтуба отдѣляется отъ Волги почти напротивъ Царицына и течетъ извиваясь зигзагами до самого устья Волги, гдѣ она соединяется немного выше Краснаго яра съ однимъ изъ главныхъ рукавовъ волжской дельты; своими извилинами протокъ этотъ то приближается къ коренной Волгѣ, то отдаляется отъ нея, мѣстами сливаясь съ нею посредствомъ множества побочныхъ мелкихъ воложковъ.

Женщина татарка.

Тотчасъ за Сарептой правый берегъ Волги уже начинаетъ составлять принадлежность Астраханской губерніи; лѣвый ея берегъ еще выше Камышина начинаетъ входить въ область Астраханскаго края. Первымъ поселеніемъ Астраханской губерніи на правомъ берегу Волги мы назовемъ Каменный яръ—небольшое село, не представляющее ничего замѣчательнаго. Нѣсколько ниже его, на лѣвомъ берегу раскинуто огромное поселеніе—село Владиміровка съ 8 тысячами жителей, замѣчательное въ качествѣ хлѣбной и соляной пристани. Владиміровка соединена желѣзной дорогой съ Баскунчакскимъ озеромъ, изъ котораго добывается соль, подвозимая и рельсовымъ путемъ, и на волахъ къ Владиміровкѣ. Солевозная желѣзная дорога имѣетъ протяженіе 54 версты. До сложенія соляного налога вся добытая изъ озера соль подвозилась къ Владиміровкѣ на волахъ и складывалась здѣсь въ колоссальныя пирамиды, по 50 тысячъ пудовъ каждая. Складываніе это требовалось обязательно, такъ какъ акцизные чиновники опредѣляли количество акцизнаго сбора по предварительному исчисленію геометрическаго объема соляныхъ пирамидъ и исчисленію затѣмъ вѣса сложенной соли. По оплатѣ акцизомъ соль грузилась на баржи, а десятки тысячъ воловьихъ подводъ подвозили на пристань новую соль, изъ которой строились новыя пирамиды. Жизнь кипѣла въ то время на пристани необычайная; въ виду сдѣльной платы русскій человѣкъ, работавшій во Владиміровкѣ, дѣлалъ свое дѣло съ необычайной для него быстротой и зарабатывалъ по-

рою до 4 рублей въ сутки. Тутъ же, у пристани, ютилось множество кабаковъ и харчевень, въ которыхъ проматывались до чиста эти трудовые рубли. Кабатчики зарабатывали постольку, что скоро обращались въ солепромышленниковъ; но, конечно, болѣе всѣхъ зарабатывала казна, которой соляная Владиміровская пристань давала болѣе 3 милліоновъ рублей ежегоднаго дохода. Въ настоящее время никакихъ складовъ соли во Владиміровкѣ нѣтъ, да и быть имъ тамъ не зачѣмъ, такъ какъ соль, подвозимая желѣзной дорогой и волами, прямо грузится на суда; нѣтъ, разумѣется, и прежней кипучей дѣятельности на пристани, нѣтъ прежняго количества кабаковъ и нѣтъ прежняго разгула.

Когда русское правительство задалось высоко-справедливой цѣлью понизить стоимость соли для множества милліоновъ потребителей столь важнаго продукта, оно приступило къ постройкѣ солевозной желѣзной дороги отъ пристани Владиміровки къ Баскунчакскому озеру. Общая длина этого рельсоваго пути 54 версты, а считая его съ побочными и разъѣздными путями 72 версты. Стоимость постройки дороги простирается до 3,200,000 рублей, что составляетъ по 63 тысячи съ версты главнаго пути—цѣна казалось бы огромная, если принять въ разсчетъ, что путь пролегаетъ по совершенно ровной мѣстности, не требовавшей ни насыпей, ни выемокъ и что зданія дороги—большею частію деревянныя—имѣютъ довольно скромный видъ. Но надо принять въ разсчетъ, что подвижной составъ солевозной дороги уже по самому роду ея назначенія—подвозка столь громоздкаго и дешеваго продукта, какъ соль—очень великъ, цѣны на рабочія руки во время постройки были весьма высоки, да и самыя работы требовали немалаго труда, такъ какъ тяжелый грунтъ мѣстности—совершенно ссохшаяся глина—требовалъ не мало усилій отъ рабочихъ, поддаваясь только лому и киркѣ.

Собственно относительно Баскунчакскаго озера, какъ лежащаго на порядочномъ разстояніи въ сторонѣ отъ Волги, мы могли бы ограничиться лишь вышесказаннымъ, но въ виду важности его значенія для края мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы посвятимъ ему страничку-другую нашего очерка.

Дорога къ озеру пролегаетъ по степи, подобную которой вы даже въ Поволжьи съ трудомъ встрѣтите: ни холмика, ни деревца, ни кустика. Глинистая почва покрыта трещинами отъ царящаго здѣсь пекла. Вокругъ—подавляющая мертвая тишина. Изрѣдка мелькнетъ группа хижинъ—маленькій чумацкій поселокъ—и затѣмъ опять необозримая степь, въ которую не только не залетаетъ птица, но въ которой и изъ насѣкомыхъ вы встрѣтите развѣ только неприхотливаго тарантула.

Но, однако, на пути къ озеру вы увидите замѣчательную для подобной мѣстности игру природы: среди степи торчитъ одинокая высокая гора, вздымающаяся изъ ровнаго, окружающаго ее пространства, на высоту 80 саженъ; профиль горы крайне оригиналенъ: не нужно особеннаго воображенія, чтобъ найти въ ней сходство съ колоссальнымъ, разлегшимся къ степи чудовищемъ, голова котораго обращена къ озеру, а туловище вытянулось на 2, на 3 версты. Гора эта называется Богдо. Какимъ образомъ оказалась она въ этой гладкой и ровной степи, сказать трудно. Быть можетъ, ее вытолкнули на поверхность изъ нѣдръ земныхъ вулканическія силы. Что гора эта со всей прилегающей степью была во время оно дномъ морскимъ, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ поверхность ея усѣяна морскими раковинами и окаменѣлостями морскихъ животныхъ. Кочевники-калмыки считаютъ гору Богдо священною и приходятъ къ ней на поклоненіе. Когда вы подъѣзжаете къ Баскунчакскому озеру, предъ вами разстилается картина тѣмъ болѣе приковы-

вающая вашъ взглядъ, что увидѣть ее вы никакъ не ожидаете: среди знойной степи вы видите передъ собой какъ бы волшебствомъ раскинутую картину зимы. Озеро длиною въ 17, шириною въ 9 верстъ, сплошь покрыто какъ бы льдомъ и снѣгомъ; поближе къ берегу словно ледъ оттаялъ, и на поверхности его стоитъ вода, а на срединѣ озера разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ бѣлые бугры, имѣющіе видъ кибитокъ, запорошенныхъ снѣгомъ. Весь этотъ снѣгъ и ледъ есть соль, покрывающая Баскунчакское озеро и изъ него добытая.

Желѣзная дорога, приблизившись къ самому озеру, путями своими охватываетъ его дугой вправо и влѣво. Находясь на самомъ берегу, вы увидите, что озеро все покрыто солью, и что вода, правильнѣе говоря—разсолъ (по мѣстному выраженію „рапа“), выступаетъ надъ пластами соли на нѣсколько вершковъ. У береговъ озера

пласты лежатъ на днѣ, а далѣе къ серединѣ, гдѣ озеро очень глубоко, неизвѣстно доходятъ ли они до дна. Толщина соляного пласта такъ велика, въ особенности по серединѣ и у сѣвернаго берега, что мѣстами ее не могли пробуравить до дна. Въ южной части озера соляной пластъ много тоньше; тамъ онъ мало-по-малу обращается въ нѣкоторую солонцеватую грязь, которая считается весьма цѣлебной отъ ревматизмовъ. Выкупаться въ самомъ озерѣ, пожалуй, тоже возможно; не нужно только мочить головы и необходимо, вылѣзши изъ озера, тотчасъ облиться прѣсной водой, такъ какъ въ противномъ случаѣ все тѣло ваше будетъ покрыто соляными кристаллами, которые, не будучи смытыми, возбудятъ въ немъ сильный зудъ.

Самый процессъ добыванія соли изъ озера довольно простъ: посредствомъ лома или кирки отламываются соляныя глыбы и, раздробленныя молотомъ на куски не

очень мелкіе, сбрасываются лопатами въ разсолъ; послѣ того какъ соль освободилась отъ грязи и песка, ее выбрасываютъ изъ разсола на твердые пласты, гдѣ и укладываютъ въ пирамиды. Далѣе, смотря по тому, какимъ путемъ намѣрены везти соль, ее или грузятъ розсыпью въ вагоны, или пересыпаютъ въ холщевые мѣшки въ случаѣ отправки ея на волахъ. Строго говоря, существующая солевозная желѣзная дорога могла бы давнымъ давно совершенно убить предпріятіе возки соли на волахъ,—стоило бы для этого лишь понизить провозной тарифъ до тѣхъ минимальныхъ размѣровъ, съ которыми не могла бы конкуррировать перевозка соли волами. Но надо полагать, что надлежащаго пониженія тарифа до сего времени не сдѣлано, судя по тому, что волы фигурируютъ и по сей день; между тѣмъ борьба между двумя способами перевозки и 12 лѣтъ тому назадъ держалась въ такомъ положеніи, что казалось бы перевозка на волахъ доживаетъ свои послѣдніе дни.

Очень эффектный видъ представляетъ Баскунчакское озеро въ дни, когда стоитъ ясная тихая погода, тогда дно озера, покрытое осадкомъ затвердѣвшей соли и, слѣдовательно, имѣющее бѣлый цвѣтъ, отражается въ спокойной поверхности воды, по-

Соляной промыселъ на Баскунчакскомъ озерѣ.

лучающей чрезвычайно нѣжный свѣтло-голубой отливъ; а если принять въ разсчетъ то постоянное движеніе, которое идетъ на озерѣ, всю эту толпу кишащихъ на немъ рабочихъ-соледобывателей и чумаковъ, то нельзя не сказать, что общая картина его очень интересна и на нее весьма и весьма стоитъ взглянуть.

Что касается количества продукта, добываемаго изъ озера ежегодно, и того, сколько можно предположить его существующимъ въ озерѣ, то сообщимъ о немъ нѣкоторыя цыфровыя данныя.

Баскунчакское озеро при указанной нами выше длинѣ и ширинѣ его раскинуто на пространствѣ 113 квадр. верстъ. По вычисленію горнаго инженера Глушкова, количество соли, доступное въ немъ для разработки, свыше $2^1/_2$ милліардовъ пудовъ; что цыфра эта при всей ея огромности не есть преувеличеніе, доказываетъ слѣдующій разсчетъ: при окружности озера въ 45 верстъ, толщинѣ слоя въ 1 аршинъ на

Фотохимиграфія С. В. Булгакова въ Кіевѣ

ВЛАДИМІРОВКА.

разстояніи одной версты отъ берега, принимая вѣсъ куб. сажени соли въ 700 пудовъ, получается общій вѣсъ ея въ 2,625,000,000 пуд. Въ этомъ подсчетѣ, провѣрка котораго доступна всякому, не принято ни одного преувеличеннаго множителя; напротивъ того, толщина соляного слоя въ озерѣ несомнѣнно превышаетъ одинъ аршинъ во многихъ мѣстахъ и превышаетъ на столько, что, напримѣръ, по вычисленію другого спеціалиста, г. Гебеля, общее количество соли въ Баскунчакскомъ озерѣ столь громадно, что его можетъ хватить на безконечное время на удовлетвореніе потребностей всего населенія не только Европы, но и Азіи. Тѣмъ скромнѣе являются цыфры количества соли, добытой изъ Баскунчакскаго озера въ разные годы. Такъ въ 1874 году было добыто соли 3,7 милліона пудовъ; до 1880 года количество это постоянно росло: въ 1875 году оно выражалось въ цыфрѣ 5,5 мил. пуд., въ 1876 г. въ цыфрѣ 6,3 мил. пуд., въ 1877 году 6,8 мил. пудовъ, въ 1878 году въ цыфрѣ 7,9 мил. пудовъ, въ 1879 году оно достигло сразу 11,2 мил. пуд., въ 1880 году оно возросло до 12 мил. пуд. Съ тѣхъ поръ, подвергаясь различнымъ колебаніямъ въ смыслѣ сокращенія добычи соли, общее среднее количество ежегодно получаемаго изъ Баскунчака продукта не превышаетъ 12 мил. пудовъ. Такимъ образомъ выходитъ, что въ 1880 году при отсутствіи солевозной желѣзной дороги было добыто столько-же, сколько добывается ея и черезъ 12 лѣтъ послѣ открытія дороги и послѣ того, когда началась впервые удивительная для постороннаго взгляда борьба между рельсовымъ движеніемъ и подвозомъ товаровъ на волахъ.

Калмыцкая княгиня.

Разъ уже мы заговорили о соляныхъ промыслахъ Астраханской губерніи, не можемъ умолчать объ остальныхъ соляныхъ богатствахъ края.

Въ 80 верстахъ къ юго-востоку отъ Баскунчака возвышается группа холмовъ, изъ которыхъ самый высокій не превышаетъ 10 саженъ; холмы эти въ общемъ составляютъ соляную гору Чипчачъ. Вокругъ холмовъ—безлюдная степь, почти лишенная травы, гладкая на необозримое пространство, мѣстами покрытая передвигающимися по волѣ вѣтра песчаными буграми, называемыми барханами. Гора состоитъ почти цѣликомъ изъ чистой твердой соли. Добываніе соли на Чипчачѣ началось съ 1861 года и если оно развивалось медленно, несоотвѣтственно природному богатству горы, то, конечно, главнымъ образомъ благодаря изрядности разстоянія ея отъ ближайшей къ ней волжской пристани Владиміровки, отстоящей много болѣе чѣмъ на 100 верстъ.

Въ 95 верстахъ къ сѣверу отъ Владиміровки расположено обширное Элтонское озеро, считавшееся во время оно первѣйшимъ источникомъ добычи соли; добывалось въ немъ ежегодно отъ 6 до 10 милліоновъ пудовъ лучшаго качества самосадочной соли, которая перевозилась преимущественно къ слободѣ Николаевской, сильно разбогатѣвшей по этому случаю. Впослѣдствіи конкурренція Баскунчака сильно подорвала соляной промыселъ на Элтонѣ благодаря тому, что Баскунчакское озеро, соль котораго не хуже элтонской, находится гораздо ближе къ Волгѣ.

Въ результатѣ—цыфра добычи соли на Элтонѣ, простиравшаяся до семидесятыхъ годовъ ежегодно до 10 милліоновъ пудовъ, къ восьмидесятымъ годамъ понизилась до $2^1/_2$ милліоновъ. Озеро простирается на 20 верстъ длины при ширинѣ 16 верстъ; соли въ немъ такое громадное количество, что ея хватило бы такъ же какъ и въ Баскунчакѣ на безконечное число лѣтъ для потребностей цѣлой Европы. Въ Элтонъ впадаетъ 8 небольшихъ рѣченокъ, вода которыхъ имѣетъ горько-соленый вкусъ благодаря тому, что рѣченки протекаютъ по солончаковой степи.

Кромѣ Баскунчака и Элтона, въ Астраханской губерніи есть еще много соляныхъ озеръ, въ которыхъ ежегодно добывается соли отъ 10 до 12 милліоновъ пудовъ; но эта соль уже не вывозится изъ предѣловъ губерніи, а идетъ для мѣстной потребности, а именно на посолъ рыбы. Всѣ безъ исключенія соляныя озера въ губерніи составляютъ собственность казны.

Ниже Владиміровки, на правомъ берегу Волги, расположенъ лишенный зелени Черный Яръ—уѣздный городъ Астраханской губерніи съ 5000 жителей, городъ ничѣмъ не замѣчательный, съ отпечаткомъ самой невѣроятной скуки въ своей внутренней жизни. Еще не въ очень дальнемъ прошломъ Черный Яръ служилъ до извѣстной степени мѣстомъ административной ссылки. Немного ниже его, на правомъ же берегу рѣки, расположена знаменитая станица Ветлянка, всемірная извѣстность которой началась благодаря тому, что въ одно время она сдѣлалась гнѣздомъ чумной заразы, привлекшей въ ничѣмъ незамѣчательную до того времени Ветлянку нѣсколькихъ добросовѣстныхъ и серьезныхъ служителей науки, посѣтившихъ ее съ цѣлью изученія на мѣстѣ какъ самой болѣзни, такъ и причинъ ея возникновенія именно въ Ветлянкѣ. Разсказывать что-либо по этому поводу значило бы повторять всѣмъ давно извѣстную исторію.

Еще нѣсколько неважныхъ поселеній на правомъ берегу, какъ Грачевское, Пришибинское, Копановская,—и мы приблизились къ слѣдующему уѣздному городу Астраханской губерніи—Енотаевску съ 2000 жителей, расположенному также на правомъ берегу Волги. Основанъ Енотаевскъ въ 1741 году для защиты отъ калмыковъ. Выжженная солнцемъ голая степь и сыпучіе пески составляютъ унылую обстановку, окружающую унылый городишка. Немного ниже Енотаевска, на лѣвомъ берегу Волги, сгруппировано нѣсколько сотъ калмыцкихъ кибитокъ вокругъ каменнаго зданія, нѣсколько напоминающаго по внѣшности индійскую пагоду; поселеніе это, принадлежащее калмыцкому князю Тюменю, извѣстно подъ именемъ Тюменевки, а каменное зданіе есть хурулъ, въ которомъ калмыки совершаютъ богослуженіе. Въ Тюменевкѣ находится и управленіе Хошоутовскаго улуса. Подобное же поселеніе, но съ большимъ количествомъ русскихъ домишковъ расположено на правомъ берегу Волги, въ 4 верстахъ выше Астрахани; называется оно Калмыцкій базаръ, и въ немъ также имѣется хурулъ. Здѣсь помѣщается русская администрація въ видѣ попечителя улуса. Въ верстѣ съ небольшимъ отъ Калмыцкаго базара, выше его, расположено на самомъ берегу Волги село Хохлатское, а рядомъ съ нимъ правый берегъ Волги представляетъ обрывъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Шаринова бугра; мѣстность эта имѣетъ историческое значеніе: здѣсь существовалъ въ V—VIII вѣк. хозарскій городъ Итиль, или Атель; по другимъ же источникамъ городъ этотъ былъ именно нынѣшняя Астрахань, называвшаяся въ то время Цитрахань. Не можемъ сказать, которое изъ двухъ указаній заслуживаетъ болѣе довѣрія, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ мѣстности находилось когда-то обширное поселеніе, такъ какъ до нынѣ тамъ находятъ различныя древнія монеты, предметы домашней утвари и пр.

Добравшись до Астрахани, которой, какъ важному центру южнаго Поволжья, посвятимъ особую и послѣднюю главу нашего очерка, мы вернемся нѣсколько назадъ, чтобы сказать еще нѣсколько словъ о низовьяхъ Волги, о которыхъ мы лишь мелькомъ говорили выше.

Великая рѣка ниже Царицына поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ влѣво и течетъ въ юго-восточномъ направленіи до самаго Каспійскаго моря. Особенно замѣтенъ этотъ поворотъ близъ Сарепты, составляющей самый южный пунктъ Саратовской губерніи тамъ, гдѣ область ея врѣзывается продолговатой полосой по берегу Волги между Астраханскимъ краемъ и Донской областью, оканчиваясь острымъ угломъ именно у Сарепты. Горный хребетъ, составлявшій въ качествѣ постояннаго спутника Волги ея правый берегъ, покидаетъ здѣсь красавицу-рѣку и

подъ именемъ Эргеня направляется на югъ, гдѣ и исчезаетъ въ песчаныхъ степяхъ. Дальнѣйшая мѣстность теченія Волги, по предположеніямъ Гумбольдта, Гмелина, Палласа и другихъ ученыхъ, какъ и вся площадь теперешней Астраханской губерніи, когда-то была дномъ огромнаго тогда Каспійскаго моря, простиравшагося на сѣверѣ до Общаго Сырта, на западѣ до горъ Эргеня и на востокѣ до отроговъ Уральскихъ горъ.

Не встрѣчая, особенно на лѣвомъ берегу, никакихъ преградъ своему теченію, Волга на всемъ протяженіи своемъ отъ Сарепты до устья раздробляется на множество рукавовъ, продольныхъ и поперечныхъ протоковъ, такъ называемыхъ волжковъ; о главномъ изъ нихъ—Ахтубѣ—мы уже упоминали выше, число же осталь-

ныхъ доходитъ до 200 штукъ. Протоки эти въ видѣ маленькихъ рѣчекъ на подобіе какъ-бы естественныхъ каналовъ изрѣзываютъ здѣсь почву по всевозможнымъ направленіямъ, такъ или иначе соединяясь то съ главнымъ русломъ, то съ Ахтубой; мѣстное названіе ихъ—ёрики, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ёрикъ, врѣзавшійся въ материую землю, пробилъ себѣ путь степью, онъ называется подстёнкомъ. Бываетъ, что маленькій ёрикъ, имѣвшій поначалу видъ канавы, постепенно увеличиваясь и получая въ себя все большее и большее количество воды, расширитъ свое ложе и превратится въ настоящую рѣку, а бываетъ и такъ: высохшій съ одного конца ёрикъ образуетъ, такъ называемый ильмень, современемъ заростающій камышемъ и видомъ своимъ напоминающій болотце.

Въ весеннее время всѣ эти воложки, ёрики, подстёнки и ильмени совершенно исчезаютъ: половодье сливаетъ ихъ съ коренною Волгою въ одно общее гигантское русло, и тогда образуется одинъ цѣльный грозный водный истокъ шириною отъ 30 до 40 верстъ. Бываетъ это въ маѣ мѣсяцѣ, когда уровень воды въ Волгѣ поднимается въ верхнемъ и среднемъ теченіи рѣки на 5—6 и даже 7 саженъ, а въ нижнемъ теченіи ея на двѣ-три сажени. Въ іюнѣ, съ пониженіемъ уровня воды, постоянно оказывается, что Волга въ предѣлахъ Астраханской губерніи мельче, чѣмъ она же до Царицына; причину такого явленія надо искать именно во множествѣ побочныхъ протоковъ, на которые великая рѣка затрачиваетъ массу воды. Этими же протоками объясняется и то, въ какой мѣрѣ капризно нижнее теченіе Волги и какъ часто мѣняется тамъ расположеніе фарватера; бываетъ такъ, что тамъ гдѣ въ прошломъ году свободно проходили глубоко погруженныя въ воду суда, въ нынѣшнемъ году оказываются отмели, а бываетъ и наоборотъ. Г. Монастырскій въ книгѣ своей, изданной въ 1884 году, указываетъ, напримѣръ, на такой капризъ рѣки: противъ Астрахани существовалъ большой островъ, имѣвшій болѣе 2 верстъ длины и весь покрытый строеніями; островъ этотъ постепенно смывался весенними водами и въ заключеніе къ 1884 году его не только не существовало, но даже на его мѣстѣ оказалась огромная глубина. Подобно этому и образовываются на Волгѣ, конечно не въ одинъ пріемъ, а постепенно, новые острова: поначалу подъ водою образуется мель; затѣмъ она выступаетъ на поверхность воды и существуетъ подъ именемъ осередка, имѣющаго видъ совершенно плоскаго, еле-выдающагося надъ водой пространства почвы; осередокъ этотъ постепенно увеличивается въ размѣрахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, повышаясь и черезъ нѣсколько лѣтъ—это уже островъ, покрытый не только травой и кустами, но даже деревьями. Такихъ острововъ на Волгѣ довольно много; возникли они на памяти нынѣ живущихъ людей, а теперь уже покрыты лѣсомъ и лугами. Замѣтимъ при этомъ, что къ образованію большихъ острововъ великая рѣка склонна только не въ нижнемъ своемъ теченіи; тамъ, напротивъ того, капризы ея болѣе клонятся къ разрушенію, и если она образуетъ новые острова, то лишь маленькіе чисто-песчаные, и потому недолговѣчные, размываемые ея же теченіемъ. Разрушительное дѣйствіе теченія Волги обнаруживается и въ отношеніи береговъ ея, особенно лѣваго. Такимъ образомъ былъ оторванъ ниже Астрахани берегъ вмѣстѣ съ бывшимъ Болдинскимъ монастыремъ и оторванъ онъ былъ несмотря на всевозможныя попытки со стороны монаховъ укрѣпить берегъ фашинами и забутить его барками съ камнями.

Близъ Астрахани Волга отдѣляетъ Болдинскій рукавъ (по мѣстному, названіе просто Болда). Если вѣрить мѣстнымъ жителямъ, то рукавъ этотъ, какъ и другіе главнѣйшіе рукава устья Волги, становится все шире и шире съ каждымъ годомъ.

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ

ЧЕРНЫЙ ЯРЪ.

Такое явленіе можно объяснить слѣдующимъ путемъ: во время весенняго разлива рѣки громадная масса водъ ея, нѣсколько сдерживаемая правымъ берегомъ, со всею силой напираетъ на лѣвый берегъ, рветъ отъ него цѣлыя пространства и расширяетъ существующіе протоки, образуя кстати и новые; иногда эта масса воды дочиста смываетъ цѣлые мысы и яры, прорывая себѣ новое глубокое русло тамъ, гдѣ о немъ прежде и помину не было. По спадѣ водъ оказывается, что въ коренномъ руслѣ Волги воды убавилось, что становится понятнымъ, если принять въ разсчетъ, что масса ея протекаетъ во вновь прорытыхъ рукавахъ. Поэтому не въ уменьшеніи волжскихъ водъ тутъ дѣло—количество ихъ быть можетъ и остается одинаковымъ, а дѣло въ томъ, что воды эти, разбрасываясь по нѣсколькимъ русламъ, заставляютъ мелѣть фарватеръ коренного ея протока, въ результатѣ чего судамъ очень часто приходится ходить воложками, оставивъ въ сторонѣ коренную Волгу, обмелѣвшее русло которой весьма характерно называется въ народѣ Старой Волгой.

Рыбный промыселъ—„Зимній ловъ“.

Во всякомъ случаѣ до самой Астрахани Волга достаточно глубока, и видъ ея у Астрахани чрезвычайно величествененъ; громадная бухта можетъ вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ, но эта бухта и составляетъ послѣднее величественное звено Волги; за Астраханью рѣка разсыпается на 70 рукавовъ и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе она дробится и мелѣетъ, обращаясь въ такъ называемыя здѣсь россыпи—широкіе разливы протоковъ вродѣ взморья, въ которыхъ теряется великая рѣка. Вся ширина пространства, занятаго устьемъ Волги, считая со всѣми ея многочисленными протоками и рукавами, составляетъ протяженіе до 120 верстъ. Послѣднимъ окончаніемъ рѣки г. Монастырскій считаетъ Бакланій протокъ за Сайгачнымъ прораномъ.

Вообще говоря, сѣверный берегъ Каспійскаго моря несомнѣнно мелѣетъ благодаря повышенію морского дна; явленіе это уже замѣчается давно. Быть можетъ,

отъ этого мелѣютъ также и устья вообще рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море съ этой стороны; во всякомъ случаѣ явленіе замѣчается не по отношенію къ одной Волгѣ: также изсякло и устье Урала, также исчезли въ пескахъ степей и многія степныя рѣчки, когда-то несшія тамъ глубокія струи воды. Еще не въ очень давнее время въ астраханскій портъ морскія суда входили безпрепятственно, теперь же устья Волги стали на столько мелководны, что грузы, идущіе сверху въ море, въ Астрахани перегружаются на плоскодонныя суда, на которыхъ и доставляются къ ближайшей морской станціи, называемой „9 футъ“, отстоящей отъ Астрахани болѣе чѣмъ на 100 верстъ.

По пути ниже Енотаевска, въ промежуткахъ между казачьими станицами, на берегу Волги попадаются рыбные промыслы въ видѣ отдѣльныхъ хуторовъ, называемыхъ ватагами; непремѣнной принадлежностью каждаго такого промысла являются два-три десятка лодокъ, называемыхъ рыбницами, ледникъ для посола рыбы, называемый выходомъ, и сходни отъ берега къ выходу. Съ февраля мѣсяца на пристаняхъ и ватагахъ начинается лихорадочная дѣятельность: оправляютъ, конопатятъ и смолятъ суда и лодки, чинятъ паруса и рыболовныя сѣти, приводятъ въ порядокъ промыселъ, заподряжается рабочій людъ, стекающійся десятками тысячъ и изъ верховыхъ губерній, и степей. Невообразимая суета начинается во время вскрытія рѣкъ въ ожиданіи бѣшенки и воблы, такъ какъ именно въ это время изъ Каспійскаго моря тянется въ прѣсныя воды рыба, чтобъ метать икру. Все это рыбное богатство дѣлится въ глазахъ рыбнаго промышленника на два вида: подъ именемъ красной рыбы подразумѣваются бѣлуга, осетеръ, севрюга и шипъ; подъ именемъ частиковой рыбы подразумѣваются лососъ, бѣлорыбица, стерлядь, сазанъ, лещь, сомъ, судакъ, шемая, вобла и бѣшенка. Огромное значеніе въ сферахъ рыбнаго промысла имѣютъ вобла и бѣшенка, ежегодный уловъ которыхъ исчисляется сотнями милліоновъ штукъ *). Бѣшенка, извѣстная въ простонародьи подъ именемъ простой селедки, въ сущности и есть ничто иное, какъ сельдь, названіе же свое рыба получила отъ того, что идетъ она въ Волгу совершенно не по образу и подобію прочихъ рыбъ, а совсѣмъ таки особенно: движеніе бѣшенки совершается сплошными полосами; идетъ она цѣлымъ косякомъ, рѣзвясь притомъ дѣйствительно какъ бѣшенная; попадаетъ на весла къ гребцамъ, выпрыгиваетъ на берегъ изъ воды, идетъ, такъ сказать, несуразно, совсѣмъ какъ бѣшенная, идетъ какъ бы забавляясь, несмотря на серьезную цѣль своего путешествія—метаніе икры. Конечно, попавшія столь нечаянно на берегъ рыбы дѣлаются добычей собакъ и, сверхъ того, множество ея подаетъ прямо изъ воды въ клювы рыболововъ-сѣряковъ, чаекъ-мартышекъ, баклановъ и скоповъ. Особенно характерно и хитро поступаютъ въ этомъ случаѣ бакланы, которые обыкновенно отхватываютъ рыбу отъ косяка и начинаютъ ее гнать къ берегу, хлопая крыльями по самой водѣ изо всей силы, а затѣмъ, выгнавъ легкомысленную бѣшенку на берегъ, глотаютъ ее цѣликомъ. Въ періодъ, когда идетъ сельдь и вобла, наступаетъ самое горячее время лова; тогда народъ работаетъ день и ночь и въ ловлѣ участвуютъ всѣ, у кого имѣется хоть маленькая лодочка.

Теперь перейдемъ къ обитателямъ Астраханскаго края, о которыхъ мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ **).

*) Въ 1895 году уловъ простирался свыше 600 милліоновъ.

**) Интересный матеріалъ по этой части представляетъ трудъ П. Небольсина „Очерки Волжскаго низовья“.

Астраханскія степи съ древнѣйшихъ временъ населяются кочевыми народами, живущими то тамъ, то тутъ въ своихъ передвижныхъ шатрахъ, называемыхъ кибитками. Кибитки эти устраиваются изъ таловыхъ жердей, соединяемыхъ между собой на подобіе складной рѣшетки; рядъ такихъ раздвинутыхъ рѣшетокъ даетъ широкій цилиндръ, верхъ котораго покрываетъ конусообразная крышка. Шатеръ съ наружной стороны укрытъ по рѣшеткѣ большими полотнищами особаго войлока,

называемаго кошмой. Это своеобразное жилище, очень дешевое по своему устройству и матеріалу, изъ котораго оно изготовляется, въ сущности въ высшей степени приспособлено къ потребностямъ кочевника: оно отлично защищаетъ его отъ жара, холода, дождей и вѣтровъ и въ то же время можетъ быть собрано въ какіе нибудь полчаса времени; разобранное еще быстрѣе того и сложенное, оно занимаетъ такъ мало мѣста, что ничего не стоитъ взвалить его на спину вьючнаго животнаго.

Пищей для кочевниковъ служатъ произведенія ихъ стадъ, а главнымъ образомъ молоко въ простомъ видѣ, въ видѣ кумыса и другихъ молочныхъ продуктовъ; надо замѣтить при этомъ, что популярнѣе всего молоко кобылы, за нимъ слѣдуетъ овечье и уже въ концѣ концовъ коровье—порядокъ вещей, установившійся сообразно съ характеромъ стадъ кочевниковъ. Болѣе богатые кочевники ѣдятъ и мясо тѣхъ же животныхъ; менѣе богатые пускаютъ мясо въ продажу съ цѣлью добыть деньги какъ на расходы по домашнему хозяйству вообще, такъ и на покупку продукта, необходимаго въ кочевой жизни, а именно кирпичнаго чая; чай этотъ пьютъ съ величайшимъ наслажденіемъ буквально всѣ обитатели степей, всѣ кочевники и даже русскіе и не только въ Астраханскомъ краѣ, но и внѣ его; мясо къ качествѣ довольно цѣннаго продукта именно и служитъ предметомъ сбыта для добыванія денегъ, часть коихъ обязательно идетъ на пріобрѣтеніе дешеваго продукта чая. Наибѣднѣйшіе кочевники, не имѣющіе средствъ завести себѣ хотя бы небольшое стадо скота, идутъ на заработки или на рыбныя ватаги, или на соляныя озера, поневолѣ обращаясь хотя отчасти въ осѣдлыхъ жителей, разумѣется по стольку, по сколько передвиженіе съ одной ватаги на другую можно назвать осѣдлостью.

Въ зимнее время кочевники останавливаются на одномъ заранѣе облюбованномъ мѣстѣ; разстанавливаются кибитки и ихъ обносятъ загономъ, нѣсколько защищающимъ жилье отъ сильныхъ вѣтровъ и мятелей и въ то же время служащихъ защитой и для скота. Крупный скотъ пасется въ это время на подножномъ корму вблизи, а мелкій старательно оберегается у самой кибитки, питаясь заготовленнымъ для него сѣномъ.

Калмычка женщина.

Едва проглянетъ весною молоденькая травка, какъ кочевники покидаютъ свои зимовки, уходя съ нихъ группами семействъ, связанныхъ или родствомъ, или единствомъ интересовъ. Весь домашній скарбъ, а вмѣстѣ съ нимъ и кибитки навьючиваются на верблюдовъ, а гдѣ нѣтъ верблюдовъ—на воловъ или лошадей, и кочевая группа передвигается съ мѣста на мѣсто, избирая всегда все то-же направленіе, которому слѣдовали ихъ отцы, дѣды и прадѣды. Незатѣйливая, безпритязательная жизнь, не лишенная, однако, нѣкоторой поэзіи!

Идутъ такъ кочевники до того мѣста, гдѣ есть вода въ видѣ колодца, испытаннаго въ прошлое кочевье, и гдѣ можно пасти скотъ. Тамъ устраивается остановка и мигомъ начинаетъ кипѣть работа; мужчины подчищаютъ колодцы, приводятъ ихъ въ порядокъ и распредѣляютъ пастбища скота; конскіе табуны ведутъ въ одну сторону, стадо овецъ и барановъ въ другую, рогатый скотъ, если онъ имѣется въ изрядномъ количествѣ, въ третью. Въ это же время женщины дѣлаютъ свое дѣло: онѣ разбиваютъ палатки, размѣщаютъ въ нихъ домашній скарбъ, доятъ кобылицъ, овецъ и коровъ, готовятъ пищу и прочее. Но вотъ наконецъ трава, въ окружающемъ стоянку районѣ, вытравлена скотомъ на столько, что кормиться ему становится трудно; тогда кочевники поднимаются съ мѣста и идутъ до другого, уже намѣченнаго прошлымъ, пункта остановки. Такъ проходитъ день за днемъ все лѣто. Въ концѣ августа достигаютъ кочевыя группы конца того пути, который продѣлы-

вается изъ году въ годъ ежегодно и возвращаются назадъ или по другому направленію, также заранѣе извѣстному и опредѣленному,—это ужъ смотря по соображеніямъ, тайный смыслъ которыхъ понятенъ только кочевникамъ, всегда умѣющимъ подмѣтить тѣ ускользающія отъ обыкновеннаго глаза примѣты въ степи, которыя даютъ вѣрное понятіе о томъ, будетъ ли достаточно корма для скота на прежнемъ пути, или надо описать новую дугу прежде, чѣмъ достигнешь постоянной своей зимовки. Къ концу осени всѣ группы кочевниковъ достигаютъ своихъ зимовокъ, успѣвая къ тому времени сдѣлать достаточный запасъ сѣна, который и привозятъ съ собой для прокормленія въ теченіе зимы мелкаго скота.

Во всѣхъ этихъ скитальческихъ передвиженіяхъ существуетъ однако одинъ характерный обычай, свято соблюдаемый всѣми кочевниками; обычай этотъ—никогда ненарушимое право извѣстныхъ группъ на извѣстныя мѣста приваловъ. Никогда не случается, чтобы какая-нибудь группа кочевниковъ остановилась на привалѣ, облюбованномъ уже другою группою; каждый родъ займетъ свое обычное мѣсто, и поэтому всѣ степныя пространства, несмотря на постоянныя передвиженія кочевниковъ, все же весьма разсчетливо распредѣлены не только между улусами, но даже и между родами каждаго улуса *) и между отдѣлами каждаго рода.

Осѣдлое населеніе края въ Астраханской губерніи сосредоточивается лишь по берегамъ Волги, остальное же пространство занято постоянно передвигающимися кочевниками; калмыки занимаютъ степь по правую сторону, а каргизы по лѣвую сторону Волги.

Калмыки принадлежатъ къ монгольскому племени и въ промежуткѣ XIV—XVII вѣковъ они занимали почти всю Среднюю Азію. Въ интересахъ обезпеченія своихъ владѣній монголо-калмыки составили Ойратскій союзъ, состоявшій изъ четырехъ поколѣній: чарошъ, дурботъ, хомотъ и торгоутъ. Они были могущественны и имѣли во главѣ хана изъ поколѣнія чарошъ; ближайшимъ ихъ сосѣдямъ, китайцамъ, было отъ нихъ не сладко: провинціи Джунгарія, Гоби и Тибетъ наводнялись калмыками до такой степени, что китайское правительство было безсильно въ своемъ желаніи вытѣснить непрошенныхъ гостей. Одно изъ поколѣній союза, именно торгоуты, направилось къ западу съ намѣреніемъ покорить стра-

*) Улусъ—нѣсколько родовъ, живущихъ въ одномъ районѣ.

ны по берегамъ Тобола и Ишима; заставъ здѣсь русскихъ, торгоуты откочевали въ сторону Каспійскаго моря. Понятно, что результатомъ распространенія на столь огромномъ пространствѣ какъ отъ Каспійскаго моря до Китая и отъ Алтайскихъ горъ до Индіи, явилось разобщеніе между отдѣльными группами и нарушилось единство Ойратскаго союза. Послѣднее помогло китайцамъ справиться съ калмыками, начавъ тѣснить ихъ одно племя за другимъ, да сверхъ того и киргизы соединились воедино съ цѣлью управиться съ торгоутами и отнять у нихъ кочевки у Каспійскаго моря. Тогда торгоуты откочевали въ 1628 году за Уралъ и расположились на луговой сторонѣ Волги. Въ предѣлахъ Россіи калмыки покорили ногайцевъ близъ Ахтубы и, мало-по-малу проникнувъ даже къ средней Волгѣ, начали совмѣстно съ башкирами производить нападенія на русскія поселенія, забираясь порою довольно далеко. Поволжью начала угрожать опасность; но къ счастью въ это время одноплеменники-калмыки въ противоположной окраинѣ были покорены китайцами, поэтому глава торгоутовъ, поселившихся на Волгѣ, добровольно принялъ въ 1655 году подданство Россіи вмѣстѣ со всѣми подвластными ему калмыками, обязавшись оберегать Астраханскій край отъ киргизовъ и другихъ кочевниковъ.

Борьба калмыковъ.

Впослѣдствіи, когда императрица Екатерина II, рѣшившись взять въ крѣпкія руки вольныхъ и буйныхъ калмыковъ, въ сущности никогда не исполнявшихъ своего обязательства радѣть о пользѣ Россіи и не разбойничать, отказалась утвердить въ званіи хана главнаго владѣльца волжскихъ калмыковъ Убуши, среди калмыковъ возникло недовольство, въ результатѣ котораго въ 1771 году Убуши съ 30 тысячами кибитокъ, кочевавшихъ на луговой сторонѣ Волги, рѣшился передвинуться въ китайскія владѣнія. Въ этомъ гибельномъ пути окончательно было погребено прежнее калмыцкое величіе; проходя черезъ киргизскія степи, калмыки потеряли почти весь свой скотъ, отбитый киргизами, и очутились въ такомъ безвыходномъ положеніи, что въ Китай не пришло ихъ и пятой части; множество погибло въ дорогѣ отъ истощенія и голода, много было убито въ борьбѣ съ киргизами и столько же въ междоусобной рѣзнѣ изъ за пастбищъ. Погибли цѣлые роды... Калмыцкія сказанія гласятъ, что были долины, на которыхъ цѣлыми горами лежали кости калмыцкаго народа. Послѣ ухода Убуши въ Россіи остались только тѣ улусы калмыковъ, которые кочевали на правой сторонѣ Волги и не успѣли уйти оттуда съ своими единоплеменниками лишь случайно. Въ тотъ годъ нижнее теченіе Волги не замерзало, и такимъ образомъ только случай въ видѣ незамерзшей рѣки спасъ кочевниковъ-калмыковъ правой стороны Волги отъ гибели, постигшей ихъ соплеменниковъ, двинувшихся съ лѣвой стороны Волги въ Китай.

У калмыковъ есть свое дворянство—нойоны; за ними слѣдуютъ зайсанги (нѣчто въ родѣ почетныхъ гражданъ). Тѣ и другіе считаются благородными, такъ сказать, привилегированными сословіями и называются „бѣлой костью“; къ привилегированнымъ сословіямъ относится и духовенство; затѣмъ слѣдуютъ простолюдины, такъ называемая „черная кость“.

Калмыки—язычники, послѣдователи Ламы. Глава духовенства—Лама; старшее духовенство —гелюнги, младшее —манжики. Гелюнги, кромѣ своихъ обязанностей духовныхъ отцовъ, занимаются обыкновенно врачеваніемъ народа. Астраханскіе калмыки, эти потомки дикихъ наѣздниковъ Чингисъ-хана, теперь очень кроткій и покорный народъ. Ихъ былая отвага и дикая удаль проявляются въ настоящее время лишь въ общественныхъ играхъ: конскія скачки, называемыя „байга“, и состязанія въ борьбѣ. Въ спокойномъ состояніи калмыкъ такъ добродушенъ, что безъ особеннаго труда на глазахъ его навертываются слезы, но будучи чѣмъ-нибудь сильно раздраженъ, онъ становится чистымъ звѣремъ, обозляющимся до дикости. По природѣ своей калмыкъ прежде всего скотоводъ, и скотоводство бросаетъ онъ лишь въ томъ случаѣ, если нужда его одолѣла, скота завести не на что и приходится иными путями снискивать себѣ пропитаніе. Тогда онъ идетъ на заработокъ, и въ этой области калмыкъ—лучшій работникъ въ краѣ, сильный, выносливый и честный. На рыбныхъ промыслахъ не очень то долюбливаютъ рабочихъ изъ татаръ и русскихъ, пришедшихъ съ верховьевъ и внутреннихъ губерній, калмыковъ же берутъ на расхватъ. Да оно и понятно: только калмыкъ полезетъ въ воду въ мартѣ мѣсяцѣ; только калмыкъ согласится таскать невода съ десятками тысячъ воблы и сельдей; только калмыкъ при пятнадцатичасовой работѣ будетъ сытъ однимъ хлѣбомъ и сочтетъ себя на верху блаженства, если получитъ сверхъ того котелокъ кирпичнаго чаю. Въ страшное пекло, когда русскій рабочій, что называется, „разомлѣетъ“, иначе говоря, раскиснетъ и начнетъ работать еле двигаясь, когда даже татаринъ начнетъ хитро посматривать, нѣтъ ли гдѣ тѣни, гдѣ бы можно было передохнуть часокъ, калмыкъ вполнѣ бодро работаетъ. Даже баба калмычка въ рыболовномъ дѣлѣ наработаетъ болѣе русскаго рабочаго или татарина. Обыкновенный типъ калмыка—средній ростъ, черные волосы, узкіе глаза, выдающіяся скулы и прекрасные бѣлые зубы. Несмотря на сухость климата и на тяготу своей жизни, калмыкъ рѣдко бываетъ боленъ, развѣ только отъ неопрятности начнетъ страдать какой-нибудь накожной болѣзнію. Чахотка почти небывалое здѣсь явленіе, душевныхъ недуговъ и вообще нервныхъ болѣзней не полагается; въ случаѣ эпи-

деміи, будь-то тифозной или хотя бы холерной, калмыкъ умираетъ съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ отправляется онъ къ праотцамъ на старости лѣтъ, когда его одолѣла водянка, начинающаяся, какъ замѣчено, чаще всего въ результатѣ неумѣреннаго потребленія кирпичнаго чая. Да даже и самыя эпидеміи никогда не захватываютъ калмыковъ такъ сильной и сплошной массой, какъ это бываетъ среди осѣдлыхъ населеній; по этой части помогаетъ, конечно, не столько передвиженіе калмыковъ съ мѣста на мѣсто, сколько разсѣянность ихъ по огромному пространству.

Обыкновенная одежда калмыковъ такова: у мужчинъ—нѣчто въ родѣ русскаго зипуна, зимой обыкновенный нагольный тулупъ; шапка въ видѣ уланской, только ниже ея, надѣта набекрень; шаровары носятъ и мужчины, и женщины; женскій головной уборъ—та же шапка, что и у мужчины, съ той только разницей, что у женщинъ она франтоватѣе; у богатыхъ даже бываетъ изъ пунцоваго бархата съ золотыми позументами, а иногда такъ и прямо изъ золотой парчи. Женскій костюмъ въ сущности отличается отъ мужского только при полномъ нарядѣ, когда сверхъ суконнаго или шелковаго халата надѣвается безрукавный черный плисовый кафтанъ, обшитый красною тесьмою и вышитый разными узорами. Грудь калмычки убрана кораллами и мелкой серебряной монетой; въ косы вплетаются также кораллы; въ ушахъ большія серьги или металлическія, или сплетенныя изъ бусъ и коралловъ.

Пляска калмычекъ.

Киргизы еще въ XVI вѣкѣ были извѣстны русскимъ, встрѣчавшимъ ихъ въ верховьяхъ Енисея, Оби и Иртыша. Изъ тѣхъ мѣстъ киргизы постоянно двигались къ западу, пока не заняли своими кочевьями все пространство до береговъ Каспійскаго моря. Они дѣлились на три отрасли, называвшіяся „джюзъ“ и извѣстныя у русскихъ подъ именемъ большой орды, средней орды и малой орды. Каждая орда имѣла своего хана и именно малая орда занимала степи отъ Урала и сѣверной части Каспійскаго моря къ востоку до Аральскаго моря и хивинскихъ владѣній. Эта орда приняла русское подданство въ половинѣ прошлаго столѣтія. Во время передвиженія калмыковъ въ 1771 году съ луговой стороны Волги въ Китай, степь, прежде ими занятая, оказалась пустой, тогда одинъ изъ султановъ малой орды Букей, отдѣлившись отъ своихъ соплеменниковъ съ самостоятельною отраслью, перекочевалъ на приволжскія степи, и эта вновь сформированная орда, въ отличіе отъ зауральской и сибирской, называется внутренней Букеевской ордой. Позднѣе, въ 1812 году русское правительство пожаловало Букея титуломъ хана. Сынъ Букея—Джангеръ, умершій въ 1845 году, женился въ 1824 году на дѣвушкѣ, взятой имъ изъ образованнаго общества, Фатимѣ, дочери оренбургскаго муфтія. Молодая ханша,

имѣвшая понятіе объ удобствѣ порядочныхъ квартиръ, натолкнула мужа на сознаніе въ необходимости помѣщаться зимой не въ какой-нибудь кибиткѣ, а въ домѣ, и даже съ этою цѣлью направила мужа въ Петербургъ хлопотать о пособіи. Пособіе было дано, и Джангеръ поставилъ себѣ въ Рынъ-Пескахъ большой деревянный домъ. Скоро примѣру хана послѣдовали султаны и приближенные къ хану богатеи, и въ результатѣ явилась цѣлая группа домовъ и даже землянокъ, именующихся нынѣ Ханской ставкой.

Отъ калмыковъ по образу жизни киргизы отличаются только тѣмъ, что юрты ихъ опрятнѣе и понаряднѣе калмыцкихъ; у богатыхъ киргизовъ полъ въ юртахъ и стѣны украшаются бухарскими и даже персидскими коврами. Скотоводство киргизовъ обширнѣе калмыцкаго; ихъ султаны, біи и старшины богаче калмыцкихъ нойоновъ и зайсанговъ; что касается самого народа, т. е. простолюдиновъ, то онъ такъ же бѣденъ, какъ и калмыцкій.

Киргизы — магомене, хотя не очень ревностные; у нихъ нѣтъ ни отдѣльныхъ мусульманскихъ сектъ, ни особеннаго фанатизма. Нравы ихъ грубѣе калмыцкихъ; киргизы воинственны и до сихъ поръ извѣстны своимъ хищничествомъ; угонъ чужого скота, называемый „барантою“, до сего времени выше всего плѣняетъ умъ киргиза. Въ этой грубости нравовъ сказалось очевидное вліяніе мусульманства; кроткая религія Ламы очевидно много смягчила характеръ калмыковъ тѣмъ болѣе, что она гораздо менѣе мѣшаетъ общенію ихъ съ христіанами, чѣмъ мусульманская религія киргизовъ.

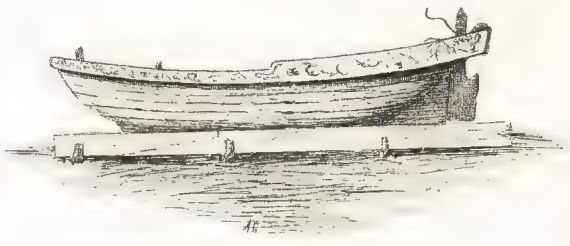
Одежда киргизовъ лучше и богаче калмыцкой; многіе изъ нихъ носятъ шелковые халаты и высокія коническія шапки. Обыкновенный головной уборъ женщинъ — два большіе бѣлые платка; одинъ, ниспадая съ головы, покрываетъ волосы, шею и плечи, другой же навертывается въ видѣ высокой шапки. Въ случаяхъ на-

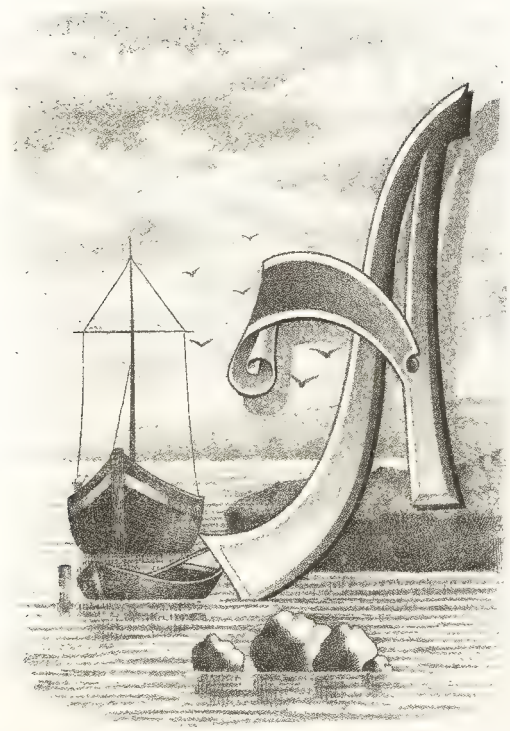
рада киргизка надѣваетъ на голову твердый колпакъ въ видѣ усѣченнаго конуса; шею и грудь женщины украшаютъ, увѣшивая ихъ въ изобиліи звонкими ожерельями, монетами, жемчугомъ, бусами и стеклярусомъ, такъ что идущую знатную киргизку можно заслышать издали, такъ позваниваетъ она въ тактъ своей походкѣ разными привѣсками. Несмотря на мусульманскую религію, киргизская женщина не знаетъ затворничества; она развязна, радушна и весьма не лишена удали, проявляющейся въ замѣчательной верховой ѣздѣ. Дѣвушка киргизка, несущаяся по степи на лихомъ скакунѣ, котораго она все время подзадориваетъ нагайкой,—картина, достойная кисти художника.

Кромѣ калмыковъ и киргизовъ, къ населенію Астраханскаго края относятся астраханскіе татары—древнѣйшіе жители Поволжья и астраханскіе казаки. Преданія астраханскихъ татаръ возводятъ происхожденіе ихъ къ третьему сыну Ноя—Іафету, который съ 8 своими сыновьями, яко бы, поселился на Волгѣ, именно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ позднѣе была Золотая Орда. Въ сущности теперешніе астраханскіе татары—остатки тѣхъ многочисленныхъ монгольскихъ царствъ, изъ которыхъ послѣднее, Кипчакское, распалось на двѣ территоріи: Крымскую—подъ вліяніемъ крымскихъ хановъ (по правую сторону Волги) и Ногайскую, гдѣ кочевала отрасль монголовъ—ногайцы. Та часть этихъ остатковъ, которая жила осѣдло, дала въ результатѣ юртовскихъ татаръ, другая же часть—прямые потомки ногаевъ—татары Кундровскіе. Астраханскіе татары—народъ серьезный, смирный, но безъ униженія, довольно хитрый и скрытный; недостатокъ ихъ—нѣкоторая слабость къ конокрадству. Несмотря на многоженство, племя астраханскихъ татаръ постепенно уменьшается въ количественномъ отношеніи, явленіе, причины котораго не выяснены.

Начало астраханскаго казачьяго войска относится къ 1730 году, когда былъ сформированъ астраханскій казачій полкъ изъ принявшихъ христіанство калмыковъ. Въ 1801 году къ войску были приписаны команды Чернаго Яра, Енотаевска и Краснаго Яра, а въ 1804 году и бывшіе волжскіе казаки, оставшіеся на Волгѣ по какимъ-нибудь причинамъ во время перевода волжскаго войска на Кавказъ въ 1777 году. Увеличеніе населенія, приписаннаго къ казакамъ, доставило возможность сформировать нѣсколько позднѣе еще два полка, что и было исполнено въ 1817 году. Общее управленіе надъ казаками въ рукахъ наказного атамана.

Званіе и должность, соединенная съ 1880 года съ должностью астраханскаго губернатора, въ одномъ лицѣ. Астраханское казачье войско надѣлено большими угодьями земли и рыболовными участками. Въ мирное время почти весь контингентъ астраханскихъ казаковъ разбросанъ по городамъ губерніи для содержанія карауловъ и по калмыцкимъ улусамъ въ видѣ конвоя для тамошняго начальства.





Глава VIII.

АСТРАХАНЬ.

Астрахань издали выглядитъ большимъ приморскимъ городомъ, хотя на самомъ дѣлѣ она удалена отъ моря на значительное разстояніе. Кореннымъ городомъ собственно можно назвать то пространство, которое заключается между Волгой, протокомъ Кутумомъ и Варваціевскимъ каналомъ, все же прочее—заселенныя въ разное время слободы и предмѣстья; древнѣйшее изъ послѣднихъ—Татарская слобода, въ которую вскорѣ послѣ покоренія Астрахани были выселены татары. Съ востока и юга примыкаютъ къ слободамъ виноградники, которыхъ въ окрестностяхъ Астрахани расположено очень много.

По самому своему мѣстонахожденію на берегахъ громадной судоходной рѣки и менѣе чѣмъ въ 90 верстахъ отъ моря, Астрахань издавна имѣла значеніе весьма важнаго торговаго пункта, играющаго выдающуюся роль въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ.

Первоначальное возникновеніе поселеній на мѣстѣ нынѣшней Астрахани и близъ нея относится къ глубокой древности. Мы уже упоминали о городѣ Атель, расположенномъ когда-то въ мѣстности Шаринова бугра. Существуетъ указаніе, что при устьѣ Волги былъ расположенъ еще городъ Балангіаръ, но все это относится къ древнѣйшему періоду IV—VIII вѣковъ, послѣ которыхъ наступаетъ какъ бы перерывъ въ области указаній, такъ какъ дальнѣйшая судьба этихъ городовъ не выяснена. Далѣе извѣстно, что въ XIII вѣкѣ именно около Каспійскаго моря владычествовала могущественная Золотая Орда; въ числѣ возникшихъ тогда татарскихъ поселеній былъ и городъ Цитрахань, о которомъ мы упоминали въ прошлой главѣ. Какъ кажется, Цитрахань расположена была на нѣсколько верстъ выше нынѣшней Астрахани и потому, если предположить, что Цитрахань есть нынѣшняя Астрахань, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо признать, что на теперешнее его мѣсто городъ перенесенъ послѣ XIII вѣка. Что касается названія Астрахань, то наиболѣе вѣроятно изъ всѣхъ предположеніе, что оно произошло отъ имени одного изъ хановъ этого города Аштара; отсюда названіе Аштаръ-ханъ, перешедшее впослѣдствіи въ Астрахань. Когда кончилось могущество Золотой Орды и резиденція хановъ, Сарай, осно-

Заводъ въ порту.

ванный Батыемъ на Ахтубѣ, въ 70 верстахъ отъ Астрахани, былъ разрушенъ союзникомъ Іоанна III Менгли-Гиреемъ, Астрахань, бывшая до того времени только богатымъ торговымъ городомъ, пріобрѣтаетъ новое важное политическое значеніе и, наконецъ, дѣлается столицею царства Астраханскаго, возникшаго на развалинахъ Золотой Орды. Въ качествѣ столицы татарскаго царства, Астрахань въ то время по характеру своихъ жителей, по своему внутреннему устройству и даже по своему виду должна была имѣть большое сходство съ Казанью, столицею однороднаго съ Астраханскимъ—царства Казанскаго. Съ XV столѣтія вошло въ обыкновеніе, что различные татарскіе царевичи и, такъ сказать, татарская золотая молодежь изъ Золотой Орды являлась на службу къ великому князю московскому; благодаря этимъ людямъ, постоянно сохранялась связь Астрахани съ Москвой, которая, однако, не очень то довѣрчиво относилась къ различнымъ дружественнымъ заявленіямъ

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

АСТРАХАНЬ.

татарской столицы. Послѣдствія доказали, что это недовѣріе имѣло основаніе; въ 1551 году астраханскій царь Ямгурчей рѣшился отдаться московскому царю и продолжать царствовать въ Астрахани на правахъ русскаго присяжника; Іоаннъ Грозный принялъ это предложеніе, но Ямгурчей оказался измѣнникомъ, задержалъ русскаго посла и даже ограбилъ его. Поплатиться за эту измѣну пришлось ему очень скоро: завоевавъ Казань, Іоаннъ Грозный рѣшился овладѣть также и Астраханью; предпріятіе это послѣ завоеванія Казани казалось тѣмъ менѣе труднымъ, что Астрахань не требовала такого огромнаго войска для взятія ея, да и самое царство Астраханское не могло быть противникомъ столь сильнымъ, какъ царство Казанское. Въ 1554 году въ Астрахань было отправлено тридцатитысячное войско подъ предводительствомъ Головина, Вяземскаго и бывшаго астраханскаго царевича Дербыша. Астраханскій царь Ямгурчей, едва узнавъ о приближеніи русскихъ, бѣжалъ изъ города, и Астрахань безъ кровопролитія отворила ворота русскимъ войскамъ, которыя и заняли городъ. Для огражденія вновь присоединеннаго владѣнія отъ нападеній кочевниковъ и разбойниковъ городъ былъ обнесенъ стѣной и полисадомъ, а въ 1582 году было приступлено къ возведенію кремля на Заячьемъ бугрѣ. Кремль этотъ строился очень долго; постройка стѣнъ его завершена въ 1692 году; окружность его равнялась тогда 945 сажнямъ, длина 225 саженямъ, а ширина 175 саженямъ. Съ восточной стороны примыкалъ къ кремлю расположенный на томъ же бугрѣ Бѣлый городъ. Воротъ въ кремлѣ было четверо: со стороны Волги подъ Красной башней, главный проходъ къ Бѣлому городу подъ соборной колокольней, Никольскія въ сѣверной части и Житныя въ южной части (отъ бывшаго тутъ житнаго двора).

Персіянинъ.

Дальнѣйшая исторія Астрахани въ теченіе болѣе двухъ столѣтій представляетъ лѣтопись тяжелыхъ событій, пережитыхъ городомъ.

Въ 1605 году астраханцы признали царемъ Лжедимитрія, несмотря на убѣжденія арх. Ѳеодосія не вѣрить самозванцу; Ѳеодосій былъ схваченъ и отвезенъ въ Москву, а домъ его разграбленъ. Послѣ смерти Лжедимитрія донскіе и терскіе казаки напали на городъ, жестоко его разграбили и требовали признанія царемъ казака Василія Елагина, фигурировавшаго подъ именемъ царевича Петра, сына Ѳеодора Іоанновича. Въ 1606 году Астрахань подверглась разграбленіямъ со стороны тѣхъ же казаковъ, а въ 1607 году астраханцы, отказавшіеся признать царемъ Василія Шуйскаго, сами пристали къ мятежникамъ. Въ 1608 году близъ Астрахани появился Заруцкій съ Мариною Мнишекъ, потребовавшій отъ окольничаго Головина покорности и почетнаго пріема для Марины. Головинъ, человѣкъ хитрый и энергичный, притворно согласился на предложеніе, но при первомъ появленіи въ

городѣ торжественнаго посольства Заруцкаго приказалъ умертвить всѣхъ посланныхъ, которыхъ было около 300 человѣкъ. Самъ Заруцкій, только по счастливой случайности не отправившійся со своими посланными, избѣжалъ ихъ участи. Не имѣвъ успѣха въ своемъ предпріятіи, Заруцкій, однако, безпокоилъ Астрахань въ теченіе почти четырехъ лѣтъ. Въ 1660 году подступили къ городу съ значительными силами татары, все время не терявшіе надежды снова овладѣть Астраханью и рѣшившіеся на сей разъ захватить ее. Жители заперлись въ кремлѣ и рѣшились защищаться до послѣдней возможности; разумныя распоряженія стольника Прозоровскаго и различныя мѣры осторожности, принятыя имъ, сдѣлали то, что первый же приступъ непріятеля былъ отбитъ съ такимъ громаднымъ для него урономъ, что онъ ушелъ отъ города.

Въ 1670 году Астрахань была взята Стенькою Разинымъ и на сей разъ пережила бѣдствіе, подобнаго которому не переживала ни до, ни послѣ того. Какъ ни энергиченъ былъ Прозоровскій, какъ ни старательно приготовился онъ къ упорной оборонѣ, но спасти города ему не довелось, и въ то время когда онъ раненный лежалъ въ соборѣ на коврѣ, а горько плакавшій митрополитъ пріобщалъ его св. Таинъ, по всему городу шли безчинства и разнузданные разинцы совершали такія злодѣйства, какія даже въ исторіи разинскаго бунта далеко не всегда имѣли мѣсто. Астраханская чернь проявила во всей ужасной наготѣ свои кровожадные, скотскіе инстинкты. По улицамъ города кровь лилась ручьями, однихъ рѣзали, другимъ рубили руки и ноги, третьихъ топили. Все принадлежавшее къ высшему классу истреблялось въ чистоту. Дворяне, чиновники, торговцы, даже приказчики изъ иностранцевъ, умерщвлялись безъ всякой жалости. Когда въ соборъ, гдѣ лежалъ воевода и куда скрылись толпы рыдающихъ женщинъ и дѣвушекъ, проникли бунтовщики, начались страшныя неистовства; израненнаго воеводу сбросили съ колокольни, спрятавшихся въ соборѣ дворянъ и купцовъ рубили передъ самымъ соборомъ мечами, а трупы ихъ бросали въ большую яму. Неудержимый грабежъ шелъ по всему городу и не только дома и торговые дворы, но даже церкви были ограблены. Оставивъ вмѣсто себя управлять Астраханью атамана Ваську Уса, Стенька Разинъ поплылъ вверхъ по Волгѣ. Васька Усъ управлялъ городомъ такъ, что всѣ ему покорялись; единственнымъ человѣкомъ, не подчинившимся новымъ порядкамъ, былъ астраханскій митрополитъ Іосифъ *), котораго не тронулъ даже самъ Стенька Разинъ. Ставленникъ Стеньки—Васька Усъ оказался жесточе своего патрона, и святитель, обличавшій жителей въ измѣнѣ и возвышавшій голосъ противъ бунтовщиковъ, воспріялъ мученическую кончину: послѣ страшной пытки его сбросили съ соборной колокольни. Вскорѣ послѣ того Васька Усъ умеръ, а Астраханью завладѣлъ царицынскій атаманъ Ѳедька Шелудякъ. Только въ 1671

Персіянка.

*) Митрополиты стали назначаться въ Астрахань съ 1667 года, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, а въ 1716 году ихъ замѣнили епископы.

году Астрахань была отнята у разбойниковъ царскими войсками, подступившими къ ней подъ предводительствомъ боярина Милославскаго.

Въ 1692 году новое бѣдствіе постигло городъ; въ половинѣ іюля открылось тамъ моровое повѣтріе, длившееся полтора года и похитившее болѣе 15 тысячъ жертвъ. Положеніе горожанъ было въ это время ужасно; оставленные на произволъ судьбы скрывшимся за городъ воеводой Хованскимъ, за которымъ послѣдовали и всѣ его подчиненные, астраханцы имѣли единственнаго, поддерживавшаго въ нихъ бодрость, человѣка въ лицѣ митрополита Савватія; за смертію священниковъ, погибшихъ отъ эпидеміи, Савватій самъ отпѣвалъ умершихъ, обходилъ зараженные дома, ободрялъ жителей, вообще дѣлалъ все, бывшее въ предѣлахъ возможности. 35 лѣтъ позднѣе моровая язва снова посѣтила Астрахань. Въ 1706 году въ городѣ вспыхнуло возмущеніе стрѣльцовъ при дѣятельномъ участіи въ этомъ бунтѣ архимандрита Вознесенскаго монастыря Рувима, недовольнаго тѣмъ, что рыбныя ловли, принадлежавшія монастырю, были взяты въ казну по царскому указу. Предлогомъ къ бунту былъ искусно пущенный въ народѣ слухъ, что царь приказалъ выдать насильно замужъ всѣхъ астраханскихъ дѣвушекъ за нѣмцевъ. Казаки и всякая голытьба, а съ ними вообще любители чужой собственности пристали къ мятежни-

Успенскій каѳедральный соборъ.

камъ, и бунтъ разросся такъ быстро, что скоро не только кремль оказался въ рукахъ бунтовщиковъ, но и весь край былъ объятъ мятежемъ. Начальствующія лица бѣжали изъ города и митрополитъ Самсонъ вынужденъ былъ уйти подъ защиту калмыцкаго хана отъ происковъ архимандрита Рувима и его приспѣшниковъ. Когда по усмиреніи бунта войсками подъ начальствомъ Шереметьева обнаружилось, что не только Рувимъ, но и вся братія Вознесенскаго монастыря принимала дѣятельное участіе въ заговорѣ, монастырь былъ закрытъ, монахи переведены въ Спасскую обитель, а на мѣстѣ Вознесенскаго монастыря учрежденъ былъ дѣвичій Іоанновскій монастырь.

Въ 1717 году образована была Астраханская губернія, теперешняя мѣстность которой входила до этого времени въ составъ Казанскаго края; окончательныя границы губерніи въ томъ видѣ, какъ онѣ есть сейчасъ, опредѣлены въ 1851 году, когда къ Астраханской губерніи отошелъ и Царевскій уѣздъ.

Въ 1806 году въ Астрахани открылась чума, унесшая тамъ множество жизней, а въ 1823 году посѣтила городъ холера, возобновившаяся затѣмъ черезъ семь лѣтъ съ еще большею силою.

Но перейдемъ къ теперешней Астрахани. Лучшее украшеніе города—стройный и величественный Успенскій каѳедральный соборъ, видимый очень издалека. Направляясь къ Астрахани, за много верстъ до нея, когда самый городъ кажется еще въ туманѣ, туристъ увидитъ издали стройный силуэтъ собора, ясно обрисовывающійся на горизонтѣ. Построенъ соборъ стараніями астраханскаго митрополита Самсона съ соизволенія Петра Великаго на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ обветшавшій каменный одноэтажный соборъ. Начата постройка въ 1699 году и окончена въ 1710 году. Храмъ двухъэтажный, при чемъ верхній этажъ во имя Успенія Божіей Матери, а нижній во имя иконы Владимірской Божіей Матери съ двумя придѣлами. Высота храма отъ средняго креста 30 саженъ; длина его 17 саж. 1 арш., ширина 12 саж. 2 арш. Внутренность храма такъ оригинальна, величественна и

Армянская церковь и нѣмецкая церковь Петра и Павла.

изящна, что туристъ, попавшій въ Астрахань, сдѣлаетъ положительно ошибку, не посѣтивъ собора и подробно не осмотрѣвъ его. Восьмиярусный иконостасъ сосредоточиваетъ въ себѣ нѣсколько образовъ истинно-художественной работы; царскія врата изъ чистаго серебра, престолъ также окованъ серебромъ; 3 богатыхъ евангелія стариннаго письма имѣются въ соборѣ; на одномъ изъ нихъ сохранилась надпись, сдѣланная рукою Никона. Въ соборѣ же сохраняется то одѣяніе митрополита Іосифа, въ которомъ онъ принялъ мученическую кончину, и два его посоха. Имѣющаяся въ соборѣ плащаница, исполненная въ 1446 году, была отобрана отъ Марины Мнишекъ, а двѣ богатыя панагіи пожертвованы императрицей Екатериной II и императоромъ Александромъ I.

Троицкій соборъ и церковь Рождества Богородицы замѣчательны своими иконами древняго письма.

Армянская церковь Петра и Павла, выстроенная въ 1763 году, также достойна

осмотра, такъ какъ въ ней есть образъ снятія Спасителя со креста, представляющій собою хорошо исполненную копію съ извѣстной картины Рафаэля.

Астраханскій кремль, о постройкѣ котораго мы говорили выше, существуетъ и понынѣ въ качествѣ интереснаго историческаго памятника; изъ 8 его башенъ сохранились четыре, называющіяся теперь Крымскою, Житною, Архіерейскою и Артиллерійскою.

Главная улица города, начинающаяся у соборной колокольни,—Московская, а самая длинная—Полицейская, начинающаяся у губернаторскаго садика. На Московской улицѣ имѣется нѣсколько зданій, выдѣляющихся своей архитектурой, а изъ зданій Полицейской улицы мы особенно отмѣтимъ персидскую мечеть. Полицейская улица пересѣкается Варваціевскимъ каналомъ, первоначально устроеннымъ въ 1744 году съ цѣлью предотвращенія наводненій. Впослѣдствіи каналъ обмелѣлъ и

мало-по-малу обратился въ клоакъ, заражавшій воздухъ зловоніемъ. Зло это было устранено за свой счетъ богачемъ Варваціемъ, истратившимъ до 600 тысячъ руб. въ 1817 году на углубленіе канала, устройство набережныхъ и мостовъ на немъ; отъ него то каналъ и получилъ свое названіе.

Варваціевскій каналъ упирается съ одной стороны въ Ямгурчеевскую слободу, бывшую когда-то городкомъ, а съ другой—въ Волгу. Тамъ каналъ отдѣляетъ таможню отъ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ порта. Такъ какъ портъ переведенъ въ 1868 году изъ Астрахани въ Баку, то мѣстность, занимаемая портомъ, отдана въ арендное содержаніе со всѣми ея механическими заводами и другими постройками пароходному обществу „Кавказъ и Меркурій“.

Вся эта мѣстность есть незабвенный памятникъ пребыванія въ Астрахани Петра Великаго. Въ 1722 году, по личномъ осмотрѣ города, великій преобразователь Россіи назначилъ мѣсто для построенія порта при сліяніи Кутума съ Волгой, близъ кремля; но четыре года позднѣе рѣшеніе это было отмѣнено, и портъ былъ заложенъ въ мѣстности, о которой мы говорили выше. Мѣстность эта—убѣжище отъ астраханской пыли и жары—прекрасный уголокъ. Возлѣ главной аллеи, окруженной зеленью, виднѣется домикъ Петра Великаго, гдѣ хранятся плезиръ-яхта и верейка, на которыхъ Петръ вмѣстѣ съ Екатериною I осматривалъ окрестности Астрахани. Тамъ же хранятся двѣ модели морскихъ судовъ, различное древнее оружіе и инструменты, употреблявшіеся для оснастки, оконопатки и починки судовъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а также хрустальная рюмка Петра Великаго вмѣстимостію около трехъ стакановъ. Существуетъ мнѣніе, что самъ императоръ лично участвовалъ въ постройкѣ плезиръ-яхты, но за достовѣрность этого трудно ручаться. Еще сравнительно очень недавно въ мѣстность порта обыватели Астрахани сходились толпами съ цѣлью полюбоваться прекрасными видами, погулять среди тѣнистыхъ аллей и подышать чистымъ воздухомъ (послѣднее далеко не вездѣ доступно въ Астрахани);

Домикъ Петра Великаго.

въ настоящее же время мѣстность порта утратила свой прежній привлекательный видъ: содержимыя въ былое время съ полной опрятностью аллеи имѣютъ теперь довольно запущенный видъ; пруды покрылись порослями и затягиваются тиной; кой-гдѣ валяются полусгнившія, заброшенныя деревья и вообще мѣстность содержится крайне неряшливо. Все это, конечно, очень жаль и совершилось оно къ стыду городского астраханскаго управленія, которое могло бы принять мѣры къ болѣе добропорядочному содержанію мѣстности, представляющей собою историческій памятникъ; и это тѣмъ болѣе, что мѣстность порта отдана обществу „Кавказъ и Меркурій“ со всѣми портовыми сооруженіями въ безвозмездное пользованіе, но именно

съ тѣмъ, чтобы оно поддерживало за свой счетъ въ полной исправности всѣ портовыя сооруженія.

Еще память о Петрѣ Великомъ сохранилась въ саду, принадлежащемъ г. Сергѣеву; тамъ тщательно оберегается дерево, посаженное руками самого преобразователя Россіи.

Въ четырехъ верстахъ отъ города, на рѣкѣ Луковкѣ расположенъ довольно древній Покровскій монастырь, основаніе котораго относится къ 1710 году. Возлѣ этого монастыря ежегодно 1 октября бываетъ народное гулянье.

Въ Астрахани издаются газеты „Астраханскій Вѣстникъ“ и „Справочный Листокъ“. Кромѣ обычныхъ для губернскаго города учебныхъ заведеній, тамъ имѣются мореходные классы. Недавно Петровское общество изслѣдователей Астраханскаго края основало въ городѣ музей для храненія мѣстныхъ древностей и предметовъ этнографіи.

Что касается рыбныхъ промысловъ, составляющихъ столь важную отрасль астраханской торговли, то они расположены на различныхъ разстояніяхъ отъ города, примѣрно отъ 7 до 100 верстъ и даже болѣе того; въ самомъ же городѣ находятся лишь рыбныя конторы различныхъ извѣстныхъ рыбопромышленниковъ, какъ Сапожникова, Базилевскаго и другихъ. Конечно, въ связи съ рыболовствомъ стоитъ отчасти и соляной примыселъ. Въ общемъ рыбнымъ промысломъ ежегодно занято до 40 тысячъ человѣкъ, разбросанныхъ по разнымъ ватагамъ Волги, и до 25 тысячъ человѣкъ, работающихъ на морскомъ ловѣ. Цѣнность всего рыбнаго улова какъ по низовьямъ Волги, такъ и въ Каспійскомъ морѣ измѣряется десятками милліоновъ рублей, судя по тому, что одинъ каспійскій уловъ приноситъ валовой выручки въ теченіе года милліоновъ двадцать.

Киргизскій ханъ и его жена.

Садоводство, огородничество и бахчеводство въ Астраханскомъ краѣ имѣютъ также огромное значеніе. Въ самой Астрахани насчитываютъ до 50 виноградныхъ садовъ, имѣющихъ около 100,000 кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Конечно, сады эти расположены не въ чертѣ города, а за нею. Изъ мѣстностей, находящихся близъ Астрахани, богатыхъ также садами, мы отмѣтимъ: село Анютино съ 125 садами, село Началово съ 112 садами и село Трехъ-Протакское съ 40 садами; во всѣхъ нихъ кромѣ фруктовыхъ деревьевъ существуютъ и виноградники.

Виноградъ появился въ Астраханской губерніи впервые въ XVII столѣтіи, когда попытку разведенія его сдѣлалъ одинъ изъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ того времени, побывавшій въ южной Европѣ и вывезшій оттуда виноградныя лозы. Опыты посадки винограда оказались удачными, но доставшій лозы владѣлецъ вскорѣ умеръ, наслѣдники же его не прилагали дальнѣйшихъ стараній къ разведенію виноградниковъ. Однако слухъ о томъ, что близъ Астрахани произрастаетъ и даже созрѣваетъ виноградъ, достигъ до царя Алексѣя Михайловича и онъ приказалъ произвести опыты посадки виноградныхъ лозъ на казенныхъ земляхъ Астраханскаго края. Виноградъ былъ выписанъ изъ Персіи и имъ засажено было 2 деся-

тины. И этотъ опытъ оказался удаченъ, а потому царь издалъ указъ, чтобъ ежегодно на казенныхъ земляхъ производилась новая посадка персидскаго винограда. Особенныхъ успѣховъ достигло виноградное дѣло въ Астраханской губерніи въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда руководилъ имъ завѣдывавшій казенными садами полковникъ Поробичъ. Съ 1787 года астраханское виноградарство находится въ частныхъ рукахъ, что же касается настоящаго времени, то астраханскіе виноградники чуть ли не начали приходить въ упадокъ по сравненію съ ихъ прошлымъ; по крайней мѣрѣ теперь нѣтъ уже тамъ тѣхъ высокихъ сортовъ винограда, какими славился 100 лѣтъ тому назадъ Астраханскій край.

Переработка винограда въ вино началась въ Астраханской губерніи именно при Поробичѣ, т. е. въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ настоящее время винодѣліемъ занимаются немногіе, и изъ садоводовъ лишь гг. Зворыкинъ и Михайловъ выдѣлываютъ красное и бѣлое вино, да и то въ довольно ограниченномъ количествѣ, такъ что въ сущности Астраханская губернія потребляетъ привозного вина чуть ли не втрое болѣе, чѣмъ своего собственнаго. Только за послѣдніе годы начинаютъ снова замѣчаться нѣкоторыя стремленія среди астраханскихъ сельскихъ хозяевъ разводить фруктовые сады и виноградники; довольно обширныя плантаціи засаживаются виноградомъ, персиками, абрикосами, грушами, сливами, айвой, яблонями и вишнями; плодовыя деревья для этого выписываются изъ Персіи, съ Кавказа и изъ Крыма. Нельзя не пожелать, чтобы эти вновь зарождающіяся стремленія развивались все въ болѣе и болѣе широкіе размѣры; астраханскій климатъ, какъ доказано опытомъ прошлаго столѣтія, до такой степени способствуетъ не только фруктовому садоводству, но и виноградарству, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ: дѣло это будетъ имѣть надлежащій успѣхъ, если къ нему будутъ приложены соотвѣтственныя заботы и старанія. За послѣдніе два-три года нѣкоторые частные предприниматели дѣлали въ Астрахани попытки возобновить и поднять заброшенное тамъ занятіе шелководствомъ; опыты эти пока оказывались успѣшными.

Пляска персовъ.

Торговля Астрахани весьма разнообразна. Городъ служитъ мѣстомъ склада товаровъ, вывозимыхъ изъ Персіи и обратно изъ Россіи, пунктомъ разгрузки и перегрузки всего, перевозимаго водою съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ. Трудно было бы перечислить названіе всѣхъ тѣхъ продуктовъ и товаровъ, съ которыми имѣетъ дѣло астраханская торговля! Тутъ есть и хлѣбные продукты, и фрукты, и рыбный товаръ, и хлопокъ, и продукты нефтяного производства, и чего чего только не встрѣтишь въ перечнѣ товаровъ, составляющихъ предметъ внѣшней торговли Астраханскаго края. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ обороты астраханскаго привоза и вывоза достигали громадныхъ цыфръ 150 мил. пудовъ и 170 мил. рублей. Съ тѣхъ поръ они все росли, и къ настоящему времени общій оборотъ всего привоза и вывоза, выраженный въ рубляхъ, конечно, превышаетъ 200 милліоновъ.

Фотохимиграфія С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

АСТРАХАНЬ.

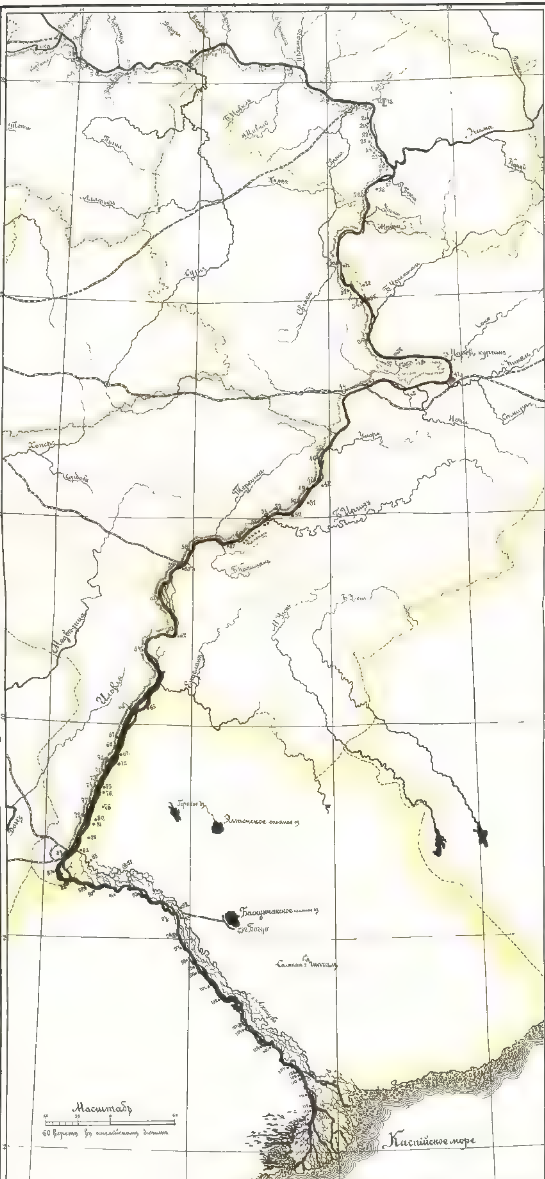
Чрезвычайно красивую картину представляетъ собою Астрахань, когда смотрѣть на нее съ парохода, не доѣзжая верстъ на пять до пристани. Городъ какъ бы окруженъ цѣлымъ моремъ воды; лѣсъ мачтъ судовъ всякаго калибра тянется на нѣсколько верстъ; гдѣ начинается этотъ лѣсъ, вы видите съ полною ясностью, конецъ же его исчезаетъ въ далекой синевѣ. Задернутый какъ бы голубоватой дымкой, чуть виднѣется вамъ городъ длинной полосой, надъ которой ярко сверкаютъ на солнцѣ главы грандіознаго астраханскаго собора. Эта неоглядная водяная ширь, эта масса судовъ, эти снующіе по всѣмъ направленіямъ пароходы, имѣющіе видъ

то какихъ то гигантовъ, то крошекъ, передъ которыми вашъ пароходъ кажется великаномъ,—все это вмѣстѣ составляетъ совершенно очаровательную картину. Мы не ошибемся, сказавъ, что ни одинъ городъ на побережьяхъ Волги не произведетъ на васъ такого впечатлѣнія во время приближенія къ нему какъ Астрахань. Но вотъ вы у пристани, и впечатлѣніе нѣсколько мѣняется.

Прежде всего вы замѣчаете, что та легкая синева, которая такъ поэтично закрывала для васъ очертанія города, есть не болѣе какъ пыль, несущаяся на васъ цѣлыми тучами. Сойдя съ парохода, вы сразу попадаете, такъ сказать, въ Азію:

слухъ вашъ поражается громкимъ говоромъ чуть не на всѣхъ азіатскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ; передъ вами толпятся и татары, и персы, и армяне, и хивинцы, и еще, Богъ знаетъ какіе, восточные человѣки.... Но вотъ вы вступили на улицу; тамъ встрѣчаете вы и верблюдовъ, и нагруженныхъ ословъ, и почему-то многое множество собакъ, а надъ всѣмъ этимъ несется на васъ захватывающая дыханіе пыль. Но не смущайтесь! Къ пыли русскій человѣкъ привыкаетъ довольно скоро, а съ жарищей, царящей въ Астрахани, вы примиряетесь невольно при видѣ той суеты, которая происходитъ вокругъ, того состоянія вѣчнаго толченія, въ которомъ, кажется, постоянно находится мѣстный астраханскій житель. Во всякомъ случаѣ вы встрѣтите тамъ такъ много новаго, чуждаго вамъ, что познакомиться съ Астраханью и познакомиться хорошенько весьма и весьма не мѣшаетъ туристу, прежде чѣмъ онъ отправится въ обратный путь вверхъ по Волгѣ—путь, на которомъ ждутъ его многіе красивые виды, проскользнувшіе мимо его взора во время ночного движенія парохода.

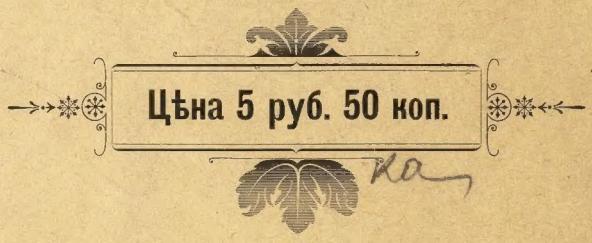
И такъ, прощайте, читатель! Да благо вамъ будетъ и да будетъ счастливъ вашъ обратный путь вверхъ по Волгѣ.



КАРТА
ТЕЧЕНІЯ ВОЛГИ
ОТЪ НИЖНЯГО-НОВГОРОДА ДО АСТРАХАНИ.

Списокъ городовъ и селеній.

1 Нижній-Новгородъ.
2 Кстово
3 Безводное
4. Кадницы
5 Работки
6. Макарьевъ
7 Лысково.
8 Исады
9. Фокино
10 Василь-Сурскъ.
11. Юрино.
12. Троицкое
13. Козьмодемьянскъ
14 Чебоксары.
15 Сундырь
16. Козловка
17 Свіяжскъ.
18. Казань
19. В. Услонъ.
20. Н. Услонъ.
21 Ключище.
22 Шеланга
23 Тенька
24 Красновидово.
25. Антоновка
26 Богородскъ
27 Спасскій Затонъ.
28. Болгары
29. Тетюши
30. Симбирскъ.
31 Корольчиха
32. Тургенево.
33. Кордуша
34. Сенгилей
35. Бѣлый Яръ.
36. Новодѣвичье
37 Усолье
38. Ставрополь.
39 Жегули
40. Моркваши
41. Самара
42. Екатериновка.
43 Костычи.
44. Сызрань.
45. [illegible]
46. [illegible]
47 Алексѣевка
48 [illegible] Яръ
49 Мѣровка
50. Н[illegible] Буеракъ
51 Натальино
52 Балаклава
53 Терса
54 Вольскъ
55. Рыбное
56. Воскресенское.
57 Борискъ (Екатериштатъ)
58. Пристанное
59 Саратовъ
60. Покровское
61 Сосновка
62 Ровное
63 Золотое
64 Банновка
65. Щербаковка
66 Камышинъ
67 Антиповка
68. К[illegible]
69 [illegible]
70 Балыклей
71 Александровское
72 Верхне Балыклейское
73 Ерзовка
74 Водное
75 Калмыцкая Балка
76. Водяное
77 Песковатка
78 Ново Никольское
79 Дубовка
80 Пихинка
81 В. Погромное.
82 Н. Погромное
83. Безводное
84. Царицынъ
85 Ахтубинское
86 Царевъ
87 Отрадное
88. Сарепта
89 Свѣтлый Яръ.
90. Поповицкая
91 Солодники
92 Каменный Яръ
93 Владимировка.
94 Старицкое
95 Соляная пристань
96. Черный Яръ
97 Соленое Займище
98. Грачевское.
99. Никольское
100 Пришибинское
101 Ветлянская
102 Копановская
103 Енотаевскъ.
104 Владимировка
105. Тюменевка
106. Сѣроглазовка
107 Замьяновская
108 Петропавловская
109 Лебяжинская.
110 Тюменя Садъ
111 Дурновская
112 Карантинное.
113 Солянка
114 Красный Яръ
115 Астрахань
116. Ватюбинское.
117 Икряное



Главный складъ при Лито-Типографическомъ заведеніи
С. В. Кульженко, въ Кіевѣ.